

К. МОИСЕЕВА

ЛЮДИ ИЩУТ ЗАБЫТОЕ ЦАРСТВО

А





К. МОИСЕЕВА

ЛЮДИ ИЩУТ ЗАБЫТОЕ ЦАРСТВО

РАССКАЗЫ
ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ОТКРЫТИЯХ

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1979

P2
M74

Издание второе,
дополненное.

Х у д о ж н и к
Борис Кыштым

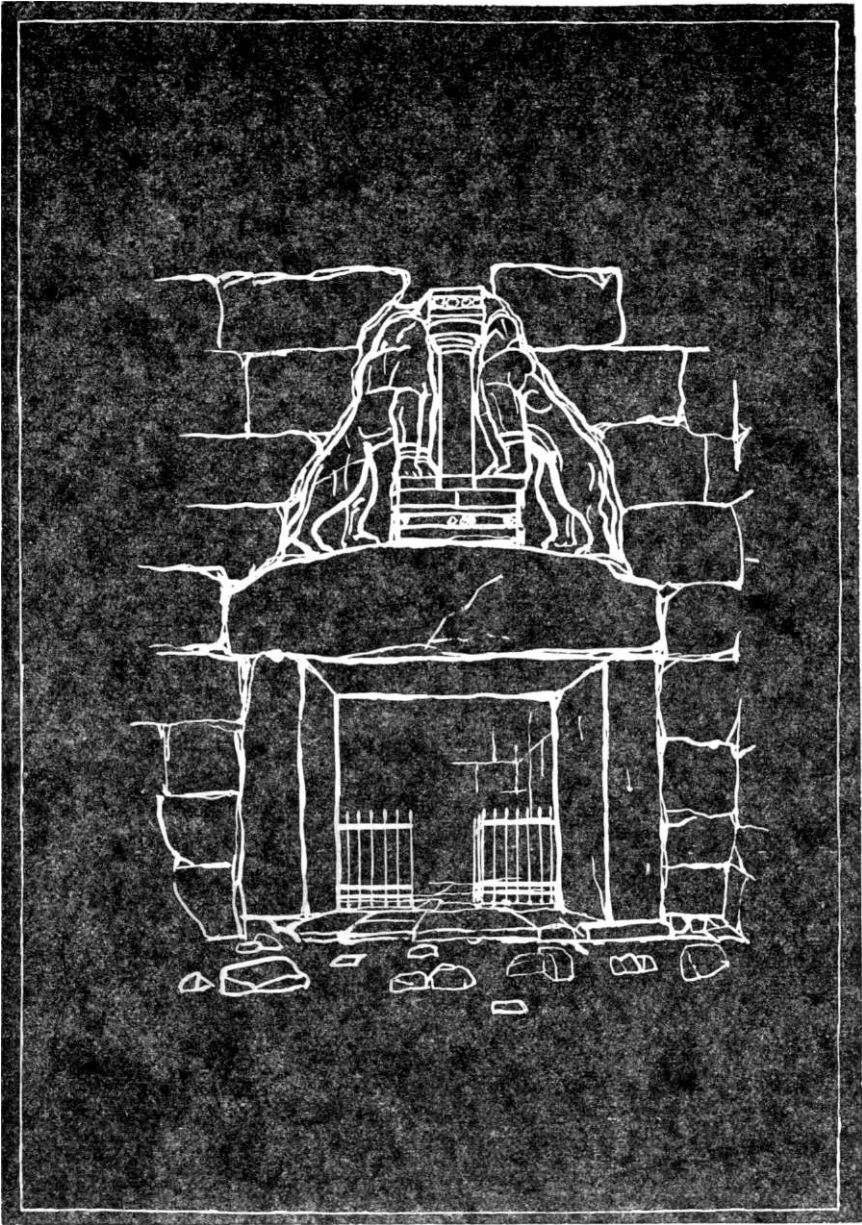
Ф о т о
Николая Зимина

М $\frac{70802-524}{\text{МНИ (03)79}}$ 323—79

© Рассказы, отмеченные звездочкой. Иллюстрации.
© Издательство «Детская литература», 1979 г.

**ПОИСКИ
И
НАХОДКИ**





ПОИСКИ ЛЕГЕНДАРНОЙ ТРОИ



то было больше ста лет назад. В маленьком немецком городе Фюрстенберге в бакалейной лавке работал мальчик Генрих Шлиман. Ему было четырнадцать лет, и он очень любил читать. Но изнурительная работа с пяти утра до поздней ночи отнимала всё время. И только в полночь бледный худенький мальчик зажигал свечу в своей камерке и начинал читать любимую книгу — «Илиаду» и «Одиссею» Гомера.

Утром, таская бочки с селёдкой, ящики с пивом и груды колбас, он повторял про себя запомнившиеся ему строки:

Меж городами людей, на земле беспредельно живущих,
Сколько на свете ни есть их под солнцем и звёздами неба,
Сердцем всех больше моим Илион почитался священный.
И повелитель Приам, и народ копьеносца Приама...

Эти строки переносили его в далёкий сказочный мир, знакомый ему с тех пор, когда отец, бедный священник, рассказывал ему об отважном Одиссее, о могущественном царе Агамемноне и Менелae. Иной раз он видел во сне героев Гомера. Своим сверстникам Генрих говорил, что верит в существование Трои и что настанет день, когда он найдёт развалины этого древнего города.

— Чудак! — говорили ему дети. — Гомер придумал сказку, а ты через тысячи лет хочешь найти древние города. Их не было!

— Они были! — твердил Генрих. — Я верю, что греки девять лет воевали с троянцами и на десятом

году победили их. Я убеждён, что жил троянский царь Приам и сын его Гектор сражался с непобедимым Ахиллом. Это было!

Так, работая мальчиком на побегушках, Генрих мечтал о великих открытиях. Он понимал: чтобы осуществить это, нужно очень много трудиться и очень усердно учиться. Шлиман покинул лавочку и отправился юнгой на грузовом парусном бриге «Доротея». Но случилась беда: жестокий шторм опрокинул судно и команде угрожала гибель. К счастью, Генрих уцепился за спасательную шлюпку, спасся и, оказавшись в Амстердаме, стал искать работу. Не имея профессии, он стал рассыльным в конторе голландского судовладельца. Генрих жил в бедности и голоде, но учился. На свои жалкие гроши покупал учебники, изучал иностранные языки. У него выявились необычайные способности к языкам. Ему нужно было не больше шести недель, чтобы изучить язык. За такой короткий срок он свободно говорил и правильно писал на иностранном языке. За год Шлиман изучил: английский, французский, голландский, испанский, португальский и итальянский языки.

Когда Генрих Шлиман пришёл к богатому судовладельцу с просьбой взять его на должность бухгалтера, хозяин отказался. Но каково было его изумление, когда он узнал, что его посыльный отлично владеет семью иностранными языками. Это решило вопрос о новой должности. Очень скоро выявились и другие таланты юного Шлимана. Оказалось, что он умеет устраивать самые сложные торговые сделки.

К двадцати четырём годам Генрих Шлиман хорошо владел и русским языком. Амстердамский судовладелец решил его послать в качестве своего представителя в Россию.

Через год Генрих Шлиман уже основал свою собственную фирму в Петербурге и успешно вёл

торговлю с русскими купцами. Удача ему сопутствовала. Дела шли хорошо. Он стал независимым, появились деньги, и можно было мечтать о том времени, когда накопленное богатство позволит ему предпринять археологические раскопки. Он должен найти легендарный город Трою!

Шлиман трудился неустанно, совмещая свои коммерческие дела с изучением истории и многих иностранных языков. В тридцать три года он уже владел пятнадцатью языками. И чем больше Генрих учился, тем больше крепла его уверенность в том, что он займётся археологией.

Чтобы увеличить своё состояние, Шлиман отправился в Америку на золотые прииски Калифорнии. Открыл там контору и с большой прибылью скупал золотой песок у старателей. Жить было трудно, работа была тягостной, годы шли в трудах и заботах. Но настал день, когда Шлиман стал богатым человеком. В своём дневнике он написал тогда:

«Небо чудесным образом благословило мои торговые дела, и к концу 1863 года я увидел себя владельцем такого состояния, о котором не отваживался мечтать в самых честолюбивых своих замыслах... В силу этого я отошёл от торговли, решив целиком посвятить себя научным занятиям, которые всегда меня чрезвычайно привлекали».

Шлиман бросил свои коммерческие дела. В 1868 году он сел на корабль и отправился на родину Одиссея — в Итаку. Когда корабль причалил к берегу, уже немолодой господин сошёл на берег, встал на колени и поцеловал землю. Эта земля была для него священной.

Первые археологические раскопки на Итаке дали незначительные находки: фигурки божеств, сделанные из глины, жертвенный нож, остатки разбитой посуды. Шлиман решил искать Трою. Вскоре он ока-

зался на равнине, недалеко от деревеньки Бунарбаши (Турция), где, по предположениям учёных, была когда-то Троя.

Нет, здесь не могла быть Троя, думал Шлиман. Ведь у Гомера сказано, что было там два источника и один из них горячий. А здесь сорок источников, горячего же источника не нашлось. Да и расположена деревня Бунарбаши далеко от моря. Помнится, греки каждый день ездили к своим кораблям. Не могли же они так часто ездить туда, если море находится чуть ли не в трёх часах езды от того места, где он ищет сейчас развалины Трои.

С томиком «Илиады» в руках Шлиман проверял, мог ли сын троянского царя Приама Гектор трижды обежать вокруг стен Трои, спасаясь от преследований Ахилла. Шлиман увидел крутые склоны холма и пришёл к заключению, что Гектор не мог трижды преодолеть эти склоны. Он понял, что Троя не здесь.

Однако Троя была где-то поблизости. Шлиман не мог не считаться с мнением учёных. Он решил искать её на высоком холме Гиссарлык. Холм с плоской вершиной мог таить руины древнего города. Шлиман записал в дневник:

«...когда попадаешь в долину Трои, первое, что бросается в глаза, — это красивый холм Гиссарлык, самой природой, кажется, предназначенный для того, чтобы на нём возвышался большой город со своей цитаделью...»

С присущей ему энергией Шлиман принялся за раскопки. Он построил бараки для жилья, нанял сто рабочих и стал трудиться от восхода до заката, не щадя себя. Его помощницей стала молодая жена Софья, гречанка, как и он увлечённая поисками Трои.

Гомер указывал, что в самой высокой части города стоял храм Афины, вокруг него боги Посейдон и Аполлон построили стену Пергама. Шлиман стал

искать руины храма посреди холма. Здесь же он рассчитывал найти стену, возведённую, по преданию, богами. Он разрыл вершину холма и обнаружил стену, а рядом с ней нашёл оружие, домашнюю утварь, вазы и золотые украшения. Разве это не доказательство тому, что здесь был когда-то богатый город?

Но дальнейшие раскопки озадачили Шлимана, хотя и принесли ему мировую славу. Совершенно неожиданно под первым культурным слоем был обнаружен второй, за ним третий и четвёртый...

На третий год раскопок холм Гиссарлык уже был весь изрезан глубокими рвами. Тысячи тонн земли и камней были извлечены лопатами рабочих, и каждый раз открывались новые непонятные руины. Словно в слоёном пироге, лежали друг на друге остатки древних городов и поселений.

Шлиман обнаружил семь забытых городов. Но где город Гомера, как определить? У археологов существует способ определять время по найденной в земле глиняной посуде. Каждое поколение людей по-своему украшало посуду, менялись формы, цвет глины и способы изготовления.

Изучая находки разных культурных слоёв, Шлиман пришёл к выводу, что Троя расположена в третьем снизу поселении. Не об этом ли говорят покрытые копотью руины? Однако строения, погибшие от пожаров, нисколько не напоминали прекрасный дворец царя Приама, который, согласно описаниям Гомера, имел шестьдесят два зала.

«Этот жалкий городишко, — писал он о третьем снизу поселении, — который едва ли насчитывал три тысячи жителей... Разве можно его отождествлять с великим Илионом, покрытым бессмертной славой, с городом, который десять лет отражал героические атаки стодесяти тысячной греческой армии?»

И всё же Шлиман решил, что открыл город царя

Приама. Учёные Европы высмеяли его. Разочарованный Генрих Шлиман решил прекратить дальнейшие поиски Трои.

14 июня 1873 года, накануне отъезда, Шлиман со своей женой Софьей, верной помощницей, пришёл на холм Гиссарлык в последний раз осмотреть раскопки. Вдруг он обратил внимание на золотой предмет, сверкающий в лучах солнца. Он тут же велел отпустить рабочих и стал ножом раскапывать землю. Сверкнуло золото, так много золота, что Шлиман велел Софье расстелить большую красную шаль и складывать на неё золотые ожерелья, перстни, браслеты, кубки дивной красоты. С трудом они притащили в дом этот бесценный клад и стали его рассматривать. 24 ожерелья, 8700 золотых перстней, 60 серёг, 6 браслетов, 4066 брошей, золотой кубок весом в 600 граммов, золотая бутылка, несколько серебряных и медных ваз, бронзовое оружие предстали перед их глазами. Шлиман был потрясён. Значит, он нашёл Трои, и перед ним сокровища царя Приама! Он записал в своём дневнике:

«Так как я обнаружил все эти предметы под стеной здания, посвящённого, как утверждает Гомер, Нептуну или же Аполлону, значит, они лежали первоначально в деревянном сундуке, который — об этом говорит Гомер в «Илиаде» — находился во дверце Приама».

Найдены сокровища Приама, правителя Трои — одного из богатейших городов древности. Теперь уже нет сомнений! Вот она — осуществлённая мечта юности! Но что делать с этим кладом? Получая разрешение на раскопки, он обязался отдать турецкому правительству половину находок. Но как можно отдать в руки кучки правителей эти бесценные сокровища? Поймут ли они, как дорога эта находка для науки? Нет, эти сокровища должны служить людям,

принадлежать музею. Шлиман увёз сокровища в Грецию, а вслед ему неслись проклятия турецкого султана.

Учёные Европы, узнав о небывалом открытии, перестали бранить Шлимана. Слава о нём разнеслась по всему миру. Все говорили о кольцах, диадемах и ожерельях Приама.

Золотые сокровища царя Приама воодушевили Генриха Шлимана на новые подвиги. Он тогда ещё не знал, что руины древнего города в третьем слое Гиссарлыка — это не Троя.

Через несколько лет выяснилось, что Шлиман открыл Трою, но она находилась в шестом слое на холме Гиссарлык. А золотой клад не имеет отношения к Приаму, он принадлежал царям, жившим за 2500 лет до нашей эры, за тысячу лет до Приама.

Открытия, сделанные Шлиманом, были грандиозны. Они затмили самые пылкие мечты юноши Генриха Шлимана, который с томиком Гомера в руках отправился на поиски древнего города. Он нашёл не только Трою, он открыл ещё несколько забытых царств, которые сменяли друг друга на протяжении многих столетий.

Теперь Шлимана интересовал Агамемнон, правитель Микен, победитель в троянской битве.

Микены находятся в северо-восточной части Пеллопонеса. Древние авторы писали о том, каким богатым и красивым был этот город. Всех поражали грандиозные стены, словно воздвигнутые великанами.

Шлиман стоял у Львиных ворот и старался себе представить, как в эти ворота вошёл Агамемнон, вернувшийся с победой из Трои, как торжественно его встречали, а потом убили. Он смотрел на стены дворца Агамемнона, сложенные из огромных каменных плит, и воображение рисовало ему убранство дворца. Он вошёл в гробницу через громадные воро-

та, воздвигнутые из каменных плит, каждая из которых весит несколько десятков тонн.

«Как их доставили сюда? Кто их доставил?» — подумал Шлиман.

Это очень своеобразное и очень величавое сооружение. Тридцать три каменных кольца, выложенных безупречно отточенными плитами, постепенно сужаются и заканчиваются одной полукруглой плитой. Этот грандиозный улей кажется игрушкой гиганта, так точно и тщательно пригнаны плиты. Как смогли так точно всё рассчитать! Как искусны были каменотёсы и строители!

К тому времени, когда Шлиман прибыл в Микены, в августе 1876 года, многие царские гробницы были давно ограблены. Но зная, как богаты были Микены, можно было предположить, что среди нетронутых усыпальниц сохранились бесценные сокровища, творения древних мастеров. Надо было искать.

Шлиман начал раскопки в том месте, где предполагал нахождение микенской агоры — места сборищ и судебных заседаний горожан. Он нашёл множество ваз и раскопал двойной круг, сооружённый из камней. Не здесь ли сидели правители города?

Древний автор Павсаний, побывавший в Микенах в 170 году н. э. писал:

«Здесь собирались они на свои собрания, на том месте, где покоился прах героев».

Шлиман обнаружил девять гробниц. Пять из них находились внутри крепости, а четыре были открыты за пределами крепости. Мог ли он сомневаться в справедливости слов Павсания?

«В самом деле, — писал он, — я нисколько не сомневаюсь, что мне удалось найти те самые гробницы, о которых Павсаний пишет, что в них похоронены Атрей, царь эллинов Агамемнон, его возница Эвримедон и их спутники».

Трудно было копать у Львиных ворот, где твёрдая почва, подобно камню, не поддавалась кирке и лопате. Но когда рабочие пробили верхний слой и проникли внутрь гробницы, Шлиман увидел такие сокровища, каких он прежде никогда не находил. Обломки фриз, расписные вазы, статуэтки, украшения из глины, стеклянные бусы и геммы — все поражаало своей красотой и изяществом.

В неустанном напряжённом труде проходили дни. Шлиман и Софья работали без отдыха. Когда отрыли ещё пять могил, где было захоронено пятнадцать человек, Шлиман послал телеграмму королю Греции, сообщая, что им открыто погребение, где были похоронены Агамемнон, Кассандра и их друзья.

Мог ли он сомневаться в этом, когда увидел останки, засыпанные золотыми украшениями. Груды золотых вещей, сделанных ювелирами в незапамятные времена, поражали воображение.

В наши дни эти сокровища хранятся в национальном музее Афин. Ими полны витрины громадных залов, посвящённых находкам Шлимана.

Шлиман извлёк пятнадцать золотых диадем, золотые лавровые венки, семьсот золотых пластинок с изображением зверей, медуз и осьминогов. Здесь была золотая корона с тридцатью шестью золотыми листками, множество золотых украшений с изображениями воинов, женщин, зверей и птиц. Здесь были секиры из позолоченного серебра с рукоятями из горного хрусталя. Кубки и ларчики из золота и, наконец, золотые маски — видимо, портреты умерших.

Это было грандиозное открытие. Шлиман был прав, когда писал:

«Все музеи мира, вместе взятые, не обладают и одной пятой частью этих богатств».

Какое счастье открыть человечеству неведомый забытый мир далёких предков.

Шлиман с полным правом говорил:

«Я открыл для археологии совершенно новый мир, о котором никто даже и не подозревал».

Все было так. Только Шлиман ошибся в том, что посчитал эту гробницу усыпальницей Агамемнона. Богатые царские могилы принадлежали царям на четыреста лет старше Агамемнона.

Описание находок Шлимана занимает целый том — 206 страниц. А сами сокровища хранятся сейчас в музеях Берлина и Афин.

Миллионы людей увидели их, восхищаясь талантами древних мастеров, живших за пятнадцать столетий до нашей эры. Люди с благодарностью вспоминают отважного Генриха Шлимана, который поверил Гомеру и открыл человечеству сказочный мир античности.



ДРЕВНЕЕ ЦАРСТВО УРАРТУ

Сным летним утром отворились бронзовые ворота Урартской крепости, и на дорогу, ведущую в горы, вышла процессия. Впереди всадники на быстрых конях, вооруженные копьями, в бронзовых шлемах, со сверкающими на солнце щитами. За ними следовали носилки под балдахином, их тащили рослые рабы. За носилками следовали вооружённые воины. У каждого лук и колчан, наполненный стрелами. Наместник урартского царя, которому принадлежали дворец, крепость и земли этой горной страны, спешил в столицу царства — Тушпу. Нельзя было медлить. Правитель великого царства Урарту задумал военный поход.

Процессия прошла мимо города Тейшебаини, где жили воины гарнизона и ремесленники. Затем дорога шла вдоль канала, пробитого в базальтовых скалах. Этот канал был недавно сооружён рабами урартского царя, и на пустынных землях выросли виноградники. У камня с незаконченной посвяtitельной надписью стоял резчик. Он славился умением высекать посвяtitельные надписи богам и царям. Резчик посторонился, пропустил процессию, а потом принялся за работу. Надпись гласила:

«Руса, сын Аргишти, говорит: в долине страны Кутурлини обработанной земли там никогда не существовало. По приказу бога Халда я этот виноградник развёл, поля с посевами, плодовые сады кругом устроил я там, города я ими окружил».

Наместник урартского царя покинул крепость у реки Ильдаруни, а жизнь во дворце продолжалась. Сотни слуг и рабов, поднятые вместе с восходом солнца надсмотрщиками, уже трудились во дворце, в садах и виноградниках. Работали резчики по камню, подготавливая базальтовые плиты для башен крепости. Пастухи угнали стада коров и овец на зелёные пастбища. Шёл сбор винограда. Сотни людей собирали его, укладывали в большие корзины и доставляли на винодельню. Слуги начищали сверкающие бронзовые щиты, стоящие рядами в просторном зале дворца. На столах — золотые и бронзовые пиршественные чаши. При дворце жили литейщики, знающие секрет приготовления звенящей бронзы.

Вблизи дворца наместника был большой двор с хозяйственными помещениями. Под навесом доили коров. В деревянных строениях, где в больших сосудах хранилось пиво, хлопотал пивовар. Рядом кладовые с большими сосудами, наполненными зерном и кунжутным маслом. У большого очага, где стояли закопчённые котлы с остатками жирной баранины,

спешили с разделкой туши. Воины из охраны, живущие в Тайшебаини, получали здесь продовольствие.

Молодой воин, прихватив полученные припасы, поспешил домой. У калитки его приветствовала радостным лаем собачка, сидящая на привязи у каменной кормушки. Воин кинул ей кусок мяса и передал корзинку жене. Молодая женщина долго хлопотала у дымного очага, сложенного посреди комнаты. Вдоль каменных серых стен стояли сосуды для воды, глиняные миски и закопчённые горшки.

Кончив хлопотать по хозяйству, молодая женщина взяла круглый кувшин с высоким горлом и вместе с подругами отправилась к реке за водой. Весело болтая, женщины опускали кувшины в прозрачную воду. Потом, сидя на берегу, показывали друг другу свои бусы и серьги.

Солнце уже клонилось к закату, когда внучка старого привратника, живущего у ворот крепости, вернулась в сторожку с кувшином воды. Она принесла восторг, затопила печурку и накормила деда.

Незаметно наступили сумерки. Дед оставил девочку в сторожке. Нынешней ночью ему предстояло нести охрану вдоль крепостной стены. В полночь он должен был сменить охранника и зорко следить за порядком. Тёмной ночью на вершинах соседних гор зажигались сигнальные костры, которые были видны на далёком расстоянии и давали знать страже о том, что нет опасности нашествия. А когда наступал враг, тогда сигналы были другими. Старый охранник хорошо знал эти сигналы.

— Петух разбудит нас в полночь, не тревожься, — сказал дед девочке, укладываясь на циновке рядом с печуркой.

Девочка задремала в уголке сторожки на мягком войлоке, тревожась, не проспит ли петух, прокричит ли вовремя.

Они проснулись внезапно, но не от пения петуха, а от страшных криков, от завывания собак и мычания коров. Отворив дверь сторожки, старик увидел, что весь двор с хозяйственными помещениями объят пламенем. Горело зернохранилище, загорелись кладовые с кунжутным маслом. Метались люди, мычали коровы, плакали дети.

А за крепостной стеной теснились скифские всадники. С криком и угрозами они метко пускали над стеной стрелы с зажжённой паклей. От этой пакли воспламенялись тростниковые строения, а затем и деревянные.

— Нашествие! — воскликнул старик. — Царь урартский собрался в новый поход, а завоёванные им земли во власти скифов. Погибли мы! Они убьют нас!

Старик захлопнул дверцу сторожки, чтобы спрятаться от языков пламени. Но дым наполнил маленькую сторожку, и старый привратник вместе с внучкой задохнулись.

Их нашли археологи через две тысячи шестьсот лет после этих трагических событий. Стены сторожки, засыпанные землёй, — сохранились. Когда археологи сняли многометровый слой земли, они увидели рядом с очагом скелеты старика и молоденькой девушки. Сохранились её бусы и браслеты, сохранился хворост в печурке и крошечный букетик увядших полевых цветов, брошенный в очаг вместе с хворостом. В глиняной обмозке стен торчали наконечники скифских стрел. Эти наконечники стрел рассказали учёным о том, что враги, напавшие тёмной ночью на урартскую крепость, были скифами. А увядшие лепестки цветов помогли узнать, в какое время произошло нашествие. Это была половина августа, когда на полях Армении цветут эти голубые цветы.

Но вы спросите, откуда узнали, что нужно копать именно в этом месте? Как узнали, где были развали-

ны древней урартской крепости и руины города Тайшебаини?

Случилось так, что в предместье Еревана на холме Кармир-блур был найден камень с надписью урартского царя Русы, сына Аргишти, который правил в VII веке до нашей эры. Учёных заинтересовала клинописная надпись, связанная с урартским царём и найденная в Закавказье. К этому времени были известны клинообразные надписи, высеченные на камнях и на скалах, но других памятников этого далёкого времени пока не находили. Пет ли здесь руин древнего города или крепости?

В этом месте начала работать археологическая экспедиция Армянской Академии наук и Государственного Эрмитажа. Экспедицию возглавил известный археолог Б. Б. Пиотровский. Это случилось в 1936 году. С тех пор более 30 лет велись раскопки урартской крепости и древнего города.

Археологи раскрыли руины древнего города Тайшебаини и развалины дворца урартского наместника — некогда богатое сооружение, имеющее сто двадцать помещений. Его создали искусные строители, и через две тысячи семьсот лет можно удивляться толстым крепким стенам дворца, превосходной штукатурке, стенной росписи, которой были украшены комнаты.

Были раскопаны винные подвалы, хозяйственные помещения. Наместник урартского царя был запаслив; он усердно собирал дань у земледельцев покорённой страны. В громадных глиняных сосудах — карасах найдены тысячи килограммов пшеницы, проса, ячменя и кунжута. Зерно почернело от времени, но как давно оно было собрано с полей Армении!

Хозяйственные помещения огромны. Несмотря на пожарище, которое многое уничтожило, повсюду следы деятельности древних жителей этой крепости.

Вот сосуды, в которых приготавливали пиво из ячменя. Открыто помещение, где кунжут превращали в масло. Видимо, в кладовых крепости накопились большие запасы масла. Когда это масло сгорало, раскалились камни и земля вокруг, весь холм стал красным. Вот почему этот холм называется Кармир-блур. По-армянски это «Красный холм».

В одном из помещений дворца была найдена большая ванна, высеченная из куска туфа. В ней размачивались зерна кунжута. Каменный жёлоб рядом с ванной служил для отвода отработанной воды. Можно предполагать, что в соседнем помещении стоял деревянный пресс для выжимания масла. Судя по кускам обгоревших жмыхов и обгоревшему дереву, пресс сгорел во время пожара, а глиняные стены раскалились и стали красными. Надо сказать, что и сейчас кустарное изготовление кунжутного масла в Армении ничем не отличается от способа древних.

Винные подвалы урартской крепости так хорошо сохранились, что не верится в то, как давно они устроены. Высокие — в два человеческих роста — сосуды стоят до сих пор в ряд, а ведь в них хранилось вино двадцать шесть веков назад. Было извлечено 152 караса ёмкостью около 160 тысяч литров. Какие же здесь были виноградники!

Когда археологи очищали от земли эти громадные сосуды, они нередко находили на дне сгустки высохшего вина. А в иных сосудах неожиданно оказались бесценные сокровища. Как-то, извлекая землю из хорошо сохранившегося сосуда, археолог почувствовал, что маленькая лопатка стукнулась о металл. Он стал тихонько выгребать землю, чтобы не повредить какой-то неведомый предмет. И вдруг он извлёк на поверхность бронзовые чаши. Они были покрыты слоем зелёной окиси, под которой скрывалась клинопись древнего мастера.

Под верхними зелёными чашами лежали сверкающие чаши, будто золотые, совсем не тронутые временем. Здесь оказалось девяносто семь пиршественных чаш! Время не оставило своих следов на искусной работе урартских мастеров. На каждой чаше — имя царя, которому она принадлежала. Б. Б. Пиотровский ставил эти чаши на стол рядами и деревянной палочкой ударял по ним. Каждая издавала свой особенный серебристый звон, будто имеет свой голос. А все вместе они звучали как музыкальный инструмент.

У подножья холма Кармир-блур был раскопан древний город Тейшебаини. Вдоль прямых широких улиц видны фундаменты больших каменных домов. Каждый дом предназначался для нескольких семей, и потому сохранились остатки нескольких калиток. Вот у порога дома высокий камень с отверстием, а рядом разбитая каменная кормушка для собаки. Тысячи лет назад здесь на привязи сидела собака и охраняла дом. На каменном полу отчётливо видны следы очага и найдены осколки посуды. Здесь же разрубленные кости коровы и овцы. В домах нет кладовых для припасов, нет поблизости скотного двора. Нет хранилищ для зерна. Следовательно, всё необходимое люди получали в кладовых крепости.

Археологи узнали о том, что вокруг города Тейшебаини было много прекрасных виноградников. Узнали, не только прочитав хвастливые надписи царей Урарту: «...по приказу бога Халда я этот виноградник развёл...» До наших дней сохранился канал, пробитый в базальтовых скалах кирками рабов. Он подаёт воду на виноградники вблизи Еревана. Только река, которая прежде называлась Ильдаруни, теперь называется Занга. Канал этот протянулся на двадцать два километра. Часть его проходит иод землёй и выносит воду реки в соседнюю безвод-

ную долину. Двадцать шесть веков существует этот канал. Можно пройти вдоль его русла. По обе стороны его и поныне плодоносят виноградники. Непода­лёку от этих виноградников, среди развалин древнего храма была найдена базальтовая плита с надписью: «...Канал из реки Ильдаруни я провёл...»

Много лет велись раскопки древней урартской крепости на холме Кармир-блур, вблизи Еревана. Медленно раскрывается перед учёными картина да­лёкого прошлого. Бывает, что целый сезон раскопок не даёт археологам ценных находок. А бывает, что находки поразительно интересны и значительны. О чём расскажет учёным бронзовый шлем с чекан­кой? Здесь изображена целая картина. Он украшен одиннадцатью священными деревьями. По обе сторо­ны каждого дерева стоят боги. Одни из них борода­тые, с крыльями за спиной; известно, что они назы­вались керубами. Их изображения часто встречаются на рельефах в ассирийских дворцах. Другие боги — безбородые, их изображения встречаются на роспи­сях в урартских дворцах. Все одиннадцать священ­ных деревьев обрамлены изображением змей с льви­ными головами. Это магическая защита от злых сил. Но это не всё: на шлеме изображены боевые урарт­ские колесницы и всадники.

О чём же рассказал помятый бронзовый шлем урартского военачальника? Он рассказал о веровани­ях древних урартов, познакомил с военной техникой, с вооружением и одеждой воина. Значительная на­ходка!

Среди рухнувших стен крепости было найдено много бус, печати из камня и фаянса. Печати напо­нили учёным о связи урартов с Ассирией. Такие же печати с изображением сказочных четвероногих существ были в своё время найдены при раскопках ассирийских городов. Бусы из сердолика, агата и

египетской пасты были доставлены из Египта, Средней Азии и Средиземноморья. Оттуда же прибыли небольшая фаянсовая подвеска с изображением богини и золотые серьги, украшенные зернью, сделанные искусным ювелиром.

Вы спросите, откуда узнали название города. В одной из кладовых дворца был найден бронзовый запор с клинообразной надписью: «Русы, сына Аргишти, крепость города Тейшебаини». Тейшеба — урартский бог войны и бури, его именем и назван город.

По мере того как открывались руины погибшего города и сожжённой крепости, учёные вспомнили многочисленные клинописные надписи, найденные ещё сто лет тому назад среди развалин дворцов ассирийских царей. Эти надписи на глиняных дощечках, на камнях и на скалах рассказывали о военных походах царей Ассирии.

В 1878 году при раскопках дворца ассирийского царя Салманасара III на холме Балават, неподалёку от развалин столицы Ассирии Ниневии, археолог Ормузд Рассам обнаружил бронзовые листы, которыми были обиты ворота дворца. Среди барельефов, повествующих о воинских походах, рядом с надписью «Город Сугуниа, Арама Урартского» сохранилось изображение укрепленного военного лагеря, откуда выступает ассирийское войско — видны колесницы и пехота. Они направляются к горящей крепости, осаждённой с двух сторон. Ассирийские воины взбираются по лестницам на стены крепости. А внутри её видны защитники — лучники и копейщики. Неподалёку изображена группа пленных урартов со связанными руками и колодками на шее. Видно, как их угоняют ассирийцы.

Из летописей известно, что в IX веке до нашей эры в дни правления Салманасара III в районе озера Ван возникло новое царство, которое ассирийцы на-

зывали Урарту. Салманасару не удалось покорить урартов, и после него, уже в начале VIII века до нашей эры, царство Урарту стало соперником Ассирии.

Когда был раскопан дворец ассирийского царя Саргона, были найдены рельефы, изображающие войны ассирийцев с урартами. Здесь можно увидеть осаду и взятие крепостей, разорение урартского храма в Мусасире.

Сохранилось много письменных источников, рассказывающих о походе ассирийского царя Саргона в 714 году до нашей эры. В знаменитой библиотеке ассирийского царя Ашурбанипала сохранились донесения разведчиков, посланных в Урарту. Одна большая глиняная табличка рассказала учёным о продвижении войска в горах, о том, как Руса, царь Урарту, вместе со своими союзниками, вождями горных племён, поднялся на гору Сохенд и в ущелье построил свою боевую армию. Там написано, как Руса приказал своим начальникам: «Собирайте ваши воинские силы для истребления царя Ассирии». Но Саргон вышел победителем, он внезапно среди ночи напал на урартский лагерь, и вот как царь увековечил это событие в посвяtitельной надписи: «Ущелья гор были заполнены их трупами, и кровь убитых текла, как река...» Далее рассказывается, как царь Руса бросил свою боевую колесницу и спасся бегством верхом на кобыле. Саргон рассказывает, как велико было отчаяние урартского царя: «Подобно ночной птице, которая летит перед орлом, сердце его трепетало от страха; подобно человеку, который пролил кровь, покинул он Тушпу, свою царскую резиденцию; подобно животному, которое бежит перед охотником, достиг он склонов своих гор».

На этот раз ассирийская армия не встретила сопротивления и с победой прошла через всю страну.

Раскопки города Тейшебаини и урартской крепости на холме Кармир-блур рассказали учёным о нашествии скифов во всех подробностях. Через тысячи лет мы узнали, что нападение было внезапным, его совершили ночью со стороны реки Ильдаруни. По всей вероятности, враг знал, что западные ворота крепости плохо защищены, и, подойдя к ним, они засыпали крепость градом стрел. Стрелы вонзались в глиняную обмазку стен, проникали за высокую зубчатую стену и приносили огонь к лёгким тростниковым строениям. Огонь разливался, как быстрая река, и вся крепость превратилась в факел.

Проникнув за стены крепости, враги пытались захватить богатую добычу. Они разрушили жертвенник, разбили глиняных богов и жертвенные сосуды. Они искали ценности. Сторожа кладовой, пользуясь паникой и пожаром, припрятали кое-какие ценные вещи для себя. Они сложили их в каркасы, предназначенные для вина. Вот почему сохранились до наших дней бронзовые пиршественные чаши, щиты и шлемы.

Крепость города Тейшебаини, где была сосредоточена власть урартов в Закавказье, погибла в начале VI века до нашей эры. Но высокая культура Урарту, одного из могущественнейших государств Передней Азии, оставила свои следы в истории культуры народов Закавказья.

Из века в век, словно по эстафете, передавалось прекрасное искусство художников и ремесленников далёкой древности. Эта эстафета дошла до наших дней. И если славятся своим мастерством архитекторы, строители, скульпторы и художники Армении, если мы восхищаемся работой литейщиков и ювелиров Еревана, то в этом есть и частица труда древних мастеров Урарту.

Благодаря открытиям советских археологов вос-

становлена забытая история древнего царства Урарту. Об этом царстве написано много книг, и каждый, кто бывает в Армении, может увидеть в её музеях памятники культуры древнего царства Урарту.



ЦАРСТВО КОЧЕВНИКОВ- СКИФОВ

Зелёная степь пестрела цветами. И подобно гигантским цветам, мелькали золотистой масти жеребята, резвые и ласковые. Табунщики приманивали их сладкой медовой лепёшкой, поили ключевой водой из деревянного корытца и нежно гладили по шелковистой шёрстке. Под вечер их подгоняли к реке, купали, а затем укладывали спать на мягкой подстилке, под навесом, чтобы ночной ветерок не повредил им.

В этой зелёной степи, которая была и пастбищем для скота, и домом для людей, очень любили и холили жеребят. Они росли весёлыми и здоровыми.

— Это будут настоящие «небесные кони», — говорил старый табунщик. — Когда вырастут и станут хорошими верховыми конями, им не будет цены. За них дадут бронзовые котлы, золотые чаши и даже редкостные ковры.

Старый табунщик был прав. Кони были самым большим сокровищем у кочевников-скифов. Да и как бы они жили в своих кочевьях, не имея коней?

Племена кочевников-скифов жили в степях в своих войлочных шатрах или в деревянных повозках, которые служили им для перевозки скарба при постоянных переездах с места на место.

И сейчас семьи табунщиков расположились на берегу реки. Они раскинули свои шатры, распрягли коней, чтобы дать им отдых. Тотчас же задымили костры. Над ними повесили закопчённые бронзовые котлы, в которых варилась баранья похлёбка. Стада овец рассыпались на зелёном просторе. Их было так много, что вряд ли кто мог подсчитать. Ведь овцы кормили и одевали кочевников. Из тонкой, как пух, шерсти ткали лёгкие ткани, из грубой шерсти валяли войлок для шатров, из шкур делали верхнюю одежду для зимней стужи. Шкуры служили для изготовления вёдер и сумок, чтобы складывать в них запасы еды.

Как только умолкли дети, насытившиеся горячей едой, как только закончились заботы, связанные с приготовлением пищи, женщины занялись рукоделием, без которого не могла обойтись ни одна семья. Старые, молодые и даже маленькие девочки взялись за шитьё одежды, за вышивание. Иные пряли шерсть, напевая старинную колыбельную песню малышу, который лежал в плетёной корзинке. Маленькие бойкие девочки затихали, глядя, как старая бабка вышивает нарядную попону. Старуха вырезала большие алые лепестки мака из тонкого крашеного войлока, пришивала их в сердцевине цветка, и, когда встряхивала белой попоной, лепестки, словно живые цветы в поле, колыхались от ветра. Такая попона — хороший подарок молодому всаднику.

А в соседнем шатре молодая женщина расшивала подмётку сафьяновых башмачков сверкающим бисером, привезённым кем-то из далёкой Персиды. Когда дочь спросила женщину: «Зачем тратить бисер на подмётку?» — мать ответила:

— Как же, дочка, нарядная подмётка очень украшает башмачок. Когда сидишь на ковре, подобравши ноги калачиком, так славно сверкает бисерная под-

мётка. Особенно вечером, при огнях светильников. Это красиво!

Женщины скифских кочевий были искусницами и франтихами. Они любили наряжаться пёстро и красиво. Они любили украшать каждую вещь, которая служила им в хозяйстве. Каждый мешочек из кожи был расшит аппликациями, каждый меховой нагрудник для маленькой девочки был украшен пёстрыми мехами и вышивками. А одежда женщин была такой нарядной, что можно было удивляться терпению искусных мастериц.

Люди, живущие в своих кочевьях, ещё не строили домов и крепостей. Они не знали письменности. Но они были отважными воинами и прекрасными лучниками. Когда появлялись скифские всадники на своих быстрых конях и когда летели во вражеский стан их меткие стрелы, враг отступал. Вместе с мужчинами шли на врага и отважные женщины. Греки назвали их амазонками и боялись их грозных стрел.

Об отважных скифских воинах складывались легенды. Мужество, бесстрашие и любовь к своей земле прославили скифов среди многих древних народов.

Скифы кочевали по бескрайним просторам степей Причерноморья, Приднепровья и Алтая. Им принадлежали огромные пастбища от Карпат на западе до Памира на востоке. Более тысячи лет эти племена были кочевниками, пока не осели на плодородных землях, чтобы стать землевладельцами. Скифы имели торговые связи со многими соседними народами. Они учились у них строить дома и крепости, заниматься ремеслом.

Персы и греки в своих летописях нередко упоминали об этом народе. О них писал отец истории, греческий летописец из Галикарнаса — Геродот. В V веке до нашей эры он побывал в Скифии и записал:

«Страна скифов представляет собой богатую травой и хорошо орошаемую равнину... У скифов нет ни городов, ни укреплений, и свои жилища они возят с собой. Все они конные лучники и промышляют не земледелием, а скотоводством. Их жилища — в кибитках...»

Прошли тысячи лет, и кочевники-скифы были забыты. О них напоминали лишь степные курганы, неведомо когда и кем сложенные. Историки и археологи предполагали, что эти курганы являются древними усыпальницами вождей кочевых племён. Но так ли это, узнали лишь тогда, когда стали вести раскопки этих курганов.

Первые находки, связанные со скифскими курганами, были сделаны ещё в 1763 году. На Украине, около старинного города Елизаветграда (теперь — Кировоград), в богатом захоронении было найдено много золотых и серебряных вещей, отделанных чеканкой. Такие же вещи, сделанные в так называемом зверином стиле (когда художник превосходно изображал на барельефах зверей и птиц в прыжках, в полёте), были впоследствии найдены во многих степных курганах Украины. Сейчас уже на весь мир прославились произведения искусства древних художников, сделанные по заказу скифских вождей искусными греческими мастерами.

На Украине, недалеко от Днепра, был открыт Чертомлыкский курган с захоронением IV века до нашей эры. Среди других предметов там найдена большая серебряная амфора с позолотой и на ней — превосходно сделанный барельеф. На верхней части сосуда изображены скифы, которые ловят и стреноживают диких лошадей. Нижняя часть амфоры украшена изображениями птиц и растительным орнаментом. Учёные предполагают, что это работа греческих ювелиров, которые жили в столице Бос-

порского царства городе Пантикапее (ныне это город Керчь в Крыму).

В тех же краях на Украине с давних пор высился в степи курган Солоха. Когда его открыли, оттуда извлекли много прекрасных вещей, и в том числе золотой гребень, украшенный скульптурами сражающихся воинов на конях. Эти бородатые воины — скифы. Мастер искусно передал облик древних кочевников, их одежду и вооружение.

Открытие, сделанное в долине Пазырык на Алтае в 1949 году археологической экспедицией Академии наук СССР и Государственного Эрмитажа под руководством С. И. Руденко, не дало учёным золотых вещей, но открытие это было уникальным. Оно было единственным в истории археологии, потому что древний курган сохранил на тысячелетия такие предметы, какие никогда прежде не попадали в руки учёных, потому что истлели. Впрочем, чтобы рассказать об этом открытии, надо отправиться в Пазырыкскую долину и совершить путешествие по Чуйскому тракту, проложенному в горах Алтая. Извилистая лента Чуйского тракта протянулась по долинам рек, через горные перевалы, мимо альпийских лугов, к вершине горы Чикэтаман. Отсюда виден Алтай во всей его первозданной красоте.

Тихо и таинственно в этой долине. Она необитаема. Здесь нет воды, и потому люди не селились здесь. Но очень давно в этой долине были воздвигнуты высокие курганы. Учёные предположили, что это захоронения вождей кочевых племён.

На этот раз было решено раскрыть самый большой курган. Сняли гигантские валуны, каждый из них полтонны весом. Убрали брёвна, покрывающие могилу, и глазам археологов представилась усыпальница в виде большого деревянного сруба, покрытого промёрзшей землёй. Вечная мерзлота!

Это неожиданное открытие сулило учёным редчайшие в археологии находки. В вечной мерзлоте могли сохраниться и тела захоронённых, и вещи, которые обычно истлевают...

Но как извлечь из замёрзшей земли бесценные сокровища, неведомо когда положенные в усыпальницу? Лопата, кирка — всё то, что служит археологам в их работе, здесь совершенно неприемлемы: ведь можно изрубить какие-то предметы, вмёрзшие в землю. Стали возить издалека воду, грели её и кипятком заливали скованные льдом вещи. Постепенно из деревянного сруба стали извлекать на поверхность множество предметов, какие никогда прежде не попадали в руки археологов.

История археологии не знает случая, когда бы в земле тысячелетия хранились предметы из меха, кожи и тканей. А здесь, в алтайском кургане, всё так хорошо сохранилось, словно было уложено несколько дней тому назад. Вот большой войлочный ковёр, расшитый пёстрыми аппликациями. На нём изображена богиня плодородия с деревом жизни в руках. Она сидит в кресле, или, вернее, на троне, а перед ней всадник. Он одет в короткую синюю куртку, перетянутую в талии поясом. За плечами пёстрый плащ. Штаны узкие, в обтяжку. Ковёр обрамлён бордюром из цветов, ярких и красочных. Потрогаешь этот мягкий войлочный ковёр и, наверное, подумаешь: «Двадцать пять веков назад? Как давно это было! И не чудо ли, что он сохранился?»

Удивил учёных и размер этого ковра с богиней плодородия — 4,5 метра на 6,5 метра. Такой ковёр мог висеть на стене большого высокого дома. Следовательно, в те времена кочевники уже начинали строить себе дома и украшали их коврами. Как строили дома, учёные узнали, изучая деревянный сруб, опущенный в землю. В ту пору ещё не было

гвоздей, но этот деревянный сруб крепко сколочен и очень похож на современные деревенские дома, какие мы можем увидеть в лесном краю.

Учёные долго изучали большой войлочный ковёр. Помимо того, что интересно было понять, каким способом изготавливали мягкий тонкий войлок, ещё больше занимал учёных сюжет изображённой на нём картины. Они стали вспоминать аналогичные изображения, сделанные древними скифами на разных предметах, которые были сложены в захоронениях богатых вождей племени. Вспомнили ритон (сосуд для вина) из скифского кургана Мерджаны, открытого в северном Причерноморье. Там на троне сидит богиня со священным сосудом в руке. Направо от неё изображено растущее дерево, налево воткнут кол, на который насажен конский череп, а перед богиней стоит всадник с ритоном в приподнятой руке. В знаменитом скифском кургане Куль-Оба была найдена золотая пластинка с изображением сидящей на троне богини с зеркалом в левой руке и стоящим перед ней скифом с ритоном в правой руке.

Учёные пришли к выводу, что изображение на войлочном ковре передаёт религиозную сцену культа какой-то богини.

Порадовала учёных редкостная, а может быть, единственная в истории археологии находка — ковёр¹. Он оказался самым древним шерстяным ворсовым ковром, какой находили когда-либо археологи.

Многочисленные изображения на фресках и мозаиках во дворцах древних правителей, которые жили тысячи лет тому назад, рассказали о том, что среди богатого убранства дворцов были ковры. Но никому из учёных не пришлось держать в руках

¹ В 1949 г. это была единственная находка такого ковра.

шерстяной ковёр, который пролежал в земле две с половиной тысячи лет.

Ковёр имеет сложный бордюры, обрамляющий центральную часть, на которой изображён орлиный грифон. Грифоны представлены на жёлтом фоне. Тела их красного цвета. Перья крыла — тёмно-синего и белого цвета. Каждое изображение заключено в зубчатую рамку тёмно-синего цвета, которая расположена на голубом фоне. Ближе к краям ковра изображены пасущиеся лани. Тела ланей красные с жёлтыми пятнами.

Пёстрый бархатный ковёр поразительно красив и заставляет учёных призадуматься и над искусством ковровщиков и над мастерством художника. Они изучают и способ завязывания узелков, подсчитывают число узлов на квадратный дециметр, рассматривают в лупу высоту ворса — и снова возвращаются к изображению.

Профессор С. И. Руденко вспомнил искусство художников древнего Вавилона. Стены вавилонских дворцов облицовывались яркими глазурованными кирпичами и украшались рельефными изображениями львов, диких быков и фантастических существ. Этот стиль оказал большое влияние на переднеазиатское искусство.

Учёные вспоминают строки из книги Ксенофонта — древнегреческого историка, жившего с 430 по 355 год до нашей эры, который писал о том, что в Персии в эпоху ахеменидов, а может быть, и раньше, производились ворсовые стриженные ковры. Их клали на лошадь вместо седла. Ксенофонт писал о том, что город Сарды славится своими стриженными коврами. При персидском дворе по таким коврам имел право ходить только царь. Кстати, Ксенофонт писал, что персы позаимствовали от мидян платье и обычай пользоваться коврами.

Много красивых вещей, сделанных из мягкого войлока, было извлечено из усыпальницы скифского вождя. Нарядно расшитые попоны, войлочные потники и чепраки. Их подкладывали под седло. Но прежде всего учёных интересовали люди, которые жили в те давние времена. Судя по богатству погребения, здесь был похоронен знатный человек, и ему были оказаны все почести, какие обычно воздавались людям влиятельным.

В центре усыпальницы стоял большой саркофаг, выдолбленный из вековой лиственницы. Археологи внимательно рассмотрели разные украшения на крышке саркофага, с волнением подняли ее. Сохранилось ли тело древнего человека? Поистине чудо! В саркофаге поместились двое. Скифский воин и женщина. Они выглядели так, словно их уложили сюда несколько дней назад. Воин смуглый, чуть скуластый; женщина белолицая, с маленькими изящными руками. Они бальзамированы. Мужчина скальпирован. Возможно, он пострадал в битве. Однако причёска тщательно сделана из чёрных волос, вероятно отданных ему верным слугой.

На груди воина — татуировка, рисунок, подсказанный фантазией древнего художника. Тут и крылатый хищник, напоминающий кошку. И олень с орлиным клювом и длинным кошачьим хвостом. Видимо, древний воин верил в то, что изображённый на груди фантастический зверь предохранит его от злых сил.

Тело женщины тоже бальзамировано. На ней одежда из тонкой кожи с меховой подпушкой. Нарядный нагрудник из беличьего меха расшит пёстрыми аппликациями и оторочен голубым горностаем. Древняя франтиха покрасила белый горностаем в голубой цвет. Очень изящно сделаны женские башмачки из тонкого сафьяна, расшитого причудливым узором, а подмётка вышита бисером.

И вот перед учёными воскресает образ древней франтихи. Она сидит на мягком войлочном ковре. Ноги её сложены калачиком. В руках маленькая лютня. Вы спросите, возможно ли это? Это несомненно. Иначе, почему же рядом с саркофагом на столике лежит лютня? Тут же — мешочек, расшитый аппликациями и мехом, а в нём бронзовое зеркало и роговой гребень. На этом же столике положена еда — жареная баранина и куски овечьего сыра. Учёный отламывает кусочек сыра, пролежавшего на столике в усыпальнице две с половиной тысячи лет, и даёт собачке, которая сопровождает экспедицию. Собака с удовольствием съела это редкое угощение — вильнула хвостиком и побежала.

О многом рассказали вещи, извлечённые из усыпальницы. Иные из них подтвердили сообщения древних авторов, что особенно дорого учёным. Подтвердились рассказы древних путешественников о верованиях кочевников-скифов. Они сообщали о том, что скифы верят в загробную жизнь, и потому умершему кладут в усыпальницу все те вещи, которые ему были нужны на земле. Геродот писал о том, что много ценных вещей кладут скифу в могилу и непременно сопровождает его рабыня, которая должна о нём заботиться за пределами земной жизни.

Судя по тому, что тело женщины в этом кургане было бальзамировано и уложено в саркофаг в нарядной одежде, можно думать, что она добровольно приняла смерть. Совсем по-другому выглядела женщина, найденная в соседнем кургане. Её скелет лежал на крышке саркофага. Руки были в цепях, и никакой одежды. Вероятно, она была брошена живой и засыпана вместе с саркофагом.

Нечасто удаётся учёному погладить золотистую шерсть лошади, убитой тысячи лет назад. За деревянной перегородкой лежали кони. Четырнадцать

великолепных коней золотистой масти: ухоженных, причёсанных, наряженных в маски. На сбруе украшение — вырезанные из дерева зверушки, обтянутые золотой фольгой. Они выглядели словно золотые. Кони были убиты бронзовым молоточком, который лежал рядом. Их называли небесными конями.

Изучить коней прибыл на раскопки профессор В. О. Витт — специалист по истории лошади. Он был удивлён, увидя этих красивых верховых коней.

— Они не уступают лучшим породам знаменитых парфянских коней, прославленных во всех странах Древнего Востока, — восхищался профессор. — Это не степные кони. Они жили под навесом, их мыли и чистили. На них нет следов нагайки.

Исследование показало, что захоронение сделано осенью, в желудках лошадей обнаружены остатки осенних трав. Становится понятно, как образовалась вечная мерзлота.

Захоронение сделали поздней осенью, когда шли дожди. Деревянный сруб со всем своим содержимым был засыпан землёй и покрыт громадными валунами. Вода залила курган. Мороз сковал льдом всё содержимое усыпальницы, а валуны, сложенные на поверхности, не пропускали солнечных лучей. Лёд уже никогда не растаял. Так образовалась вечная мерзлота.

Всё, что найдено в этом кургане, дополняет страницы недописанной истории древнего народа. Многие вещи, извлечённые из усыпальницы, сделаны искусными мастерами. Рядом с саркофагом стояла деревянная колесница с громадными колёсами в человеческий рост. Она сделана очень изящно и похожа на большую красивую игрушку.

Среди тканей, сделанных древними ткачами, есть тонкая мягкая материя, вытканная из шерстяного

пуха — лёгкая и красивая. А рядом шерстяная ткань с диагональным рисунком. Ткани окрашены в синие, красные, коричневые, зелёные, жёлтые цвета. Вероятно, очень красиво выглядела одежда, украшенная мехами и вышивками.

Домашняя утварь, одежда, многочисленные разнообразие украшения конской упряжи, сделанные с удивительным вкусом, говорят о том, как высоко стояло изобразительное искусство древних алтайцев.

Находки Пазырыкского кургана рассказали учёным, что прекрасное искусство древних кочевников было народным. Ведь изделия из кожи, дерева и меха, красивые вещи из войлока были доступны каждому и создавались мастерицами, которые жили в этих кочевьях и своим искусством старались украшать самые насущные предметы, необходимые им для жизни.

Наряду с изображением зверей, которых особенно хорошо знали и любили кочевники-скифы, встречаются изящные рисунки с растительным и геометрическим орнаментом.

У древних алтайцев можно увидеть рисунок лотоса, священного растения, почитаемого у берегов Нила и Ганга. Лотос получил распространение в Египте в очень давние времена. Позднее изображение этого растения появилось в Ассирии, оттуда оно перешло к персам и скифам. И вот, в Пазырыкском кургане можно было увидеть обыкновенные предметы одежды и обуви, украшенные сложной композицией из цветов лотоса.

Находки многочисленны и разнообразны, и каждая имеет своё историческое значение. Особенно важно для учёных найти подтверждение справедливым сообщениям Геродота, Ктесия и других древних историков. Геродот сообщает об обычаях скифов бальзамировать тела умерших вождей и хоронить

вместе с рабыней. Учёные убедились в справедливости этого сообщения. Геродот подробно описывал обряд очищения и лечения, принятый у скифов. Там было сказано, что на деревянную треногу кладут покров из войлока, в этот маленький шатёр приносят раскалённые камни, бросают на них семена конопли и окуриваются дымом от расплавленного семени. Человек раздевается, входит в этот шатёр, наполненный маслянистым паром, прогревается и выздоравливает. И вот в кургане найдены древки для шатра, войлок, мешочек с коноплёй и камни — всё, как сказано у Геродота.

Описывая религию скифов, Геродот упоминает о богине Апи. Не эта ли богиня изображена на большом войлочном ковре? Очень любопытны легенды о скифах, записанные историками и путешественниками. В них рассказывается о мужестве, о патриотизме и благородстве людей скифского племени. Греческим историком Полиеном была записана легенда о табунщике Шираке, который на две тысячи пятьсот лет предвосхитил подвиг Ивана Сусанина.

Это было во времена Дария I. Персидский царь, воюя с саками (так греки называли скифов), которые шли против Дария тремя отрядами, разбил первый отряд, взял у побеждённых их одежду и оружие и отдал всё это своим персам. Переодев своих воинов, Дарий повёл их против второго отряда саков. Решив, что перед ними свои же саки, противники Дария подпустили их слишком близко и были полностью разбиты. Третий отряд не стал сопротивляться и покорился персам.

Сакские цари Саксафар и Омарэ стали обсуждать случившееся. Они должны были решить, каким способом разгромить персидское войско. В это время к ним пришёл табунщик из пустынных мест — Ширак. Он взялся хитростью уничтожить персидское войско.

Предчувствуя свою гибель, Ширак просил царей только об одном: не оставить его детей, дать им коней и денег. Цари дали обещание позаботиться о детях Ширака, и табунщик ушёл, пообещав царям победу.

Прежде, чем пойти в стан врагов, Ширак изранил ножом уши и нос. И так, окровавленный, пришёл к царю Дарию. Он сказал, что его изуродовали сакские цари, клялся, что хочет отомстить им, и предложил провести войско Дария кратчайшим путём, чтобы окружить саков. Он велел взять еды и питья не больше, чем на семь дней.

— Я поведу вас путём, только мне известным! — сказал табунщик. — Саки погибнут от вашего меча!

Ширак повёл громадное персидское войско. Он вёл персов семь дней и завёл в пустынное, бесплодное место, где не было ни воды, ни пищи.

— С какой целью, — спросил его тысячник Роносбат, — задумал ты обмануть такого великого царя и такое множество персов? Зачем привёл ты их в безводную пустыню, откуда нет возврата?

— Я хотел победить! — отвечал табунщик Ширак. — Я задумал отвести беду от соотечественников своих, саков. И вот мне удалось известить вас, персов, жаждою и голодом...

По приказу тысячника Роносбата Шираку отрубили голову. А войско персидское погибло в пустыне, и в этой войне саки победили персов.

О самобытном и прекрасном искусстве кочевников-скифов рассказали многочисленные находки, сделанные учёными Украины на протяжении последних лет. В музее исторических драгоценностей Киева хранятся удивительные вещи, найденные в царском кургане Толстая Могила в 1971 году. Об этой находке сообщил поэт и археолог Б. Н. Мозолевский.

Это был один из самых величественных курганов Скифии, открытый на Днепропетровщине. В центре

кургана находилось погребение владыки, а рядом были похоронены кони и три могилы конюших. Не разграбленной оказалась боковая гробница. В ней лежал скелет молодой скифянки. Её платье, головной убор, башмаки и покрывало — всё было расшито золотыми пластинками. Из золота было изготовлено украшение на шею — массивная литая гривна с четырнадцатью фигурками львов, которые охотятся за оленями. Золотые подвески с изображением сидящей на троне богини, три широких золотых браслета, две перевязи из бус и одиннадцать перстней на пальцах дополняли убранство женщины.

В отделанном алебастром саркофаге, рядом с женщиной, был похоронен ребёнок, очевидно умерший позднее и внесённый через отдельный вход. Ребёнок был покрыт золотыми бляшками, перстнями, браслетами, шейными уборами, а рядом с ним лежали миниатюрные атрибуты царской власти — обшитый золотом пояс и драгоценные сосуды для вина. В этой части могилы всё сохранилось так, как было положено две тысячи триста лет назад. И хотя центральная часть гробницы была ограбленной, но по счастливой случайности в ней были найдены вещи царя, которые сделали это открытие всемирно известным.

Видимо, это были самые дорогие вещи — обложенный золотом меч, украшения нагайки, а главное — большое нагрудное украшение в виде золотого воротника, так называемая золотая царская пектораль. Вес её — 1150 граммов. Месяцеподобное поле её разделено на три яруса толстыми золотыми жгутами. В центре нижнего яруса — несколько сцен, изображающих грифонов, терзающих коня. За ними показана схватка дикого кабана и оленя с леопардами и львами. А в самом конце изображена погоня собак за зайцами. Перед ними, как вечные символы

покою, сидят обращённые друг к другу кузнечики.

На золотой пластине среднего яруса — растительный орнамент. Среди побегов, цветов, розеток и листьев сидят птицы. В центре двое обнажённых по пояс мужчин, отложив гориты с луками, шьют меховое одеяние. Слева и справа от них стоят домашние животные с детёнышами. Двое юношей доят овец. Картина завершается изображением летящих в разные стороны птиц.

Это произведение искусства сделано с поразительным мастерством и совершенством. Учёные считают эту работу шедевром древнего мастера.

Кочевники-скифы оставили много прекрасных памятников искусства, которые заменили нам летопись забытой жизни.



ПОМПЕИ

ыл в древней Италии богатый и красивый город Помпеи. На протяжении столетий архитекторы и строители воздвигали в Помпеях прекрасные храмы, виллы и театры. Они заботливо украшали площади статуями поэтов, философов и императоров. Город утопал среди садов и виноградников. Он славился своей красотой и гостеприимством. Богатые римляне приезжали сюда на лето, купались в тёплом море, проводили много часов у мраморных бассейнов в знаменитых помпейских термах и любовались дымящей вершиной Везувия, которая была далеко видна в ясном синем небе.

В 79 году нашей эры среди ясного солнечного дня вдруг раздался чудовищный гул, задрожала

земля. Из кратера Везувия вырвался столб пламени, пепла и камней. Небо почернело, и день превратился в тёмную беспросветную ночь. Горячий пепел, чередуясь с горячим дождём, засыпал город — и люди в отчаянии метались среди тёмных улиц в поисках выхода к Геркуланским воротам, которые вели в сторону Неаполя и через которые можно было покинуть город и спастись. Те, которые догадались покинуть свои дома в самом начале извержения и которые взяли с собой одеяла, подушки или ковры, чтобы прикрыться от горячего пепла, сумели покинуть город.

Нелегко было добраться до Геркуланских ворот. Тысячи людей шли туда в темноте, под градом камней и дождём горячего пепла. Никто ничего не видел, только слышны были крики раненых, плач детей. Кто-то звал на помощь, где-то упал бедный старик. Люди призывали милость богов, умоляли спасти их; они были уверены в том, что боги разгневаны и послали им великую кару.

Но не все покинули свои дома. Тысячи людей спрятались в доме в надежде переждать несчастье. Эти люди задохнулись. Иные пожалели оставить в погибающем городе своё достояние и тащили на себе тяжёлую поклажу. Они погибли в пути. Плохо было больным, калекам. Плохо было богатым и скаредным, которые задержались в своём доме, пытаясь собрать в мешок золотые и серебряные чаши, светильники, блюда, драгоценности.

Тысячи людей покинули город, но многие погибли. Вскоре горячий пепел засыпал Помпеи, полностью закрыв все дома и храмы, так что спустя несколько дней уже никто не смог бы узнать, где был этот город. О Помпеях забыли. Долгое время никто не вспоминал об этом городе, словно его и не было.

Первые находки, связанные с Помпеями, были

сделаны более двухсот лет назад. Но вначале это были случайные находки — поиски кладов. Потом начались раскопки, а уже в девятнадцатом столетии раскопки Помпей производились по всем правилам археологической науки. Медленно, с большим трудом откапывали из-под пятнадцатиметровой толщи пепла дома и храмы, улицы и площади.

Сейчас уже Помпеи в значительной мере открыты, и город этот представляет собой самый удивительный музей, рассказывающий о жизни древних итальянцев. Ведь жизнь в этом городе остановилась внезапно, и следы её повсюду настолько живы, что иной раз кажется, будто уцелевший дом со всем его убранством и утварью недавно покинут. Каждая вещь лежит на том месте, где её оставили в день извержения Везувия.

В 1864 г. археолог Фиорелли обратил внимание на пустоты, оставшиеся на улицах в тех местах, где погиб человек или животное. Всё истлело за долгие столетия, а в плотном слое пепла сохранились отпечатки тела погибшего. Фиорелли залил гипсом такие пустоты и получил удивительные скульптуры, которые дали представление о погибшем человеке настолько живое и реалистическое, что казалось, будто человек в его безумных страданиях позировал перед каким-то великим скульптором. Человек, погибающий в горячем пепле, с искажённым лицом, с простёртыми руками, запечатлелся в гипсе, и люди наших дней могут увидеть скульптуры древних итальянцев.

Пользуясь методом Фиорелли, археологи собрали громадную коллекцию таких скульптур. Они хранятся в музеях Помпей и Неаполя. Эти портреты людей, донесшие до нас трагедию Помпей, как бы приближают нас к тому далёкому времени. Вам кажется, будто вы увидели живые создания.

Помпеи — самый удивительный музей на всей планете. В самом деле — есть ли где-нибудь на свете город, где бы жизнь остановилась ровно на 1900 лет и предстала бы перед вами такой, какой она была в ту пору?

Когда-то Помпеи, опоясанные толстой крепостной стеной, имели восемь ворот. Но самые примечательные — Геркуланские ворота, потому что здесь помпейцы пытались покинуть город в час его гибели.

На широкой улице, вымощенной базальтовыми плитами, сохранились глубокие колеи, выбитые колёсами повозок двадцать веков назад. Можно пройти мимо оживлённых когда-то заезжих дворов, лавок, мастерских ремесленников и пекарен. Повсюду густо разросшаяся трава, кусты шиповника, целые рощи пиний, акаций и кипарисов. Они оживляют город, и он кажется уютным, обжитым.

Вблизи Геркуланских ворот сохранилась вилла, которую археологи назвали «Виллой мистерий». В ней 19 комнат, многие из них настолько хорошо сохранились, что фрески, которыми расписаны стены, кажутся свежими, недавно написанными. Эти фрески — бесценные сокровища для науки. На них изображены в натуральную величину женщины во время танцев и посвящений богу Дионису. Золотистые, красные и лиловые тона картины дают представление о празднике, посвящённом богу вина и веселья, покровителю виноградарства, любимому божееству помпейцев. Изящные и красивые женщины в одежде вакханок исполняют ритуальный танец. Находки, сделанные археологами в Вилле мистерий, рассказали нам о священнодействии во время одного из популярных в народе праздников.

Тут же, недалеко от Геркуланских ворот, стоит красивый дом, в котором когда-то жил хирург. Он назван Домом хирурга, потому что здесь были найде-

ны хирургические инструменты. Кстати, многие из них напоминают современные инструменты хирурга. Примечательно, что дому хирурга археологи определили не менее четырёхсот лет к моменту извержения Везувия. Возможно, что на протяжении столетий в этом доме из поколения в поколение жили лекари. По всей вероятности, дочь хирурга была художницей. В комнате с большим окном, выходящим в сад, на стене изображена молодая женщина, рисующая бюст Вакха. За работой художницы с любопытством следят две невольницы.

Многие дома совершенно не пострадали. Сохранились даже крыши. И когда они были освобождены от пепла, можно было отворить двери, войти и увидеть всё убранство, все вещи, нетронутые временем. В доме Веттиев сохранилась мозаика, украшавшая мраморный бассейн. Стены высоких красивых комнат расписаны дивными фресками. Вероятно, богатый владелец этого дома имел множество рабов и слуг, которые выполняли всевозможные работы в хозяйстве господина. Он приказал изобразить эту деятельность подчинённых ему людей. И на фресках во всех подробностях изображены сцены труда. Но вместо людей на картинах показаны маленькие хорошенькие амуры.

Вот винодельня. На повозках, запряжённых осликами, доставлен виноград. Стоят амфоры, наполненные вином. Амуры наполняют чаши, чтобы испробовать молодое вино.

На другой картине — амуры-ювелиры. Они усердно взвешивают золото на крошечных весах, работают на маленькой наковальне. Мы вспоминаем искусные ювелирные изделия, хранящиеся в музее Помпей, вспоминаем золотые кубки и блюда с прекрасной чеканкой и понимаем, что хозяин этой виллы имел много искусных рабов.

На окраине небольшой улицы, выстланной белыми плитами, отлично сохранилась пекарня. Сводчатая печь, выложенная красным кирпичом, напоминает русскую старинную печь. Рядом с ней мраморный стол. А на нём шесть хлебов, испечённых помпейским пекарем в 79 году нашей эры. Они почернели и окаменели, но оттого, что они целы и на месте каменные жернова для размола зерна, не верится, что давно уж нет пекаря.

В Помпеях раскопано сорок пекарен. Из летописи известно, что пекарни имели и свободные люди, и недавние рабы — вольноотпущенники. Иные из них становились богатыми людьми. И вот пекарня вольноотпущенника. Позади торгового помещения жилые комнаты. На стене одной из комнат сохранился групповой портрет хозяина пекарни Теренция Прокула и его жены. Художник изобразил немолодого человека, на лице которого печать неустанных трудов. Рядом с ним миловидная женщина. Она держит в руках вощёную дощечку и стиль. Может быть, для записи должников?

Улица Евмахии протянулась от большого крытого рынка, воздвигнутого на средства жрицы Евмахии. Это был рынок фуллонов (сукновалов). В благодарность жрице фуллоны поставили ей мраморную статую. А по соседству с рынком сукновалов был мясной рынок. Сохранились каменные прилавки для мяса с водостоками. С южной стороны рыночной площади были расположены многочисленные лавки. Посреди рынка на двенадцати мраморных колоннах возвышался купол. Под ним был устроен бассейн для живой рыбы.

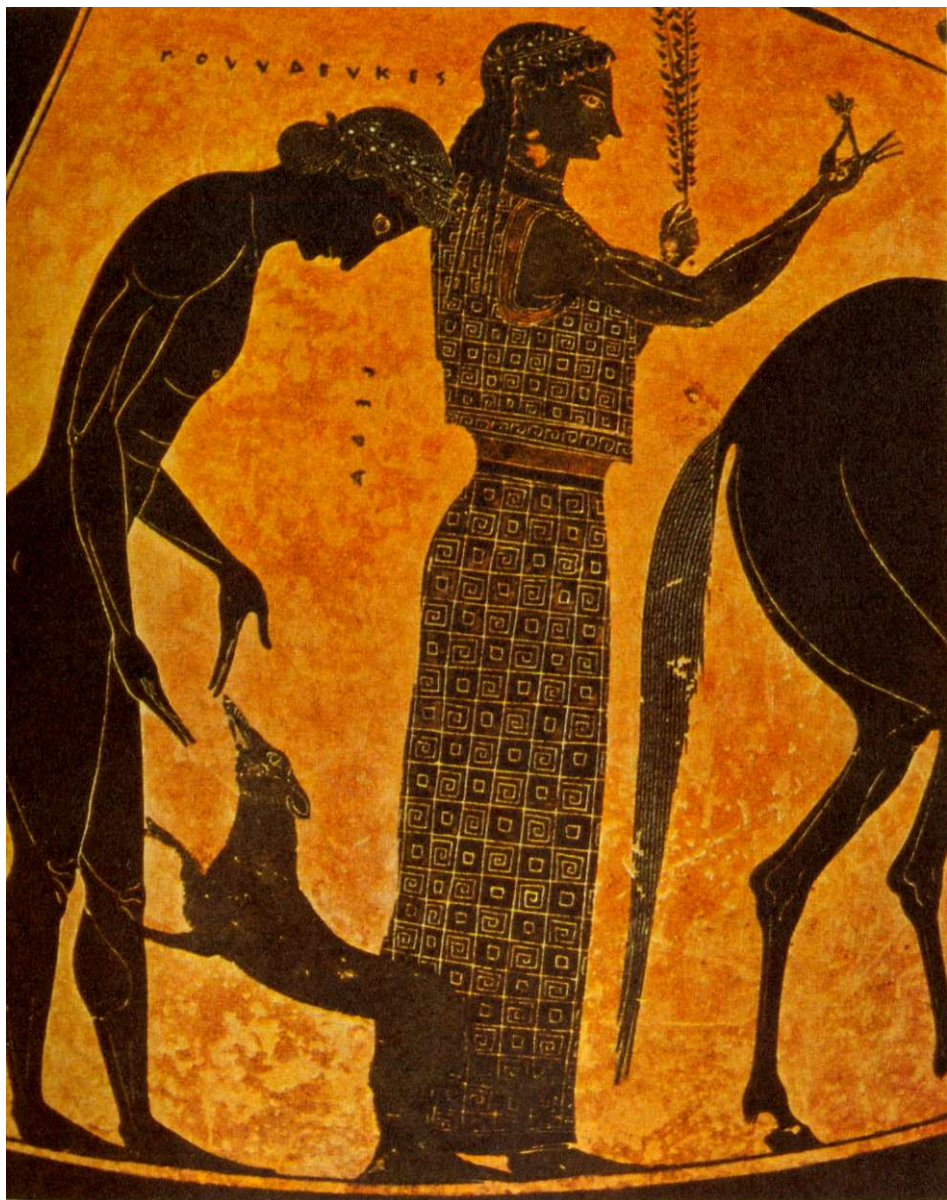
Форум — это и торговая площадь, и место собраний и гуляний. Форум был красивейшим местом города. Он был украшен мраморными колоннами, арками, а главное — прекрасными храмами. Сохра-

нилась мраморная лестница, которая вела когда-то к храму Юпитера. Подножие храма десятиметровой высоты. Далеко вокруг были видны его красивые коринфские колонны. Внутри храма археологи нашли мраморную голову Юпитера и пьедестал статуи.

Рынок с трёх сторон окружала двухэтажная колоннада, а на четвёртой стороне был храм Юпитера. Сохранились остатки триумфальной арки, ведущей на форум. Когда-то она была облицована белым мрамором с голубыми прожилками. С западной стороны к форуму примыкала базилика — строение, где производились торговые операции. Это здание было увенчано куполом, облицовано мрамором. Здесь же был трибунал. Можно себе представить, как торжественно выглядело это помещение! Сохранились остатки тонких внутренних колонн, на которых покоился потолок. Вдоль стен стоял двойной ряд колонн с капителями. Сквозь арку открывался великолепный вид на окрестности. Под трибуналом археологи открыли подвальное помещение, предназначенное для заключённых.

Помпеи были очень красивым городом, а форум был его главным украшением. Когда-то здесь находилось множество мраморных и бронзовых статуй. Сейчас видны только цоколи с надписями. Здесь стояли скульптуры императоров, почетных граждан города, философов. По всей вероятности, эти статуи были извлечены из-под слоя пепла вскоре после катастрофы. Известно, что римский император, узнав о трагедии Помпей, вскоре после извержения послал туда отряды воинов и приказал откопать драгоценные изваяния.

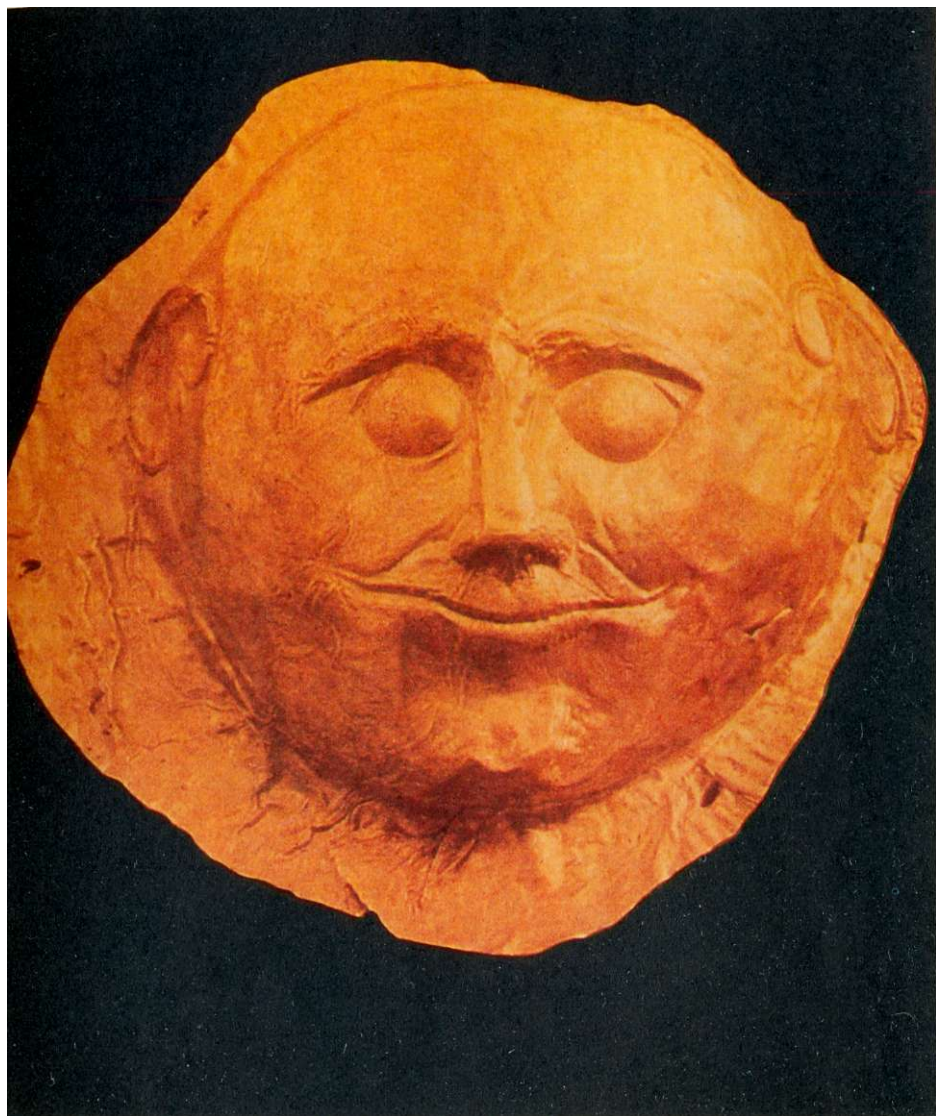
Учёные предполагают, что когда-то в Помпеях жило до 30 тысяч жителей. Не удивительно ли, что громадный амфитеатр, раскрытый археологами, мог принять почти всё население города? В амфитеатре



Деталь росписи греческой амфоры. VI век до н. э.



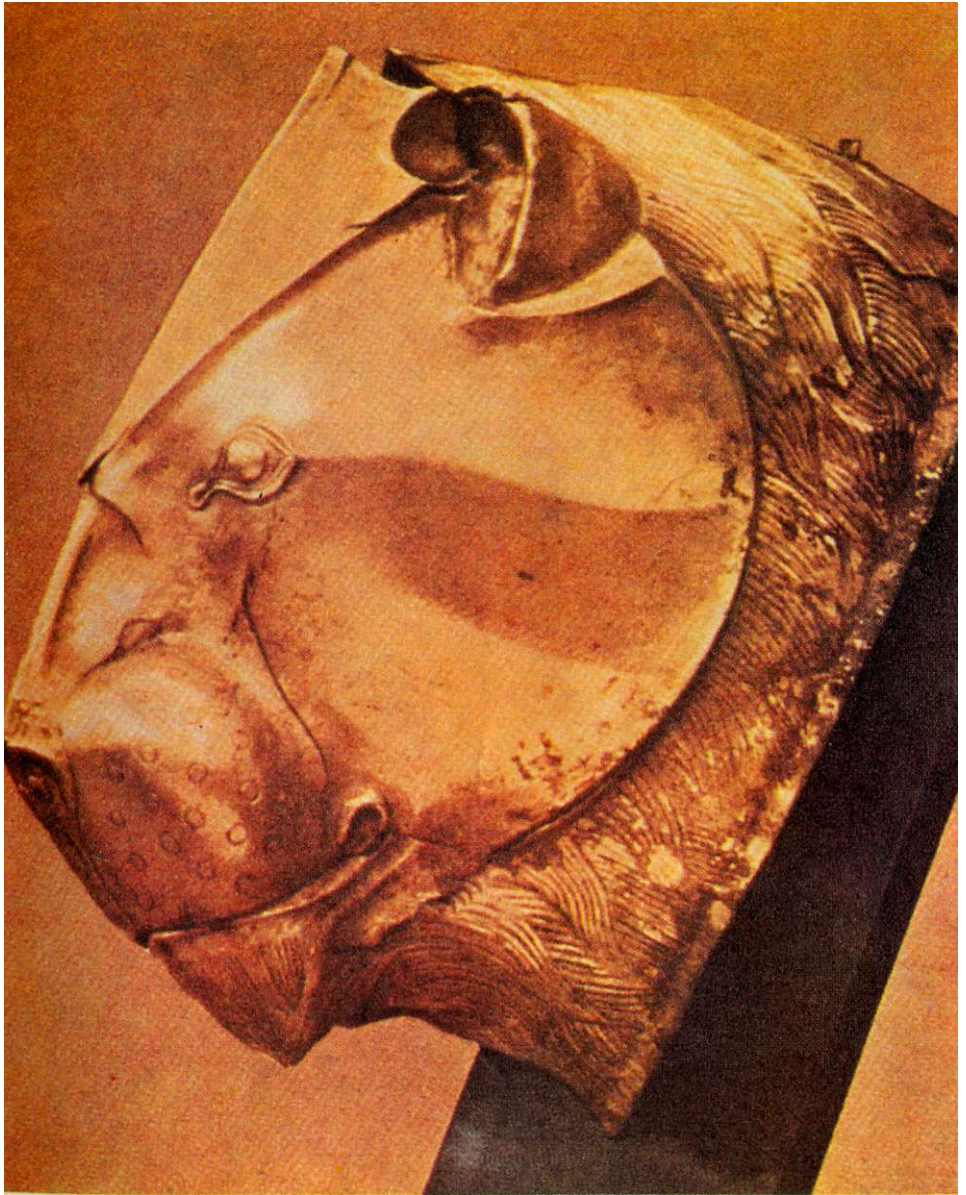
Фрагмент фрески из дворца в Тиринфе. XIII век до н. э.



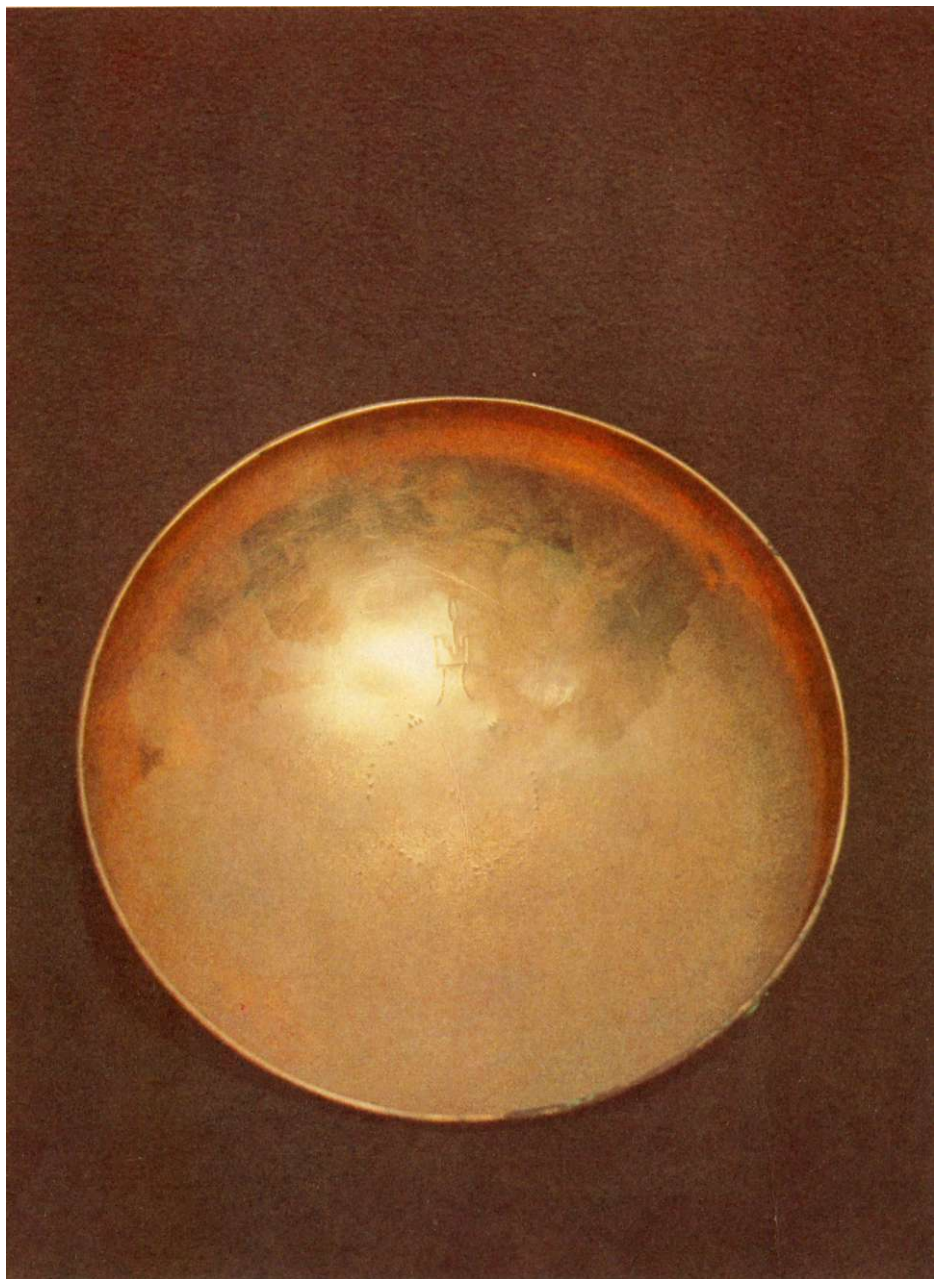
Золотая маска из гробницы четвёртого могильного круга в Микенах. XVI век до н. э.



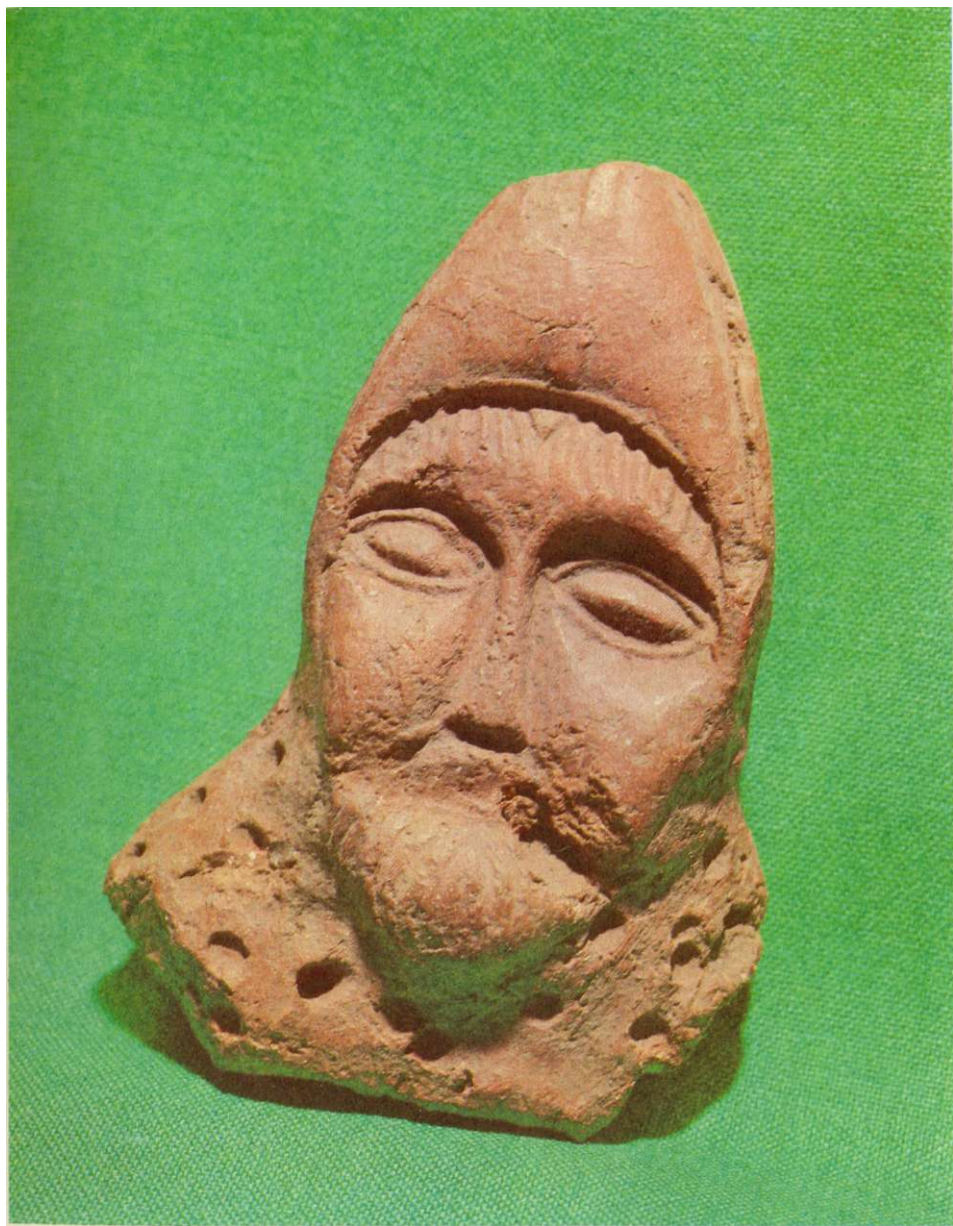
Кора с афинского Акрополя. VI век до н. э.



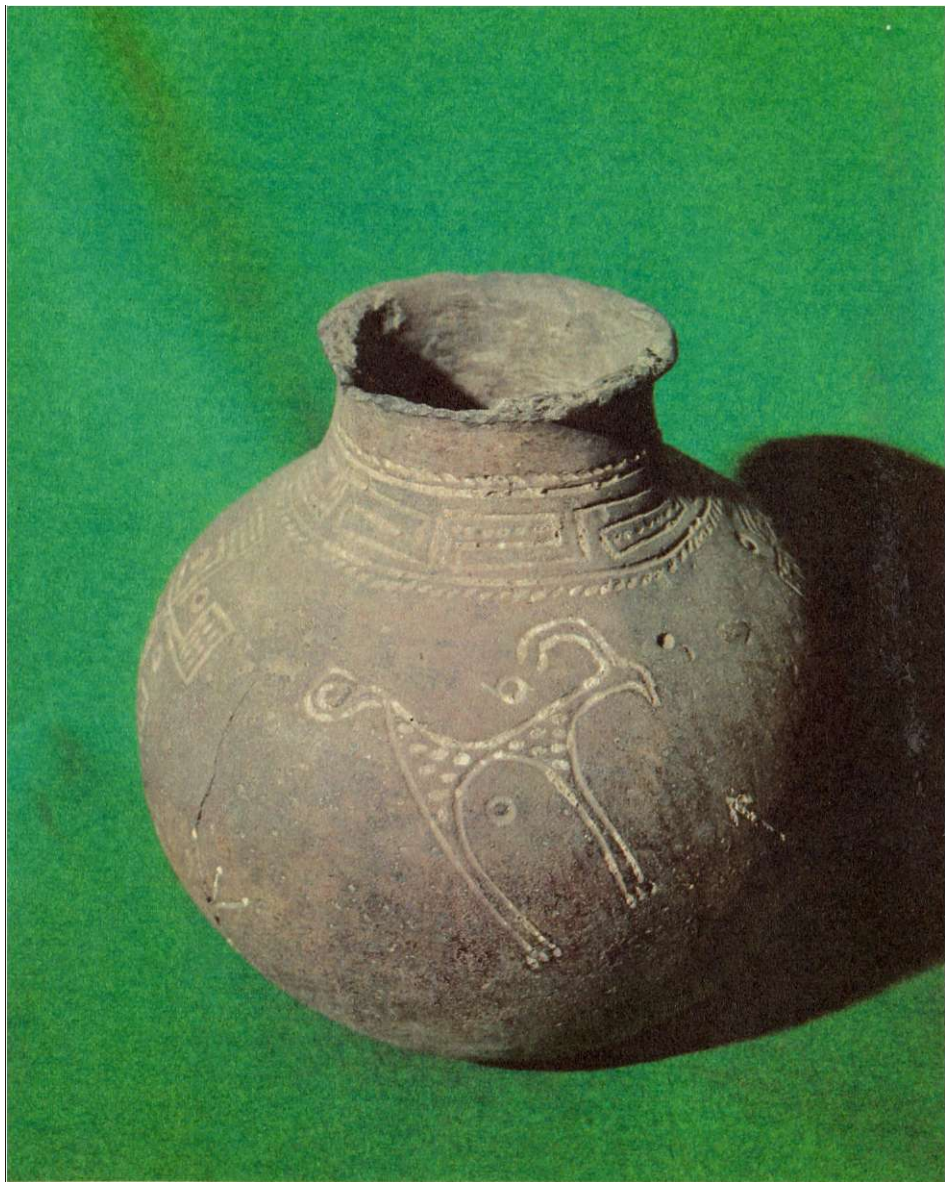
*Золотой ритон в виде львиной головы из гробницы в Микенах.
XVI век до н. э.*



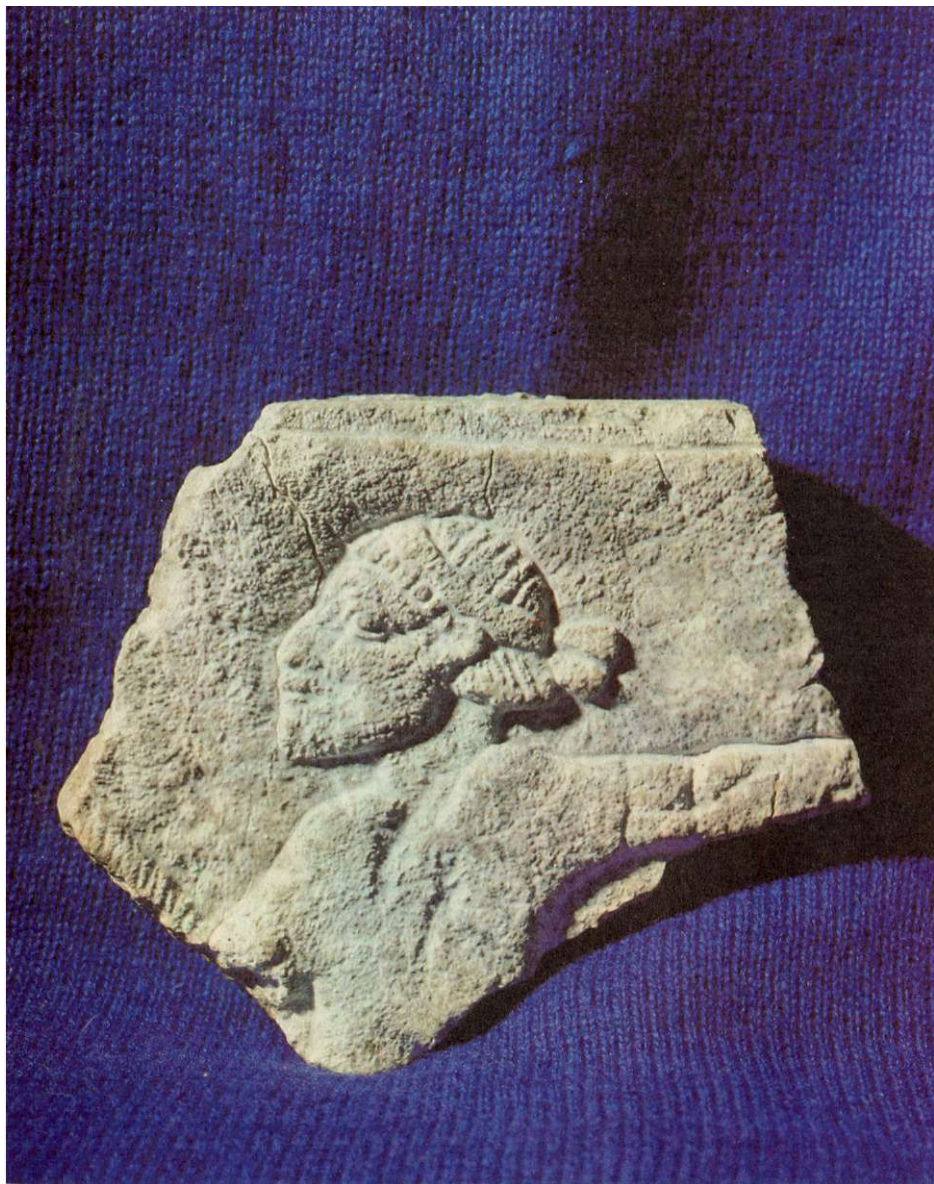
Бронзовая чаша из раскопок на Кармир-Блуре. VII век до н. э.



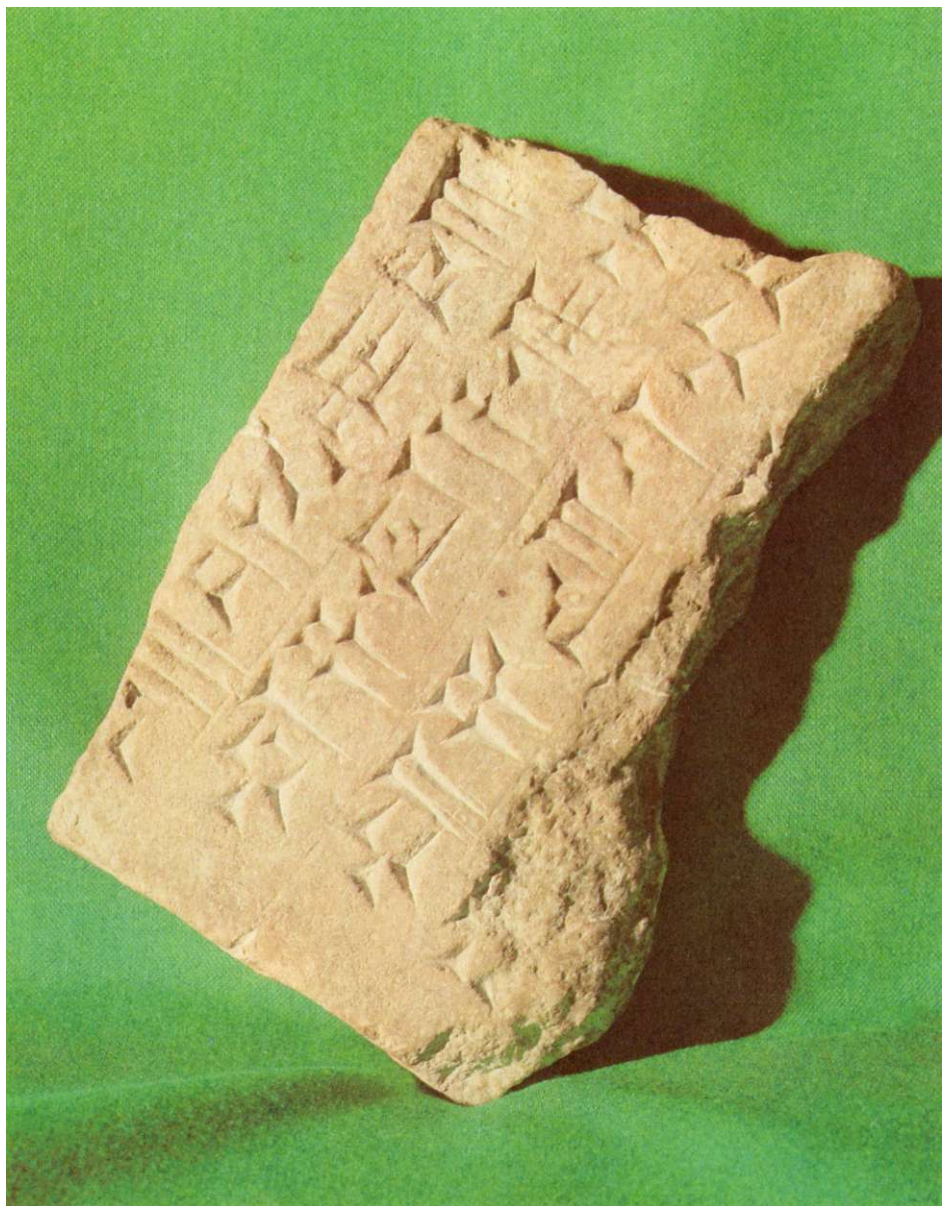
Фрагмент скульптуры из раскопок на Кармир-Блуре. VII век до н. э.



Глиняный сосуд из раскопок на Кармир-Блуре. VII век до н. э.



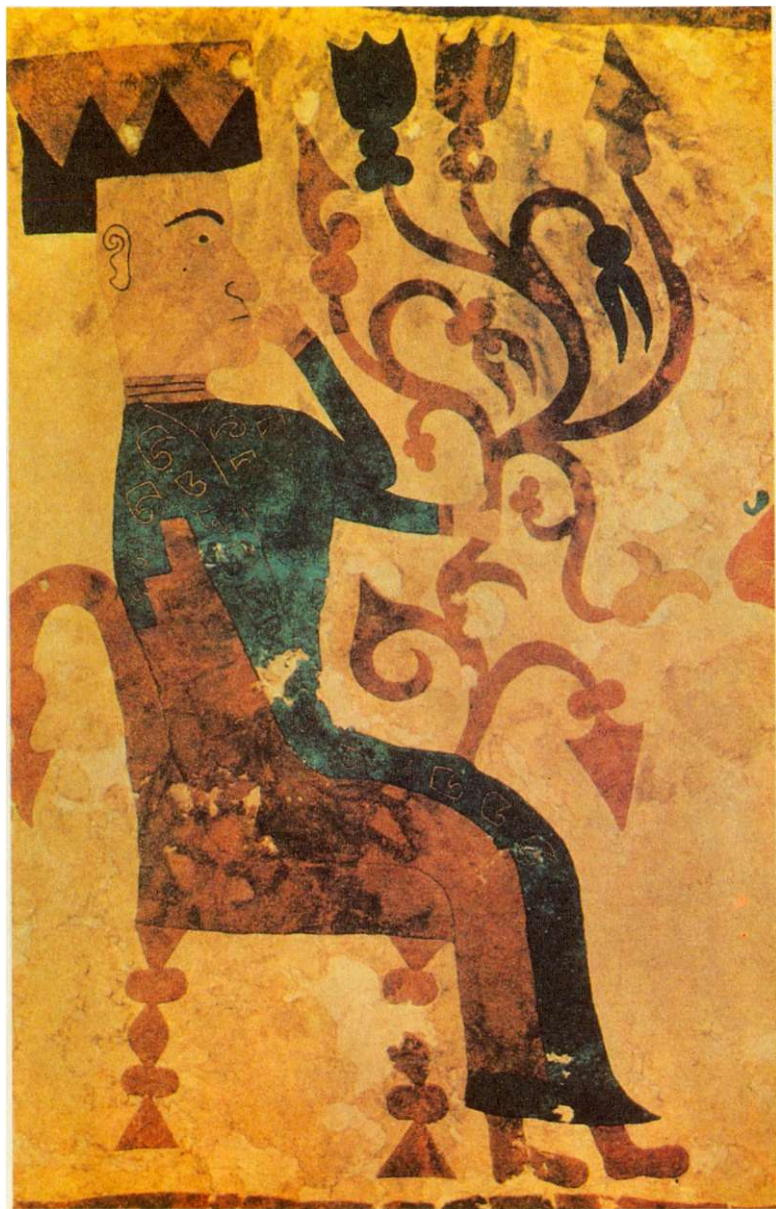
Барельеф воина из раскопок Урарту. VII век до н. э.



Обломок камня с клинописью. Кармир-Блур. VII век до н. э.



Женщины в молитвенных позах. Узор на шерстяной ткани из Пазырыкского кургана. VI век до н. э.



Богиня с цветочной ветвью в руке. Аппликация на войлочном ковре из Пазырыкского кургана. VI век до н. э.



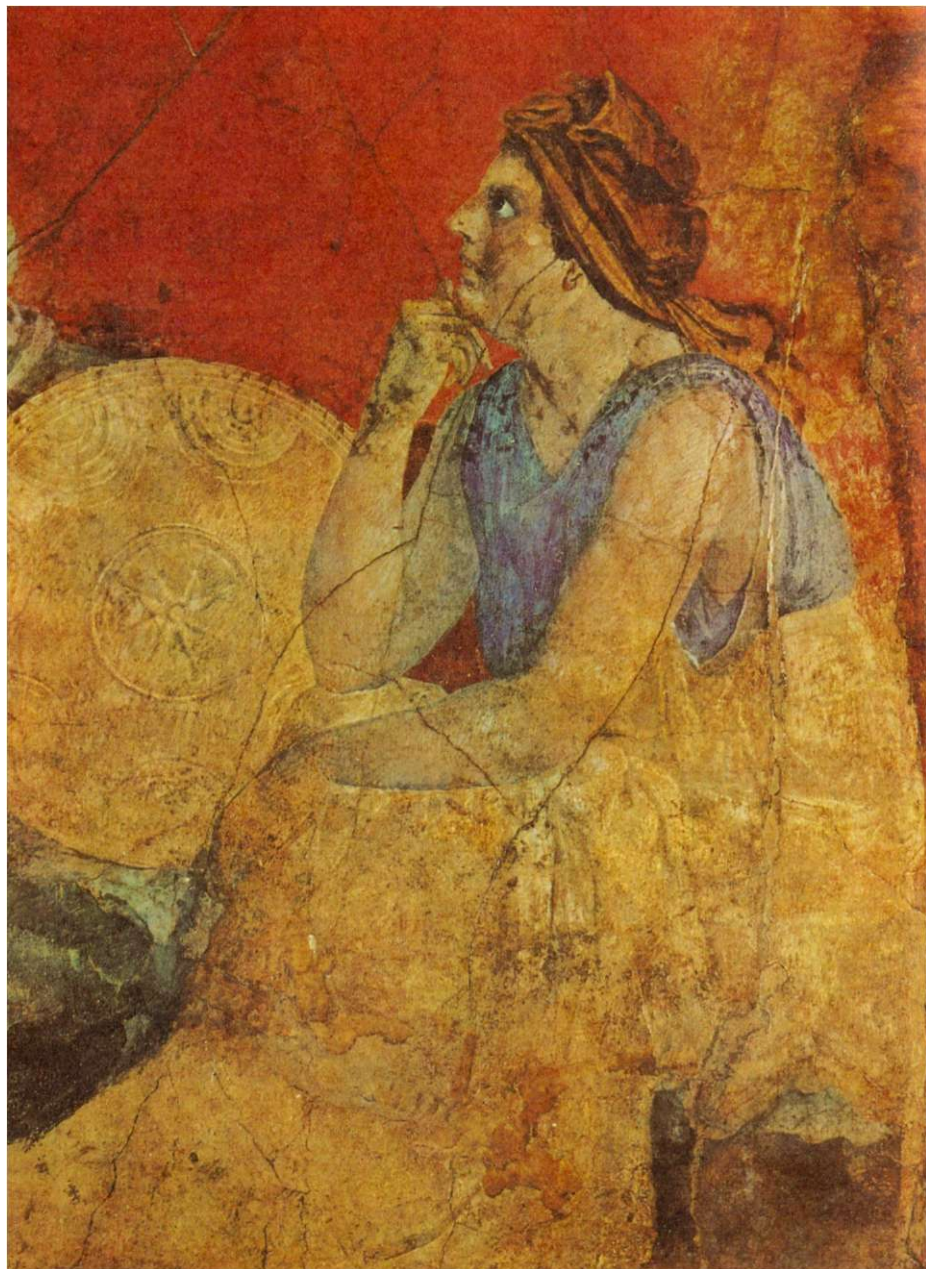
Древнейший в мире стриженный ковёр из Пазырыкского кургана. Фрагмент. VI век до н. э.



Седельная покрывка из войлока. Пазырыкский курган. VI век до н. э.



*Александр Македонский в битве с Дарием. Мозаика из Помпей.
I век.*



Женский портрет. Фреска из Помпей. I век.

проходили бои гладиаторов. Здесь стравливали хищников. На арену выпускали быков, медведей, львов и тигров, диких кабанов и газелей. Зрители с восторгом следили за жестокими играми.

Игры в амфитеатре происходили только два раза в год, в честь самых больших праздников. Но помпейцы жаждали и других развлечений. Богатые люди значительную часть времени проводили в роскошных термах. Так назывались бани-клубы, где всё было устроено для отдыха и развлечения. Прохладные мраморные залы были украшены фресками и скульптурами. Полы были выложены мозаикой. Потолки украшены лепкой. Здесь были залы с холодной, тёплой водой, парильни, в которые горячий воздух поступал по трубам, проложенным под полом и в стенах. Здесь можно было перекусить в харчевне, посидеть в библиотеке или вести приятную беседу среди благоуханных роз и фонтанов.

Видимо, помпейцы очень любили свои термы и проводили здесь не только дни, но и вечера. Иначе — для чего же служили светильники? Их было найдено здесь тысяча триста двадцать восемь штук. Когда-то в них горело оливковое масло.

Бассейны для купания были во многих богатых домах. В одной хорошо сохранившейся вилле круглый бассейн обрамлён белой мраморной скамьёй. Купол его был украшен мозаикой изумрудного цвета. Можно себе представить, как хорошо был этот бассейн, когда изумрудный потолок отражался в чистой воде и окрашивал её в цвет морской волны!

Многие дома богатых помпейцев украшены фресками и мозаиками. На стенах яркие картины, передающие древние мифы итальянцев. На мозаиках — бытовые сцены, изображения животных. На полу одного дома показаны мимы — уличные актёры. Их лица так выразительны!

Один из шедевров среди мозаик — огромная картина в богатом доме, где изображена битва Александра Македонского с Дарием при Иссе в 333 году до нашей эры. Художник уложил полтора миллиона камешков всевозможных оттенков, создав поразительно живые образы героев. Это удивительно реалистическое произведение производит неизгладимое впечатление. Запоминается Александр Македонский — с развевающимися волосами, с горящими глазами. Мы видим, как он пронзает копьём персидского сановника. Мы видим страх в глазах персидского царя Дария.

Как ни прекрасны комнаты в помпейских виллах, самое большое впечатление оставляет перистиль — небольшой дворик, обрамлённый мраморными колоннами, украшенный цветами и фонтанами. Здесь помпейцы проводили жаркие дни. В одном из таких перистилей посажены сейчас такие же розы, какие здесь росли две тысячи лет назад. Корни их были выкопаны, и учёные узнали, что это дамасские розы, и поныне цветущие в садах Италии. Стоя у мраморного фонтана такого перистиля, невольно подумаешь, а не покажется ли в дверях молодая красивая поэтесса, портрет которой сохранился на стене одного дома.

Извержение Везувия произошло накануне выборов депутатов — эдилов. Об этом не сохранилось летописей, но зато очень выразительны надписи, оставленные на стенах. «Паквий просит избрать эдилом Люция Помея», — пишет какой-то житель Помпей. А другой предлагает ему: «О, Требий, поднатужься, сделай эдилом молодого честного человека — Лоллия Фуска». На другой стене: «Ватия рекомендуют в эдилы плуты».

В эдилы выбирали почётных граждан, которые должны были следить за порядком в городе, за тем,

чтобы вовремя доставляли пшеницу пекарям, чтобы всегда был свежий хлеб и по весу — без обмана, чтобы не обвешивали на рынке и не обманывали покупателей, продавая недоброкачественные продукты. Судя по надписям, сохранившимся на стенах, на оградах домов, видно, что в этой предвыборной кампании, которая проходила как раз накануне извержения, участвовали многие жители города.

«Того, кто не отдаст своего голоса за Квинта, пусть провезут через весь город на осле, как шута».

Тысячи надписей — на стенах домов, на оградах, у колодца. Эпидий Гименей разукрасил стены своего дома множеством надписей. «Будь приветлив с соседом, и прочь ненавистные ссоры! Если не можешь, шаги к дому обратно направь». Хозяин не стеснялся поучать своих гостей. «Береги наши льняные скатерти!» — читали гости, сидя за столом гостеприимного Эпидия Гименя. А пекарь Гней Аллей Нигид написал в своей пекарне: «Здесь живёт счастье».

Не только взрослые, но и дети выражали свои мысли и чувства надписями на стенах. Сохранились и детские рисунки. Неизвестный юноша подшутил над своим знакомым, изобразив его лысую голову с лавровым венком набекрень. Несколькими штрихами юноша нарисовал портрет пьяницы.

Стены Помпей пестрят объявлениями, шутками. На стене одного дома афиша:

«Двадцать пар гладиаторов, которых Лукреций Сатрий Валенс, жрец Нерона, записал в завещании, а также десять пар, оставленных его сыном, будут сражаться друг с другом в Помпеях 4 апреля. Кроме того, состоятся бои охотников с дикими зверями. Сверху будет натянут полотняный тент, чтобы зрители не испеклись на солнце».

На стене гладиаторской казармы сохранилась надпись, сделанная гладиатором: «Философ Анней

Сенека — единственный среди римлян писатель, который осудил кровавые игры».

О многом говорят нам скупые строки, небрежно написанные углём или выцарапанные остриём ножа на оштукатуренной стене. Мы узнали о том, как выбирали эдилов и как спешил на свидание влюблённый юноша. Нам рассказал о своей удачливой торговле пекарь. Мы убедились в том, что жестокие гладиаторские игры были любимым зрелищем древних итальянцев, прочли скорбные строки, написанные гладиатором, который был обречён на смерть, как и сотни его товарищей, но, в отличие от них, не принимал это молча, а бунтовал.

Тысячи надписей на стенах привели в негодование какого-то помпейца, и он написал: «О, стена, я удивляюсь, как ты до сих пор не развалилась. Ты обречена на то, чтобы сносить столько глупой болтовни!» Через 1900 лет нам трудно согласиться с мнением сурового помпейца. Для нас эти надписи — история. Они приближают нас к древним помпейцам и говорят нам о том, что они удивительно похожи на современных людей.

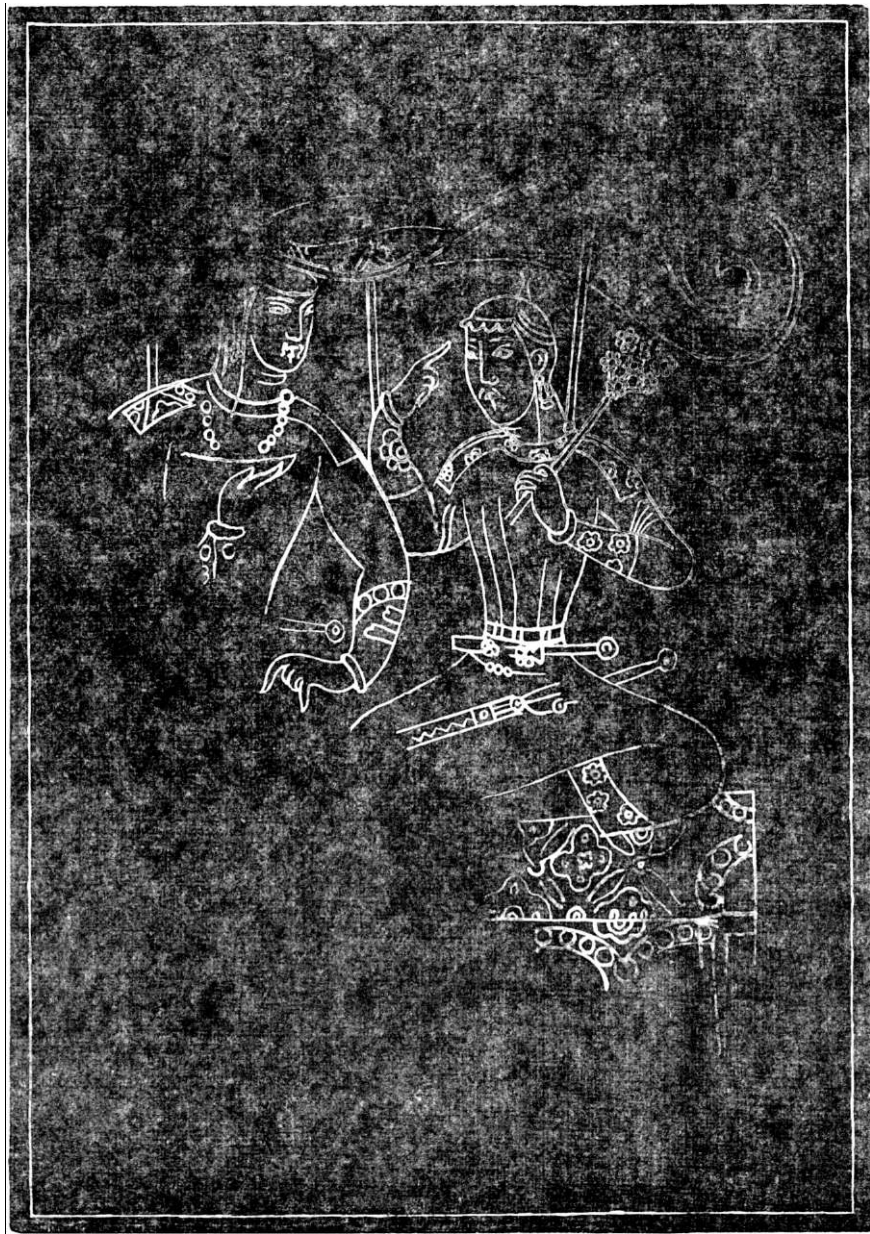
Город, утопающий в зелени, улицы которого полны людей и где можно услышать речь на сотнях языков, живёт только днём. В ясный солнечный день, когда небо безоблачно и кипарисы стоят рядом с цветущими акациями, можно подумать, что город продолжает жить прежней жизнью и что так было всегда. Но вот кончается день для туристов, сторожа запирают Геркуланские ворота, и в Помпеях наступает тишина, та тишина, которую город хранил тысячу девятьсот лет.

Раскопки Помпей ещё не закончены. Они продолжают и в наши дни. Они принесут ещё много подробностей, которые так интересны нам и которые дополняют историю древней Италии.

**ЛЮДИ ИЩУТ
ЗАБЫТОЕ
ЦАРСТВО**

• ПОИСКИ СОГДИАНЫ •







то древнее царство было богатым и красивым. Оно раскинулось среди снежных вершин Зеравшана, по берегам шумных горных рек, среди зелёных долин и ущелий. Земли его, расцвеченные полями, садами и виноградниками, простёрлись к водам реки Кашкадарьи.

Тысячи лет назад родились эти селения в горах, с глиняными домиками, которые и сейчас лепятся по склонам высоких гор и диких скал. И тысячи лет назад, как и сегодня, на плоских крышах этих домов сох урюк, дозревали дыни, сушился сладкий кишмиш.

По горным тропам неторопливо двигались многочисленные стада овец, а старый чабан, как и теперь, сидя на крошечном ишаке, задевал ногами камни на узкой тропе.

С давних пор землепашцы возделывали поля хлопка и пшеницы, виноградари выхаживали тёмно-синий и розовый, как перламутр, виноград, шелкоделы собирали коконы.

У плавильных печей с молитвой и заклинаниями трудились потомственные литейщики. Они не знали, кто первым постиг это чудо, но отцы и деды учили их, как превращать в сверкающий металл куски породы, собранные в горах. И они делали это очень искусно.

Звонко стучал молот кузнеца. Сотни, тысячи ударов следовали друг за другом, прежде чем бесформенный кусок металла превращался в кольца, а

кольца — в кольчугу для воина. Тот же кузнец ковал мечи, наконечники стрел.

На одной улице жили кузнецы и литейщики, на другой — гончары и стеклодувы, на третьей — ткачи и шелкоделы.

Они жили на окраине красивого города, раскинувшего на холмах свои дворцы и храмы.

На улицах города можно было увидеть богатых всадников в парчовых кафтанах с золотыми поясами, заморских купцов, воинов в кольчугах и простолюдинов в остроконечных колпаках. В праздничные дни на рассвете все спешили в храм предков. Одни несли с собой ветки цветущего миндаля, другие приносили в дар богам плоды и душистые травы. Перед восходящим солнцем дымились золотые курильницы, и люди, стоя на коленях, обращались к солнцу с молитвами.

По горным тропам, с трудом пробираясь по маленьким висячим мостам, рискуя сорваться в бездну, шли купеческие караваны из Индии. Они привозили сюда шелка, бронзовые зеркала, золотые украшения, а увозили — мягкие кожи, роскошно отделанные сёдла, хлопок, коконы шелкопряда и хрупкие стеклянные сосуды для благовоний. Они торговали с согдийцами.

Эта страна называлась Согдом или Согдианой — древнее царство на древних землях Таджикистана и Узбекистана.

Согдийские князья принимали иноземных гостей в парадных залах своих дворцов. Вдоль стен, украшенных цветной росписью, стояли низкие глиняные суфы. И, сидя на них, можно было часами любоваться прекрасными картинами, повествующими о мужестве воинов, о красоте женщин, о героях древних сказаний.

В громадных нишах стояли статуи богинь, укра-

шенные драгоценными бусами, а рядом с ними красовались превосходные деревянные статуи танцовщиц и музыкантш, которые словно повторяли живых исполнительниц прекрасных песен и танцев Согдианы.

Долгие столетия процветало Согдийское царство, и слава о его ремесленниках, живописцах, купцах и музыкантах распространилась далеко за пределы этой горной страны.

Но настал страшный день. Из дальних земель пришли в селения Согда полчища воинов арабского халифата. Они осаждали согдийские крепости, сжигали города, убивали непокорных согдийцев.

И вот исчез красивый город на холмах. Под толщей земли скрылись руины некогда богатых дворцов и крепостей, целые улицы ремесленников, где когда-то плавил металл, ковали оружие, выделывали на гончарном круге глиняные сосуды, ткали шелка.

Песок и ветер замели следы былой жизни. В памяти человечества мало что сохранилось об этом времени. Был забыт язык. Были изгнаны обычаи и обряды согдийцев. Исчезли песни и сказания древнего народа. На этих землях началась новая жизнь.

Сохранившиеся с давних времён скудные строки древних летописцев мало о чём говорили даже знающим востоковедам. И вовсе ничего не знали о своих далёких предках люди, живущие сейчас на этой земле, современные таджики.

Откуда же мы узнали об этом всеми забытом царстве?

Как его нашли?



днажды пастух Джур-Али-Махмад Али пас овец вблизи пустынной горы Кала-и-Муг. Крутая тропа вилась среди грозных скал, а внизу ревела и клочотала горная река Зеравшан.

«Кала-и-Муг» по-таджикски — Крепость Магов, злых духов.

Народные предания говорили о том, что эта гора заколдована и лучше не подниматься на её вершину.

Но овцы забрались на гору, и пастух последовал за ними. Пока они пощипывали скудную пожелтевшую траву, Джур-Али вытащил из-за пояса свой походный нож и копнул землю у небольшого холма. Он копнул просто так, от нечего делать. И вдруг он увидел потемневшие прутья ивы.

«Ива здесь не растёт, — сказал сам себе Джур-Али, оглядывая голые склоны. — Но откуда здесь прутья? Что бы это значило? Может быть, здесь корзина спрятана? О, надо покопать как следует: а вдруг в корзине золотой клад?»

Пастух стал торопливо копать землю, представляя себе связку золотых колец для дочери-невесты, а может быть, и серьги с бирюзой. Кто не мечтает о таких украшениях для юной красавицы?

Но когда пастух добрался до дна полуистлевшей ивовой корзины, он увидел не клад, а свёрнутый кусок бумаги.

«Возможно, здесь написано, где искать клад?» — подумал пастух.

Он поднял свёрнутый листик серебристой шёлковой бумаги, развернул его и стал вглядываться в

непонятные знаки. Пастух был немного грамотен, но, как ни старался, ничего не мог понять. Он сунул его за пазуху, и, мучаясь мыслью о том, что это за письмо и кто его спрятал здесь, Джур-Али торопливо согнал стадо в долину.

Он решил показать письмо кому-либо из старых знающих людей.

В первый же базарный день приехал Джур-Али в районный центр.

В чайхане было шумно и оживлённо.

Кто же из сидящих здесь седобородых старцев самый учёный? Может быть, этот, в зелёной чалме? Помнится, кто-то говорил, что он побывал в Мекке, священном городе мусульман. Он кое-что знает...

Отставив пиалу с крепким чаем, старик в зелёной чалме долго рассматривал непонятное письмо.

— Не могу прочесть! Иди к мулле, — посоветовал он.

Джур-Али пошёл к мулле. Старый мулла нередко давал советы почтенным таджикам, которые считали его очень мудрым и знающим, потому что мулла дни и ночи читал единственную книгу, священную книгу мусульман — коран.

— Это очень старинное письмо, — сказал с важностью мулла. — Это страница из древнего списка корана. Береги её. Она священна и принесёт тебе счастье...

— А может быть, ты прочтёшь мне эту страницу? — попросил пастух. — Мне бы хотелось знать молитву, написанную на ней.

— Я не знаю этих букв, — признался мулла, — я думаю, что её прочтёт главный мулла в Самарканде. Не ленись, Джур-Али, поезжай к нему.

Джур-Али был разочарован. Ехать в Самарканд было некогда. Нельзя было оставить большое колхозное стадо. Как его бросишь без присмотра? Уж лучше

спрятать эту страницу корана на дно расписного сундука.

Но когда пастух рассказал своим соседям о находке, кто-то из старых и мудрых таджиков сказал, что, может быть, это вовсе не страница из корана, а надпись, говорящая о древнем кладе, запрятанном среди оплывших холмов горы Кала-и-Муг.

— И я так думал! — обрадовался Джур-Али. — Пожалуй, пойду не к мулле в Самарканд, а к секретарю райкома партии Пулоти. Если это письмо говорит о кладе, может быть, даже о золотом кладе, тогда будем искать всем селением. Ведь за деньги, которые нам дадут взамен, можно будет построить хорошие амбары или большой клуб, как в районном центре. Всё зависит от того, сколько там окажется драгоценностей.

Секретарь райкома партии Пулоти был историком.

Его очень заинтересовало письмо на серебристой шелковой бумаге.

Отложив свои дела, он с величайшим интересом рассматривал загадочные знаки. Прочсть его он не смог, но подумал, что это письмо написано по-уйгурски, и очень обрадовался. Так или иначе — это старинное письмо, и оно может кое-что рассказать историкам.

— Ты молодец, Джур-Али. Спасибо тебе за то, что пришёл и принёс это письмо, — сказал Пулоти пастуху. — Другой бы мог его просто выбросить, а ты не поленился приехать ко мне в дурную погоду. Ты сделал доброе дело, Джур-Али. А вдруг это письмо расскажет о прошлом нашей страны? согласишься, ведь каждому интересно узнать что-либо о такой богатой и красивой стране, как наш Таджикистан.

— Значит, это не страница корана? Не думаешь ли ты, что это письмо может помочь нам найти драго-

ценности на Кала-и-Муг? Ведь я кое-что задумал для пользы нашего селения. Может быть, пойдём искать, секретарь?

— Там будут искать не золотой клад, а вот такие же древние загадочные письмена, — ответил секретарь райкома партии, когда Джур-Али поделился с ним своими планами. — Клуб мы и так построим, а вот если сделаем кое-что для науки, тогда поблагодарим тебя, Джур-Али... Мулла был неправ. Это не страница из древнего списка корана: я знаю арабский язык и могу это сказать тебе точно. А что написано, — об этом нам скажут учёные-востоковеды, когда мы им отдадим это письмо. Поверь мне, Джур-Али, я сообщу вам, о чём говорит это загадочное письмо. Может быть, оно настолько интересно, что о нём узнают все люди Таджикистана. Тогда мы скажем: «Честь тебе и хвала, хороший чабан Джур-Али-Махмад Али!»



НУЖНА ЭКСПЕДИЦИЯ

секретарь райкома партии Пулоти вряд ли мог думать тогда о том, что это письмо станет известным не только всем людям Таджикистана, но и многим востоковедам других стран. Его интересовало прошлое таджиков, и он позаботился о том, чтобы это письмо дошло до учёных. Он так бережно отнёсся к письму, что, боясь его затерять, послал в столицу Таджикистана хорошо сделанную фотографию этого письма, а таинственный листок, найденный на дне ивовой корзинки, спрятал в сейф.

Прошло несколько времени, и Пулоти узнал, что посланное им драгоценное письмо дошло до учёных Академии наук в Ленинграде и там взволновало всех востоковедов. Почтенный профессор А. А. Фрейман, разглядывая в лупу таинственные знаки, высказал предположение, что это согдийское письмо. Но прочесть его сразу было совершенно невозможно. На это надо было потратить очень много времени. Но если это согдийское письмо, то оно написано очень давно? Ведь уже более тысячи лет в этих краях никто не пользовался согдийским языком. До сих пор на землях Таджикистана никогда не находили согдийских писем, хотя из древних арабских летописей было известно, что в горах Зеравшана в очень давние времена жили согдийцы. Учёным очень хотелось верить, что это именно согдийское письмо, хотелось потому, что оно было найдено на горе Муг.

Профессор А. А. Фрейман был очень взволнован и озадачен. Ему хотелось возможно скорее узнать, что кроется под холмами на вершине горы Муг.

— Может быть, там развалины древней крепости? Может быть, там дворец согдийского феодала? Не могло же письмо сохраниться просто на пустой необитаемой вершине Кала-и-Муг? Конечно, его мог обронить когда-то гонец, который должен был доставить кому-то это послание. Но зачем бы он забрался на эту высокую труднодоступную гору?

— Нужна экспедиция! Нужна археологическая экспедиция на гору Муг! — говорили учёные.

И вскоре учёный совет Института востоковедения Академии наук СССР решил организовать археологическую экспедицию на гору Муг, и отправиться безотлагательно. Ведь можно было надеяться, что среди оплывших холмов найдётся ещё какое-нибудь письмо, а ведь это более ценно, чем самый необыкновенный клад.

Несмотря на позднюю холодную осень, сулящую неисчислимые трудности археологам, в Таджикистан отправилась археологическая экспедиция во главе с профессором А. А. Фрейманом.

Собирались недолго, но очень тщательно. Помимо обычного инвентаря археолога — лопат, ножей, мягких кисточек, нужно было взять с собой достаточно упаковочного материала, на случай если будут найдены какие-нибудь вещи. Нужны были ящики, большое количество ваты, бумаги, картона.

И вскоре пастух Джур-Али-Махмад Али узнал о том, что найденное им письмо заставило уважаемых учёных взобраться по крутым тропам на вершину Кала-и-Муг. Он узнал, что начались археологические раскопки.

— Странные люди эти учёные-востоковеды, — рассказывал пастух в своём кишлаке, после того как побывал в гостях у археологов. — Они даже и не помышляют о золотом кладе. Все только и говорят о таинственном письме и хотят найти ещё какое-либо письмо. Для них кусок бумаги с непонятными знаками дороже золота и драгоценных камней.



КРЕПОСТЬ НА ГОРЕ МУГ

аже тёплым приятным летом, в ясный солнечный день, не легко взобраться на вершину Муг. Так круты её склоны, так грозны её скалы. А ненастной холодной осенью под дождём и порывистым ветром такое путешествие стало опасным. Лошади и ишаки шли медленно, словно боясь сор-

ваться в мутные воды разбушевавшейся горной реки. Они с трудом тащили палатки, инвентарь и продовольствие для археологов. Дождь лил непрерывно. Вершину брали приступом, стараясь не глядеть вниз и доверяясь животным, которые были осторожны и медлительны. Но когда археологи раскинули свои палатки, а рабочие начали копать в том месте, где Джур-Али нашёл письмо, все сразу почувствовали себя хорошо и каждый участник экспедиции горел желанием во что бы то ни стало добиться цели — сделать открытие.

Наконец-то лопаты выбросили первые комья земли, и стали обнажаться развалины давно заброшенной крепости. О чём они расскажут? О чём поведают учёным?

«Интересно, что они найдут здесь?» — думал Джур-Али, не решаясь задавать вопросов, но часто навещая археологов. Иной раз он бранил себя за то, что отнёс письмо в райком партии. Может быть, следовало бы просто прийти сюда с лопатой? Ведь можно было догадаться, что под холмами сохранились развалины крепости. Но нет. Он неправ. Он бы не пришёл сюда с лопатой, если бы послушался муллы. Ведь мулла сказал, что это страница корана. Да и что мог сделать здесь один человек? С таким трудом добрались сюда археологи со своей поклажей. Нет, нет! Не надо так думать. Следует посмотреть, что они найдут. Не стоит жалеть о добром деле. Ведь секретарь райкома партии сказал: «Честь тебе и хвала, Джур-Али...»

А тем временем шли раскопки. Среди обвалившихся стен то и дело находили вещи, которые говорили о былой жизни, внезапно прерванной во время осады крепости.

Обрывки шёлковых и хлопчатобумажных тканей, покрытые кожей плетёные ивовые корзины,

ножны для меча, глиняные сосуды, деревянные гребни — и вдруг детская погремушка. Археолог долго и внимательно рассматривает игрушку, которая очень давно была в руках крошечного человека. Почему она здесь, рядом с колчаном, где сохранились стрелы? Тут же ножны и прекрасный деревянный щит, от которого нельзя глаз отвести. Этот щит явно служил знатному воину. На нём изображён всадник, вооружённый коротким мечом с налучьем и булавой в руках. Он сидит в седле с высокой лукой, покрытом чепраком. Узкие ремни охватывают грудь и круп красивого коня. Но всадник без головы, а конь без ног — явное доказательство того, что этот щит побывал в руках воина. Кому же он принадлежал? Может быть, хозяину этой крепости? Как обидно, что всадник без головы. Вполне возможно, что лицо этого всадника в какой-то мере было похоже на лицо того древнего воина, который шёл в бой, защищаясь таким красивым, пёстро расписанным щитом.

Но вот уже раскрыты остатки крепости, которая больше тысячи лет назад служила прибежищем воинам, женщинам и детям. Об этом говорят не только вещи, брошенные внезапно, во время бегства, но и то, как эти вещи расположены. Почему рядом с большим глиняным сосудом для вина или зерна рассыпаны бусы? Ведь не воину принадлежал маленький ларчик, украшенный сусальным золотом? А ларчик лежит на колчане от стрел. Стрелы брошены на тонкие нитяные сеточки для дамской причёски.

Когда же произошла трагедия, которая объединила воинов и детей? В каком году? При каких обстоятельствах? Что заставило прийти в эту крепость людей в парчовых одеждах, столь красивых и ярких, что и сейчас, через долгие столетия, обрывки этой парчи восхищают учёных? Кто ответит на эти вопро-

сы? Как прочесть эту загадочную летопись, оставленную далёкими предками не в виде страниц истории, а в виде случайно брошенных вещей?

Археолог сидит в глубокой яме, которая называется раскопом, и медленно отбрасывает маленькой лопатой комья земли. Он осторожно разрыхляет землю. И когда касается чего-то твёрдого, берёт ножик и мягкую кисточку, чтобы очистить пока ещё неизвестный ему предмет. И вот в руках у него согдийская стрела. Передняя часть стрелы — камышовая, а задняя из хорошо отточенного дерева. Обе части стрелы затягивались тонкими сухожилиями. Стрела имеет оперение. Камыш с четырёх сторон надрезан, в надрезы вставлены перья, концы которых собраны в задней части стрелы и туго обвязаны сухожилиями. Это четырёхстороннее оперение стрел и давало верность полёту.

Учёный внимательно рассматривает каждую часть. Он видит, что задняя часть стрелы была окрашена красной, жёлтой или синей краской. В том месте, где стрела накладывалась на тетиву лука и где пальцы сжимали её перед выпуском из лука, насыпан песок. Он введён в краску на клею.

Это было сделано для того, чтобы получалось нужное сцепление, без него стрела могла выскользнуть из пальцев.

Стрела сфотографирована, записана в книгу за каким-то номером, бережно упакована и уложена в ящик.

Что ещё таится под толщей земли?

Несколько человек берут огромное сито. Оно так велико, что в него можно посадить трёх ребятшек. В него насыпают два-три ведра земли и начинают просеивать. Надо извлечь из земли даже крошечную бусину. Но сейчас на дне сита лежит что-то побольше бусины. Что сохранил этот комок земли? Опять в

руках археолога ножик, потом снова мягкая кисточка — и на ладони лежит позеленевшая от времени медная монета.

— Согдийская монета с квадратным отверстием! — кричит молодой археолог.

И все, кто работает в раскопе, выходят, чтобы посмотреть на неё.

Профессор А. А. Фрейман долго рассматривает медную монету. Она говорит ему о том, что здесь была согдийская крепость. Отчего же она погибла? Кто её поджёг? Когда это произошло? В каком году?



САМОЕ БОЛЬШОЕ СОКРОВИЩЕ

же упакованы в ящики драгоценные находки. Уже идут споры о том, для чего были сделаны маленькие глиняные статуэтки. Были ли это просто детские игрушки? А может быть, это изображение человекоподобных богов? Это очень важно знать. Глиняный божок, если это божок, а не игрушка, говорит учёным о том, что люди покинули крепость, ещё будучи солнцепоклонниками и зороастрийцами, как в давние времена называли согдийцев, которые поклонялись пророку Заратуштре. Позднее, когда воины арабского халифата подчинили себе народы Средней Азии, они принесли с собой религию Ислама. Они заставили поклоняться аллаху и запретили изображать где-либо человека или животное.

В священной книге мусульман — коране написано, что нельзя изображать живое существо. Нельзя делать скульптуру, барельеф.

В городах мусульманского Востока художник, украшая стены дворца или храма, чаще всего изображал цветы.

Он пользовался причудливым геометрическим орнаментом и нередко вносил в рисунок тщательно выписанные знаки арабского письма, сохранившие слова молитвы или народные поговорки.

Маленькие глиняные скульптуры говорят о том, что крепость была согдийской.

Возможно, что гибель её связана с приходом полчищ арабского халифата, которые были беспощадны и жестоко уничтожали и истребляли всё, что было противно их религии.

Каждый раз, укладывая в деревянные ящики находки, археологи старались представить себе людей, которые пользовались так внезапно брошенными вещами.

Каким был человек, носивший мягкие кожаные туфли? Сохранилась одна туфля. Сафьян не изнашивается, его только нужно почистить, он целёхонек. Вот бронзовые серьги. Кто пользовался этими вещами? Как жалко, что невозможно представить себе лица тех людей, которые жили в этой крепости. Как хорошо было бы найти ещё одно-два письма — забытые голоса прошлого.

И хоть письмо, найденное Джур-Али, ещё не прочитано, мысли учёных возвращаются только к нему.

Это было обычное утро на раскопках, прохладное и туманное утро.

К счастью, дождь прекратился, и ветер носился над вершиной, изредка посвистывая среди земляных проходов и бросая в бледные лица археологов горсти земли.

Даже в ватных куртках люди поёживались от прохлады.

В тиши так внезапно оживших руин звонко отдавались удары кирки и стук лопат о твёрдый грунт. И вдруг радостный крик огласил окрестность. А вслед за тем из ямы выскочил парень, заикаясь от волнения он стал объяснять, что найдено нечто необыкновенное.

— Неужели письма, документы?.. — спрашивал профессор А. А. Фрейман, торопясь в раскоп.

Он спустился на дно глубокой ямы и увидел обломки ивовой корзины, которую извлекли из-под земли, а рядом с ивовыми прутьями белели палки и, может быть, бумага? Что там белеет?..

С волнением отбрасывал последние горсти земли старый востоковед и, когда он увидел грудку документов, десятки исписанных чёрной тушью палок, обрывки кож и таинственные письма на тонкой шёлковой бумаге, был потрясён.

Бережно подняли на поверхность эти сокровища, и когда подсчитали количество писем этой необыкновенной древней почты, то оказалось, что их около восьмидесяти.

Поразительная удача! Просто счастье! Эта находка превзошла самые смелые мечты. Найден целый архив! Как много он расскажет науке.

Согнувшись над корзиной, археологи перебирали кусочки изъеденных червями кож, листки бледносерой бумаги и плоские палки, вероятно сделанные тысячу двести лет назад и исписанные отнюдь не богатым человеком, а каким-нибудь сельским жителем.

Богатый человек мог позволить себе роскошь писать на дорогой тонкой бумаге, а если не было бумаги, то на светлой стороне мягкой тонкой кожи.

Как бы то ни было, но эта почта дошла до людей через двенадцать столетий.

Что же здесь самое удивительное? Что нужно прочесть прежде всего?

Это стало ясно тут же, в этот счастливый день. Профессор А. А. Фрейман держал в руках арабское письмо на коже.

Этот уникум, казалось, потряс его больше, чем весь архив.

— Поймите, ведь во всём мире есть всего шесть арабских писем на коже, а это седьмое. Вот что надо прочесть немедленно!

Но прочесть это письмо сразу, тут же на раскопках, невозможно.

Оно было написано на древнем арабском языке. Оно было невероятно повреждено. Дыры, проеденные червями, мешали понять, какие знаки утеряны навсегда.

Тут же решили передать арабское письмо на коже в Ленинград, всемирно известному арабисту и востоковеду академику И. Ю. Крачковскому. Лучше его никто не знал арабского языка — литературы и истории арабских стран. В Советской стране не было человека более опытного и сведущего в этом сложном и таинственном деле.

Арабское письмо на коже — седьмое по счёту во всём мире — отправили в Ленинград, в Институт востоковедения Академии наук СССР.



АРАБСКОЕ ПИСЬМО НА КОЖЕ

ля нас — восточников — Рукописный отдел всегда был и остался редкой школой: сюда мы робко входили юными студентами, здесь создавались наши первые работы, и через десятки лет мы, уже

поседев, все продолжали приходить сюда учиться со своими учениками...»

Так вспоминает о своих первых впечатлениях о Рукописном отделе академик И. Ю. Крачковский.

С давних пор Институт востоковедения гордился своим собранием восточных рукописей и своими блестящими учёными, прославленными во всём мире. Кабинет восточных рукописей хранит письма давно забытых народов Востока. Здесь, в тишине, слышно, как шелестят страницы пожелтевших фолиантов, переплетённых в телячью кожу. Иногда звякнет обломок глиняного сосуда, на котором сохранились крупные неровные знаки арамейского письма. Долгие столетия уже никто не пользуется этим языком. Но есть учёные, которые владеют тайной этого умершего языка и могут прочесть то, что написано на черепке. Эти черепки были доставлены сюда из развалин древней Нисы, некогда богатого города Парфянского царства. И что бы это ни было — хозяйственный документ, донесение лазутчика или список рабов, — всё одинаково важно и интересно для истории.

Странное впечатление производят люди, склонившиеся над этими черепками. Они внимательно рассматривают в лупу каждый знак, тихонько о чём-то спорят, а затем один из них обращается к толстому фолианту, где есть такие же письма. Он сверяет отдельные знаки. И когда убеждается в том, что начертание букв совпадает, он снова прочитывает слово на черепке. Только проверив всё тщательно в словарях или в случайно сохранившихся летописях, работая очень медленно, с величайшим терпением, можно расшифровать загадочные письма.

А неподалёку сидят за глиняными табличками ассириологи, редкие специалисты, которые могут прочесть глиняную книгу из библиотеки ассирийского царя Ашшурбанипала. Эта удивительная библиотека

была найдена среди развалин великолепных дворцов ассирийского владыки, которые рухнули в огне пожара ещё за семьсот лет до нашей эры. И всё же библиотека сохранилась, потому что она состояла из глиняных дощечек. Двадцать шесть столетий тому назад ассирийские писцы, вооружившись тоненькой палочкой, тщательно выписывали клинописные знаки на мягкой глине и строка за строкой повествовали о каких-то очень важных событиях, о научных открытиях, о победах и поражениях на войне, записывали легенды и сказания. К счастью, эти глиняные дощечки, аккуратно сложенные на полках в ящиках, уцелели. Во время пожара они стали только крепче. И вот они в руках наших современных мудрецов. Эти глиняные книги легко и просто читает знаменитый в нашей стране, да и не только в нашей стране, но и во многих странах мира, ассириолог, доктор исторических наук И. М. Дьяконов. Он перевёл на русский язык множество ассирийских книг, которые теперь уже доступны нам, потому что напечатаны в типографии. Он расшифровал легенды и сказания, деловые документы и хроники, рассказавшие о жизни в Древней Ассирии. О нём говорят, что он знает характер ассирийского царя Ашшурбанипала ничуть не хуже, чем характер своего сотрудника, сидящего рядом с ним.

В застеклённых шкафах хранятся египетские папирусы и старинные книги Древнего Ирана. Здесь можно встретить почтенного учёного в чёрной ермолке, который расшифровывает египетские иероглифы, начертанные на крышке саркофага четыре тысячи лет назад.

Можно ещё долго рассказывать о том, какие редкие, загадочные документы хранятся здесь и какие удивительные люди — востоковеды и лингвисты — посвятили свою жизнь тому, чтобы сделать забытые

письмена достоянием современных людей. Расшифровать мёртвые языки.

Благодаря неустанным трудам этих людей строки истории, затерянные среди руин и столетий, оживают и рассказывают нам о давно минувшем прошлом, которое нужно знать не только историкам и археологам. Это прошлое интересно не только лингвистам и этнографам, но и каждому, кто читает книги. Ведь грамотный человек знает о том, что история рассказывает о великих открытиях, сделанных нашими предшественниками, которые задолго до наших дней многому научились. Их труды послужили потомкам. Ведь без прошлого не могло прийти и настоящее.

Вот в эту святыню востоковедов пришёл академик Крачковский. Он положил на стол арабское письмо на коже, найденное среди развалин крепости на горе Муг, и, прежде чем он взял в руки лупу, чтобы лучше увидеть каждую букву неровных строк, его окружили востоковеды. И каждый из них с величайшим вниманием и уважением рассматривал загадочный документ, который призван раскрыть ещё одну тайну. Какую тайну он откроет?



ДИВАСТИ— КЛЮЧ К ОТКРЫТИЮ

частлив учёный, который мог на своём веку наблюдать зарождение и развитие новой дисциплины, на глазах которого совершались неожиданные открытия и шла разработка найденных материалов, постепенно создававшая величественную картину, неведомую предшествующим поколениям

исследователей. Так было в моей жизни с согдийским языком, согдийской культурой, ряд веков процветавшей в Средней Азии; она далеко раскинула свои ветви даже за пределы её и, сломленная натиском воинов Арабского Халифата, не погибла бесследно, а органически перешла в новую стадию, которая продолжала единую, непрерывную линию развития среднеазиатской культуры», — вспоминал академик И. Ю. Крачковский, рассказывая о письме из Согда.

Трудно себе представить волнение учёного, который очень хорошо знал обо всех самых удивительных находках, связанных с арабской культурой, когда в руках его оказалось это письмо на коже. В первый момент, ещё не прочитав ничего, он склонен был думать, что это строки из корана. Эту мысль поддержал и профессор А. А. Фрейман, который сообщил академику, что при раскопках был найден крошечный кусочек кожи, где ясно стояла арабская «ля плях...» (нет божества...), что было обрывком обычного мусульманского исповедания веры. Ещё рассказывали о том, что смотревшие документ в Средней Азии прочли там имя Тархун, а так звали одного крупного согдийского правителя эпохи арабского завоевания. Но так ли это, можно будет узнать, лишь прочитав загадочное письмо.

Впоследствии академик Крачковский с увлечением рассказывал о том, как произошла его первая встреча с этим письмом, как он беспомощно держал в руках насквозь изъеденный кусок сморщенной кожи, на которой словно через красную пелену видел только отдельные арабские буквы, но от волнения и нетерпения никак не мог их сложить в связное арабское слово. Человек, прочитавший тысячи древних летописей, боялся, что не сможет разобрать, и от страха видел хуже обычного. Однако воля и терпение заставили его сосредоточиться, и он медленно и верно

разобрал первую строку, где ясно можно было различить остатки обычной формулы приветствия: «Басмаля — во имя Аллаха...» Эта строка говорила учёному, что перед ним не вырванный из середины листок, а начало какого-то послания. А в центре письма можно прочесть имя Тархуна — это ещё одно доказательство того, что перед ним не листок из корана... Но что же это? Может быть, письмо?

В самом деле, может быть, письмо. Во второй строке написано «от... клиента его». Но где же имя клиента? Здесь стоит слово «Дива» с долгим «и» и долгим «а». Чепуха. Такого имени не может быть. У арабов нет такого имени. Но ещё хуже следующая строка: она начинается с очень странного слова «ситти». При чём здесь это слово? В разговорном языке оно означает «госпожа моя». Это не имеет никакого отношения к первым строкам. Конец одной строки «Дива», начало следующей — «ситти». Никогда ещё не было такой загадки. Впервые учёный-арабист столкнулся со словами, ему неизвестными. И вдруг в голову пришла мысль: а может, здесь перенос одного слова? Он встречал такие вещи в арабских папирусах из Египта. Но если это перенос, то надо читать «Диваситти»... Дивасти... Такого слова нет, а имени такого он тоже не встречал. Вот имя «Тархун» упоминается в литературе о Средней Азии, а «Дивасти» — такого имени нет.

Проходит много дней в трудах и размышлениях. Академик Крачковский обращается к своим коллегам, и каждого он спрашивает — не встречал ли кто-либо из них такого странного имени. Снова над этим именем мучительно думает профессор А. А. Фрейман. Он вспоминает слово «Диванестич» и предполагает, что, может быть, оно связано с пониманием слова «диван» — канцелярия. А может быть, означает какой-нибудь титул?

Но академик Крачковский терпеливо объясняет профессору, что здесь написано не «Диванестич», а просто «Дивасти». Это явно звучит как имя. Это имя надо найти во что бы то ни стало.

И учёный обращается к двенадцатитомной истории арабского историка ат-Табари. Многие страницы посвящены у него завоеванию арабами Средней Азии. Он описывает события сотых годов хиджры, что по мусульманскому календарю соответствует началу VIII века нашей эры. Но сколько ни искал учёный, а имени «Дивасти» он не нашёл. И вдруг в один из дней он обратил внимание на мелькнувшее перед ним имя «Дивашни».

— Да ведь разница только в точках! — воскликнул учёный. — Точками обозначаются гласные, а если так, то это будет читаться «Дивасти». О чудо! Дивасти нашёлся!

У ат-Табари было написано:

«...и ушёл Дивасти с людьми Бунджикента в крепость Абаргар, а Карзандж и люди Согда прибыли в Ходжент...»

«Бунджикент» но арабски — это Пенджикент. Следовательно, Дивасти, или по-согдийски Деваштич, был правителем Пенджикента. И он увёл своих людей в крепость. И было это в дни нашествия воинов арабского халифата.

Арабское письмо на коже оказалось письмом князя Деваштича к арабскому наместнику Мавераннахра ал-Джарраху ибн-Абдаллаху, правившему в 717—719 годах. В этом письме Деваштич просил арабского наместника принять участие в судьбе сыновей покойного самаркандского правителя Тархуна и взять их к себе из рук Сулеймана-ибн-Абу-с-Сари.

Следовательно, крепость сожжена несколько позднее, может быть, в 721 году, более двенадцати веков назад.

Вот о чём рассказало арабское письмо на коже. Оно стало ключом к удивительным открытиям. Но прежде всего оно поставило перед учёными новые загадки, и первая из них — где искать древний город Пенджикент?



ГДЕ
ЭТОТ
ГОРОД?

Никто не знал древнего Пенджикента. Но все знали, что в предгорьях Зеравшана, примерно в 70 километрах от Самарканда, есть небольшой таджикский город Пенджикент. Обыкновенный маленький город, районный центр, где нет никаких древних строений, где узенькие улицы и небольшие глиняные дома с дувалами (глиняными оградами). В базарный день на площади города собираются люди из горных селений, приходят пастухи в чалмах и пёстрых халатах, с громадными посохами в руках. Много всадников, которые привозят с гор что-либо на продажу, а ещё больше маленьких серых ишаков, гружённых громадными тюками хлопка, корзинами фруктов, орехами, сеном, соломой. Да мало ли что продают на базаре! Больше всего здесь дынь и винограда. Долина Зеравшана удивительно зелёная и красивая. Вокруг города цветущие сады и виноградники, а вдали хлопковые поля. Смешно было бы здесь искать древний Пенджикент.

Однако археологической экспедиции Таджикской Академии наук и Государственного Эрмитажа предстояло найти исчезнувший город. И пока о нём знали только то, что такой город был и правил им согдийский князь Деваштич.

Это было очень важно знать, но этого было недостаточно.

Начальник экспедиции, известный советский востоковед А. Ю. Якубовский, предложил посмотреть на окрестности Пенджикента с самолёта. Археологи давно уже убедились в том, что с высоты можно увидеть то, чего никогда не увидишь, стоя на земле.

Так и сделали. Сели в самолёт и поднялись над Пенджикентом.

Ни пешеходы, ни автомобилисты никогда не обращали внимания на то, что буквально рядом с Пенджикентом, чуть ли не в десяти минутах ходьбы от базара, высятся бугры. Какие-то холмы, занесённые песками. Никто на них не обращал внимания. А вот когда посмотрели с самолёта, то увидели, что они расположены в определённом порядке. Холмы образуют цепочку. Кое-где они окружают четырёхугольные участки, имеющие вид небольших впадин, а затем снова тянутся по прямой.

— Как будто стёртые очертания города! — нерешительно говорит кто-то из молодых археологов.

— Совершенно верно, именно города! — соглашается А. Ю. Якубовский. — Ведь так естественно, что рядом с погибшим городом возник совершенно новый...

И вот на пустынных холмах археологи делают первые разметки будущих раскопок. Настаёт день, когда лопата археолога отбросила первые глыбы земли. Тысячи бросков, десятки тысяч бросков, прежде чем образовались первые раскопы и учёные увидели остатки жилых помещений с обрушившимися сводами, с обвалившимися стенами. Несомненно, город был здесь.



ревний Пенджикент нашли. Сейчас, спустя тридцать лет, можно увидеть почти целиком этот удивительный город. Величественно возносит он свои розовые на восходе солнца руины к синему ясному небу Таджикистана. Очень живописны развалины древних храмов, дворцов и крепостей, окружённые лиловыми горами Зеравшана. Каждое строение, каждая стена хранит последнее дыхание жизни, оборванной огнём пожарищ, мечами и стрелами врагов больше двенадцати столетий назад.

В Пенджикент можно добраться по прекрасной автомобильной дороге, протянувшейся от Самарканда до предгорий Зеравшана. Машина останавливается у некогда красивой и величавой площади древнего Пенджикента, где сейчас повисли в воздухе арки проёмов, темнеют отверстия окон, а вместо лестниц тщательно расчищены узкие подъёмы, так называемые пандусы. Они ведут в верхние этажи или опускаются в подземелья. Этот город воздвигнут из хрупких глиняных кирпичей, высушенных на солнце. И хотя, казалось бы, всё должно было превратиться в прах — крепкие стены устояли.

Больше двадцати лет из года в год ведутся раскопки древнего Пенджикента, и каждый год приносит новые находки — открывает новые страницы истории.

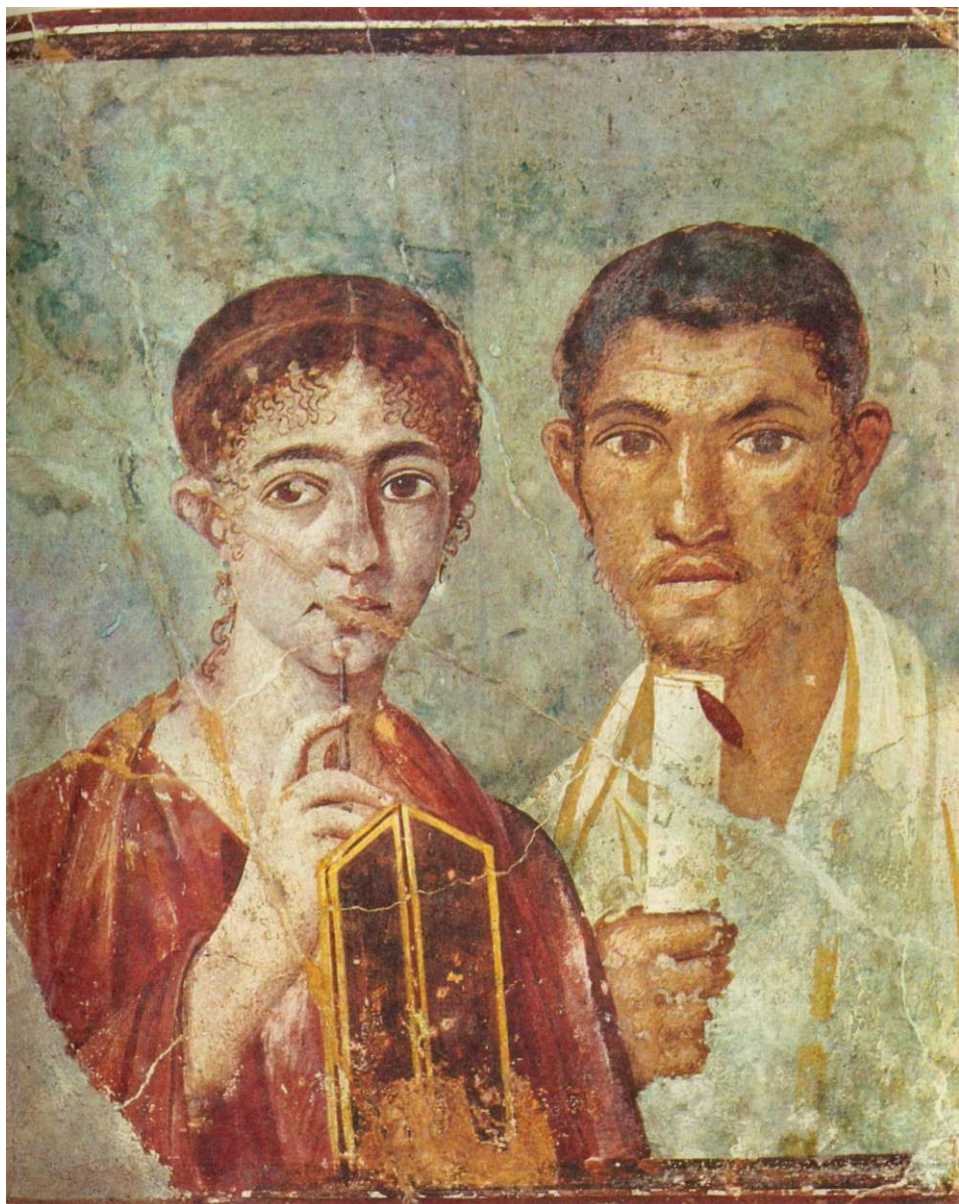
Пенджикентскую археологическую экспедицию возглавляет доктор исторических наук А. М. Беле-

ницкий. Он много лет ведёт раскопки и знает здесь каждую стену, каждый проём. Для него находки читаются как готовая летопись событий, как картина жизни.

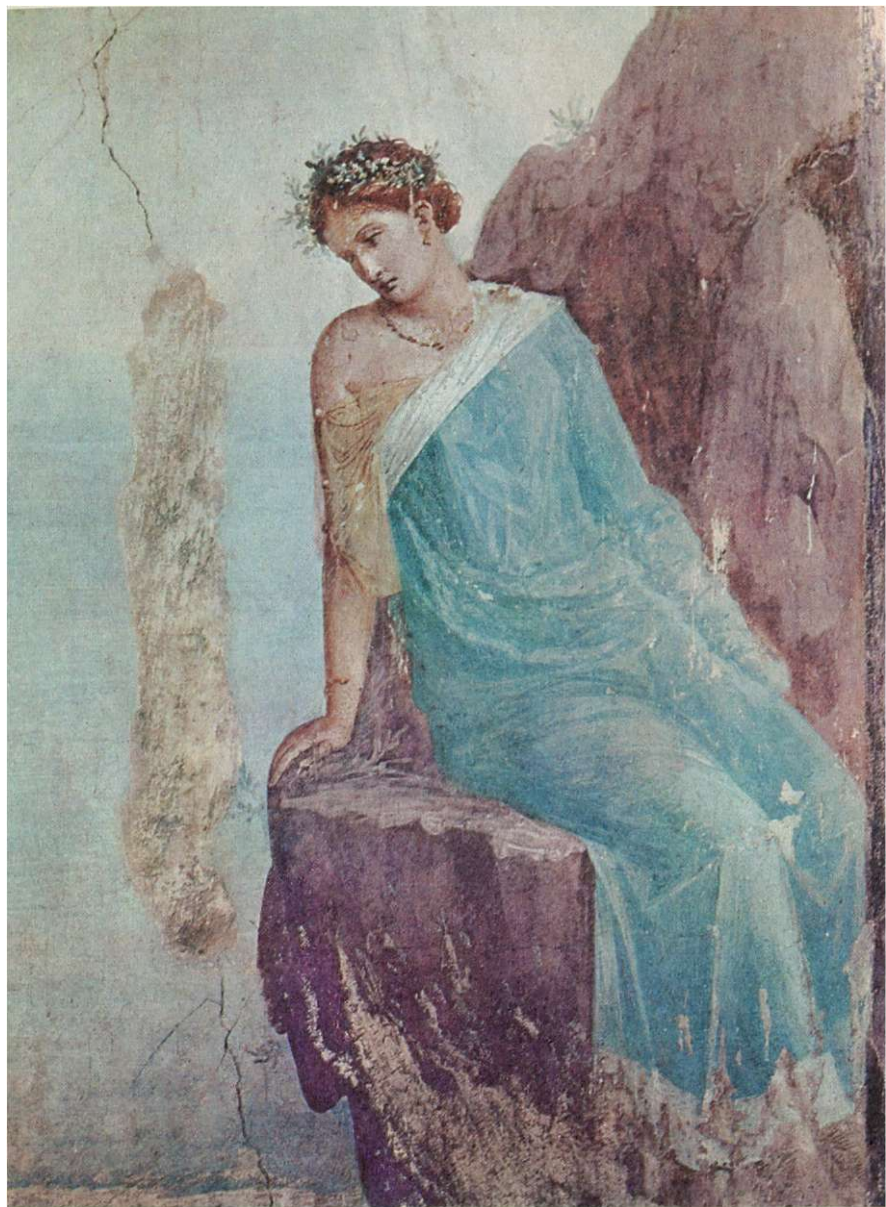
Обломки плавильной печи и кусочки ржавого железа повествуют учёному об искусстве литейщиков и оружейников. Он тут же вспоминает найденные ранее наконечники стрел, пластинки для панциря, шляпки от гвоздей, ножи и мечи. Он возвращается к раскопу, где были плавильные печи с остатками расплавленной бронзы. И в памяти возникают многочисленные находки из бронзы, которые говорят о большом мастерстве древних литейщиков. Учёный вспоминает деловое письмо на ивовой палке, посланное когда-то фрамандару (управляющему поместьем), где написано: «...и я тебе послал одну кольчугу...» Среди развалин города не сохранилось целой кольчуги, только разрозненные кольца. А на росписях археологи увидели много превосходных кольчуг. Вот здесь у маленького горна плавился металл, который потом превращался в отличное вооружение.

Если бы не была найдена печурка, то трудно было бы решить, где были сделаны кольчуги и мечи, изображения которых сохранились на стенных росписях. Можно было подумать, что это вооружение привезено из соседних городов Согда, а может быть, и куплено где-либо. Но когда перед учёными следы деятельности древних мастеров, тогда уже не может быть сомнений в том, что вооружение воинов делали здесь, в Пенджикенте.

Точно так же было с изделиями из стекла. Вначале были найдены маленькие флаконы для благовоний. Были гладкие, матовые, с серебристым отливом, словно перламутровые. Были и почти прозрачные. Откуда эти флакончики? Кто их сделал? Даже тогда, когда нашли небольшой флакон с барельефом



Пекарь и его жена. Фреска из Помпей. I век.



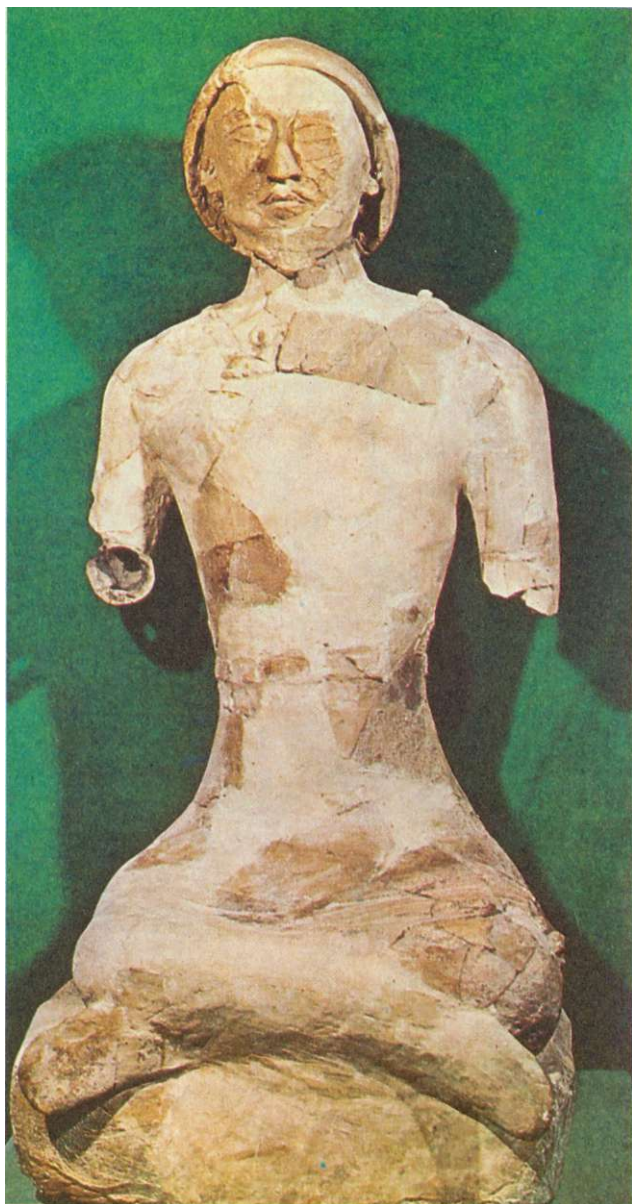
Прекрасная Галатя. Фреска из Помпей. I век.



Фрагмент фрески из дома Мистерий в Помпеях. I век.



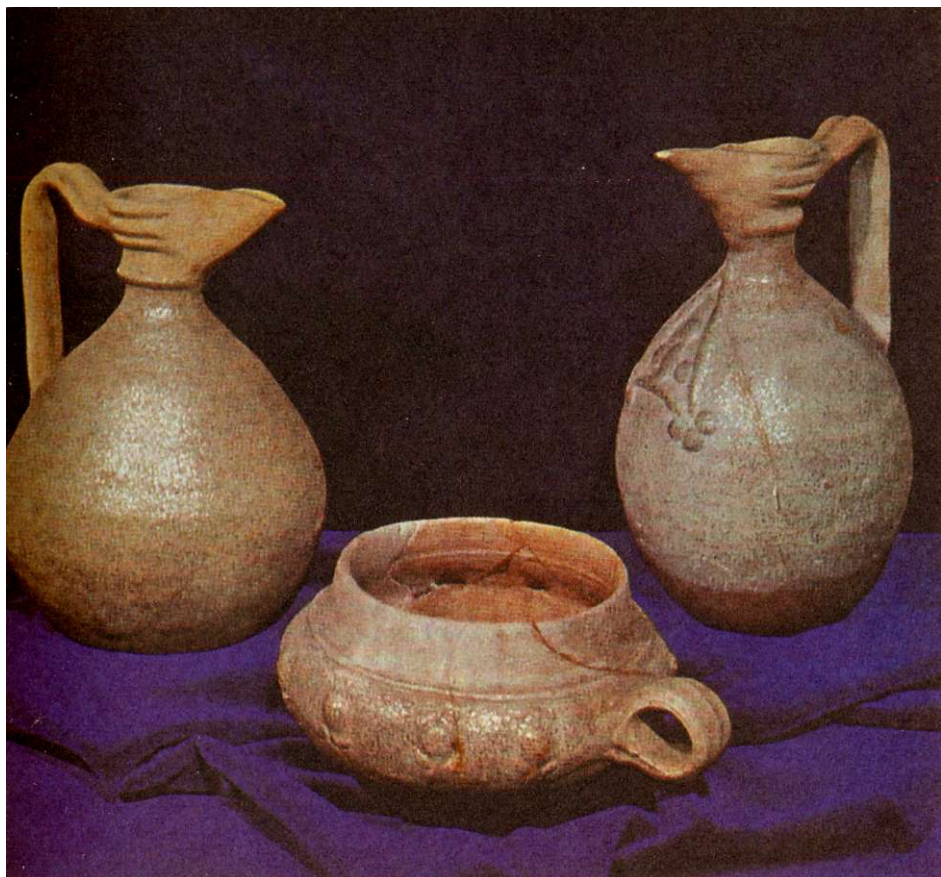
Хирургическая операция. Фреска из Помпей. I век.



Оссуарий в виде человеческой фигуры. Кой-Крылган-Кала. Хорезм. III век.



Росписи «индийского зала» в Варахше. Самарканд. VII век.



Глиняные сосуды из древней Согдианы. VII век.



Ритон из раскопок древней Нисы. II век до н. э.



Вельможи. Фрагмент росписи из древнего Пенджикента.
VII век.



Деревянная скульптура из древнего Пенджикента. VII век.



Князь Деваштич.
VII век.

Фрагмент росписи из древнего Пенджикента.



Портрет князя. Фрагмент росписи из древнего Пенджикента.
VII век.



Бронзовая ручка зеркала из Кара-Булака. Фергана. II — IV век.



Ваза из раскопок древней Согдианы. VII век.



Голова статуи принца из дворца Топрак-Кала. Хорезм. III век.



Серебряное блюдо. Средняя Азия. VII век.

курчавой головы в короне, не могли решить, где было сделано это стекло. Но спустя два года наткнулись на остатки маленькой стеклодувной мастерской и был найден ответ: изящные флаконы для благовоний изготавливали в Пенджикенте.

За долгие годы археологических работ в Пенджикенте выросло целое поколение молодых археологов, которые с любовью и увлечением работают на раскопках. У многих уже есть своя специальность. Один изучил костюмы, другой — металлические изделия, третий стал специалистом по гончарным изделиям. Он собрал превосходную коллекцию глиняных сосудов. Склеивал обломки, извлечённые из-под десятиметровой толщи земли, из-под развалин храма, из святилища, где когда-то происходили жертвоприношения перед восходящим солнцем. Иной раз сосуды извлекались из-под обвалившихся стен глиняных домишек ремесленников. Но самым радостным событием был тот день, когда нашли печь для обжига гончарных изделий и следы гончарного круга на обломках глиняной посуды. Клеймо мастера, если оно повторялось, уже о многом говорило археологу. Находка клейма, даже на обломке сосуда, приносила радость учёному.

Город, раскрытый археологами, буквально расчищен маленькой мягкой кисточкой. После того как были подняты тысячи тонн земли, когда можно было увидеть освобождённые от завалов стены, проёмы окон и дверей, пандусы, которые связывали первый и второй этажи, арки, суфы, — когда всё это было очищено, маленькая кисточка археолога медленно и тщательно обметала каждый сантиметр древней стены. Такая кисточка позволяла иной раз обнаружить скрытую под слоем земли роспись, а бывало и так, что вдруг неожиданно удавалось подобрать затерявшуюся медную монету или бусину из ожерелья.

Древний Пенджикент найден. Он возвращён людям через долгие столетия, и его своеобразная глиняная летопись рассказала историкам о трагедии тех дней, когда этот древний согдийский город погиб в огне пожара и надолго скрылся под землёй.

Но как всё же читают археологи эту глиняную летопись? Как они узнали о причинах гибели города? Какие подробности жизни и быта стали им известны? Обо всём этом можно узнать, побывав на раскопках.



ДЕНЬ НА РАСКОПКАХ

Почти в полной темноте всех будит грохот железного ведра, брошенного в бассейн. Первым проснулся дежурный. Он набрал воды и поставил чёрный котёл на огонь.

Словно по сигналу люди вскакивают и, быстро позавтракав, тут же у бассейна, на большой глиняной суфе, спешат к машине, которая уже дожидается у ворот базы археологической экспедиции. В ней сидят юноши и девушки, студенты местного техникума и школьники старших классов. С грохотом летят в машину лопаты, кирки — весь несложный инвентарь экспедиции. И когда машина уже трогается, вдогонку бежит начальник экспедиции А. М. Беленицкий. Он всегда последним покидает базу, потому что каждый день должен дать какое-нибудь распоряжение оставшимся здесь реставраторам, художникам и археологам. Им поручено очень трудное и ответственное дело — упаковать найденные среди руин сокровища. Но не подумайте, что это сокровища в виде золота

и драгоценных камней. Это сокровища науки. Кусочки обугленного дерева, обломки керамики, покрытое ржавчиной железо и позеленевшая бронзовая деталь оружия или замка.

Со стоном и рыканьем машина поднимается в гору. Колёса тонут в тонкой, как пудра, лёссовой пыли. Нога человека погружается по колено. Но вот и поднялись.

Археологи прибывают сюда к восходу солнца, когда отдохнувшее за ночь светило с улыбкой оглядывает зелёную долину, виноградники и бурную горную реку Зеравшан. Оно посылает свои нежные утренние лучи к руинам древнего города, пробирается в полутёмные коридоры раскопанных жилищ. И вдруг солнечный луч освещает высокий круглый проём большого зала. Он розовеет и манит к себе. Когда смотришь на него, кажется, что совсем недавно отсюда вышли люди и, спустившись с холма, где раскинулся древний город, скрылись среди зелёных виноградников.

Каждый принимается за своё дело. Начальник экспедиции спешит к развалинам древнего храма, где только вчера была расчищена ниша для статуи. Обломков статуи не нашли, но учёные знают, что в этой высокой нише когда-то стояла статуя богини. Об этом нигде не написано. Это узнали здесь же, на месте, во время раскопок.

Просеивая сквозь сито землю, выбранную из этой ниши, археолог вдруг увидел большую бусину из янтаря. Он стал руками прощупывать каждую горсть земли и вытащил много больших бусин, очень странных. Бусины из ожерелья, какого никогда бы не надела ни одна франтиха. Почему? Да потому, что каждая из них величиной с абрикос. Ожерелье из таких больших тяжёлых бус, сделанных из агата, сердолика, кораллов, из зелёной египетской пасты, могло

принадлежать только богине. Вот почему учёные решили, что в этой нише стояла статуя богини.

Но эти бусы рассказали не только о том, как украшали богиню плодородия (известно, что у согдийцев была богиня плодородия Анахита — покровительница земледельцев). Согдийцы очень заботились о плодородии своей земли. Вероятно, они любили богиню Анахиту и приносили ей в дар плоды и цветы, а также украшали её.

Но эти бусы рассказали не только о верованиях согдийцев, они поведали о торговых связях Согдианы с другими странами. Янтарь получили от купцов далёкой Прибалтики, сердолики, возможно, доставлены с Урала. Египетская паста очень сложным путём пришла из Африки.

Как многочисленны эти торговые связи! Из дальних стран приходили в города Согды торговые караваны. Они привозили товары, а увозили многое, что давала согдийцам их щедрая земля.

В стороне от богатого дома, где жил когда-то феодал, в давние времена было предместье ремесленников. Как об этом узнали? Здесь нашли загадочный предмет: небольшую глиняную пластинку с закруглённым краем. Другой край имел отверстие для шнурка. Обе поверхности пластинки почти зеркально залощены и кое-где имеют царапины. Эта пластинка, толщиной в полсантиметра, озадачила учёных. Но вскоре археологи поняли, что это ложило для заглаживания штукатурки стен. Возможно, его употребляли в тех случаях, когда стены уже были хорошо отделаны и нуждались лишь в том, чтобы их заглаживать и подготовить для росписи. Где-то поблизости жил штукатур. А неподалёку жил мастер, умеющий обрабатывать дерево, и он оставил нам инструмент с теслообразным рабочим краем.

Что даст сегодня эта древняя земля, сохранившая

под своей толщей удивительный рассказ о прошлом? В конце рабочего дня археолог, ведущий раскопки, поднял какой-то непонятный инструмент, как сказали рабочие, лопатообразный, с зубчатым рабочим краем, перпендикулярно отогнутым к плоскости лопатки. Долго вертели в руках, рассматривали со всех сторон и наконец поняли. Да ведь этот инструмент похож на скребок, которым и сейчас пользуются таджики при изготовлении тыквенных сосудов. С помощью этого инструмента можно было выскрести мякоть тыквы, а затем, высушив тыкву, превратить её в бутылку, чашу или кувшин. Такой сосуд не мог сохраниться в земле. Он сгнил. Но этот инструмент рассказал учёным о том, что тыквенные сосуды, какие и сейчас имеются в каждом доме таджикского селения, умели делать двенадцать веков назад.

Если пройти мимо руин в другой конец древнего города, то можно попасть на раскоп, который особенно волнует сегодня археологов. Здесь явно жили когда-то люди, обрабатывающие железо. Об этом говорят кусочки железа да ещё железный ключ, очень похожий на ключи, найденные в селениях Древней Руси. Стержень этого ключа имеет отверстие на верхнем конце, сквозь него можно было протянуть шнурок. Полукруглое основание ключа также имеет прорезь. Такого типа ключи, правда несколько иной формы, были найдены среди более поздних селений Согдианы. Такой же ключ был найден вблизи Самарканда. Его относят к IX—XII векам. Очень поразила учёных неожиданная находка верхней части одной половины ножниц, таких, какие и сейчас употребляют портные.

А вот и память о древнем ювелире — миниатюрная наковаленка, как её называют специалисты — шперак. Это инструмент ювелира. Здесь найден только обломок этой наковаленки, но учёному легко вос-

становить её первоначальную форму, потому что на Древней Руси находили множество таких же наковаленок, служивших когда-то ювелирам.

Через несколько дней стало ясно, что в давние времена здесь жил ювелир. Нашли серебряную оправу для камня от перстня. Кольцо было ещё в древности отломано, а вот оправа от камня сохранилась. Её внимательно рассматривают. На обратной стороне не видно следов припая, следовательно, не успели починить перстень. Находка незначительная, но ведь она не единственная.

Археологи вспоминают золотые украшения, найденные среди развалин согдийских храмов, и несложный инструмент древнего ювелира словно оживает. Ещё в первые годы раскопок были найдены золотые подвески от серёг. Одна серьга с дужкой сделана в виде овального медальона с плоско отшлифованным красным камнем-самоцветом. Края медальона отделаны мелкой зернью. Может быть, эти нарядные серьги были сделаны на маленькой наковальне, которую сейчас внимательно рассматривает археолог?

Рядом с раскрытыми руинами храма археологи нашли хозяйственное помещение. Возможно, что это была каморка жреца, где хранились сосуды для благовоний, корзины с плодами, светильники. Сегодня удача. Под обвалившейся стеной найдены обломки розовой глиняной чаши. Она так удачно разбита, что ничего не стоит её собрать и склеить. Даже сейчас, когда в руках археолога только обломки, он видит её уже целой, собранной. И он спрашивает себя — для чего она служила? Для еды? Нет. Стенки чаши очень чистые, полированные, ничем не повреждённые, не поцарапанные. Нет, из неё не ели похлёбки. По всей вероятности, эта глубокая чаша была нужна для священнодействия. Может быть, для омовения рук перед тем, как зажечь в храме священный огонь?

В древних летописях учёные нашли описание таких обрядов у согдийцев.

Там сказано, что, когда в храм приносили священный огонь, человек должен был быть одет в свои лучшие одежды, прибран, причёсан и умыт. Рот у него был завязан платком, чтобы не осквернить дыханием священного огня. И когда он зажигал светильник, чтобы принести этот огонь в храм, руки его были чистыми. И судя по тому, что небольшое подсобное помещение в храме находилось недалеко от святилища, можно думать, что там хранились вещи, необходимые жрецам. Святилище в виде открытого помещения, где отсутствовала четвёртая стена, называлось айваном. В таком айване, согласно обычаям согдийцев, должен был стоять высокий бронзовый или позолоченный жертвенник, и перед восходящим солнцем молящийся зажигал ароматные травы.

Время близится к полудню. Солнце в зените.

В серой дымке едва видны вершины Зеравшанских гор. На ярком солнце развалины города уже не так красочны, как на рассвете. Они такие же серые, как лёсс, который кружится, захваченный горячим ветром. Горсти серой пудры летят к обветренным лицам археологов и снова обжигают их. Пыль слепит глаза. Трудно и тем, кто работает в глубоком раскопе, и тем, кто под жгучими лучами солнца, не разгибаясь целый день, что-то просеивает, что-то перебирает или зарисовывает. И когда дежурный ударяет молотком по обломку железной рельсы, все бросаются в тень высокой глинобитной стены и усаживаются за завтрак, делятся новостями.

А новости бывают самые неожиданные и самые удивительные.

Разве не удивительно, что на дне сосуда, найденного в каком-то хозяйственном помещении, оказалась горсть пшеницы? Зёрна почернели, но это пшеница,

и она найдена на дне хума. В таких высоких сосудах обычно хранили зерно, масло, вино. Молодой археолог вспоминает текст хозяйственного документа из архива на горе Муг. Это была записка, в которой князь Деваштич обратился к своему управляющему — фрамандару:

«...тем людям, относительно которых я тебе так приказываю: «Зерно им выдать!» Ты не выдаёшь. Тогда тем, которым тебе не следует выдавать, ты выдашь? И по слухам ты очень уж беспечен... Ты им должен выдать зерно, чтобы от голода они не бедствовали... промедления не делай...»

И дальше князь Деваштич говорит своему управляющему с иронией, что ему придётся дать распоряжение не выдавать зерна, тогда фрамандар выдаст его.

— Может быть, это остатки того самого зерна, которое фрамандар задержал и не выдал людям? — спрашивает молодой археолог. Когда он изучал документы, найденные на горе Муг, многие из них произвели на него впечатление, и эта маленькая записка запомнилась ему потому, что в ней виден юмор князя Деваштича. Маленькая шутка словно оживила древний документ и показала улыбающееся лицо князя.

Молодой таджикский археолог, может быть, и не вспомнил бы этой записки, если бы сейчас не держал в руках горсть почерневшей пшеницы, которую вырастили его предки ещё в те далёкие времена, когда они поклонялись солнцу и огню. Это было очень давно, но следы эти верований сохранились в глухих горных селениях Таджикистана.

Молодой археолог вспоминает своё путешествие на Памир. В горах у пастухов есть нечто вроде маленького мужского клуба, который называется «Алау-хона». В переводе это означает «дом огня». В маленьком домике постоянно горит очаг. Мужчины собираются в нём по вечерам, чтобы рассказать ново-

сти. А если счастливый случай приводит в эти далёкие горы сказителя — хафиза, то он за чашкой зелёного чая рассказывает удивительную легенду о богатыре Рустаме, изображение которого сохранилось на стенах пенджикентских дворцов.

День долгий, жаркий, трудный, полный забот и нескончаемого терпения. И всё же настает тот миг, когда молоток снова ударяет о железный рельс, и девушки в пёстрых таджикских платьях, с серебряными браслетами, в нарядных, с бирюзой, серьгах, словно слетевшие с картин древней Согдианы, весело собираются в обратный путь. Снова на дно машины летят с грохотом лопаты и ломы, а затем и сами участники экспедиции заполняют машину. Рабочий день окончен.

Но машина останавливается не у ворот базы археологической экспедиции, а подъезжает к источнику Кайнарсу, древнему холодному ключу, который бьёт из скалы, клокочет и, превращаясь в маленький водопад, падает в небольшое углубление. Археологи думают, что Кайнарсу приносил радость людям ещё в те далёкие времена, когда процветал древний Пенджикент. Он неутомим — этот прохладный и прозрачный ключ. Какое счастье окунуться в его воды, ощутить прохладу, обмыть усталое от зноя и пыли тело!



ПЕРЕД НАМИ СОГДИЙЦЫ

леды жизни повсюду. Брошенные очаги. Закопчённые на огне костра глиняные сосуды. Оружие воина. Инструмент ювелира и штукатурка.

Обугленное дерево резных колонн и дверных проёмов. Глиняные трубы от сломанного водопровода. Очень древнего водопровода, который подавал воду из реки Зеравшан в дома города Пенджикента. Всё говорит о жизни и деятельности людей. Каких людей? Как они выглядели? Расскажут ли находки о вкусах, способностях и трудолюбии этих людей? Удастся ли узнать о верованиях и обычаях?

Найденные среди руин вещи ответили на многие вопросы. Но, разумеется, они не могли ответить на вопрос — какими были древние согдийцы? И вот случилось чудо. Учёные увидели согдийцев.

Это было удивительно, необычайно! Вдруг из-под лопаты рабочего посыпалась алая земля. Откуда? Что это такое?

Археолог, занятый в это время описанием планировки раскопанного дома, взял в руки лопату и стал тихонько отбрасывать землю от той части стены, которая сохранилась возле широкой глиняной суфы и, очевидно, была когда-то расписана пёстрыми красками.

Вначале, орудуя лопатой, а потом ножом и кисточкой, археолог очищал стену, вглядываясь в пёстрые пятна, проступающие из-под серой лёссовой пыли. Затаив дыхание учёный всматривался в эти пятна, и в какой-то момент перед ним вдруг предстала чудесная картина. Он увидел сцену какого-то ритуального шествия. Головы и плечи трёх мужских фигур, лица которых повёрнуты вправо, сохранились настолько, что хорошо видны черты лица — длинный разрез глаз, прямые носы и чётко прорисованные брови. Густые длинные чёрные волосы гладко причёсаны. Лица молодые, с чуть проступающими усами.

Но здесь не просто изображение каких-то людей, которые, по-видимому, сохранили облик согдийцев, живших когда-то на этой земле. Правее от этих фи-

гур видно изображение мужской головы в лучистом нимбе. Может быть, это божество? Возможно, что трое молодых мужчин торопились на своих конях со знаками поклонения к этому божеству. Эта картина сильно попорчена, и всё же она даёт представление о согдийцах, живших в долине Зеравшана в VII веке нашей эры.

В одном из помещений, налево от входа, на кирпично-красном фоне были изображены две мужские фигуры, сидящие, поджав под себя ноги, на жёлтом ковре, украшенном четырёхлепестковыми тёмными цветами. На них одинаковые кафтаны. Узкие талии перетянуты золотыми поясами. На ремнях приспущены длинные мечи с рукоятками в золотой оправе. Лица у этих людей уничтожены. Сохранились только чёрные вьющиеся волосы да белые головные уборы, увитые ветками и цветами миндаля. Справа виднеется блюдо с фруктами. Сверху, чуть выше голов, сохранились изображения фантастических зверей с мордой льва, крыльями птиц и хвостом змеи. Внимание учёных привлекли какие-то знаки, процарапанные острым предметом. Они прочли арабское слово «ла», что значит «нет». Некоторые учёные решили, что арабские воины-фанатики уничтожили изображения лиц согдийцев своими мечами и тем самым выразили свою ненависть к поклонникам огня. Словом «нет» они выразили отрицание согдийской религии и согдийской культуры.

Несмотря на то что не сохранилось лиц на этих выразительных фигурах согдийцев, учёным очень много рассказало изображение. Они увидели людей из той согдийской знати, которая владела землями Согдианы и о которой сохранились упоминания в арабских летописях VII и VIII веков нашей эры. Во всех этих летописях отмечается, что золотой пояс на богатом кафтане был признаком знатности. Но,

узнав о том, что это знатные господа, ученые захотели ещё узнать, что означали цветы миндаля, свежие фрукты и золотые чаши в руках. Они настолько попорчены мечами врагов, что с трудом можно их рассмотреть. Но археологи рассмотрели. Что же это означает?

Изображение, найденное на другой стене, помогло понять, что всё это означает. Такие же фигуры сидящих на пёстрых коврах людей с золотыми чашами в руках и с цветами миндаля были изображены неподалёку от высокого металлического жертвенника, имеющего форму лампы с абажуром. В чаше, охваченной языками пламени, вероятно, лежат ароматические смолы. Они дымятся, а у жертвенника стоит на коленях жрец в белом одеянии. Он держит в левой руке золотую чашу, а правой бросает что-то в пламя.

Учёным ясно, что это обряд жертвоприношения и что им занимаются те самые владельцы Согда, которых называют дехканами и о которых много говорится в письменных источниках арабских, китайских и согдийских летописцев. Учёные даже поняли, с чем связано это жертвоприношение — с праздником ноуруза — Нового года. Вот почему у каждого в руках самые ранние весенние цветы — цветы миндаля.

Вот так впервые предстали перед учёными вдруг ожившие лица согдийцев, о жизни которых они уже многое знали. Позднее изображения, не потревоженные мечами врагов, но плохо сохранившиеся под десятиметровой толщей земли, говорили учёным о верованиях этих людей, о развлечениях, рассказывали старинные легенды, которые сохранились в памяти таджиков и поныне.

Художники древнего Пенджикента населили дворцы и храмы множеством современных им людей. Но и сказочные герои, полюбившиеся им за мужество, бесстрашие и патриотизм, обликом своим мало

отличались от живых согдийцев. Такими они и предстали перед нами на картинах древних художников. Это любимый герой согдийцев Рустам, победитель чудовищ, злых духов. Рустам красив, мужествен, отлично вооружён. На лице его бесстрашие, когда он убивает чудовище. Очень красива в своей богатой одежде, в короне молодая женщина, погибшая от меча врага. Мы видим её залитой кровью после сражения с воинами, закованными в латы и кольчуги.

А рядом со знатными и могущественными показаны люди, обрабатывающие землю и создающие богатства владетелям. Сохранилась роспись, на которой видны такие люди в простых белых халатах, подпоясанных длинным кушаком. Один держит в руках кувшин с дарами. Другой держит в руках птицу. Может быть, эти земледельцы приносят дань своим владетелям? Все эти сцены показали людей в самой разнообразной обстановке, и это позволило словно совершить путешествие в далёкое прошлое и увидеть то, что казалось невозможным увидеть, — живых людей древней Согдианы.



ЖИВОПИСЬ

Мечта археологов сбылась. Были открыты многочисленные росписи. Согдийские художники украсили ими стены дворцов и храмов Пенджикента и увековечили в этих картинах лица своих современников. Лица царей, воинов, землепашцев и ремесленников, лица жрецов и полководцев. Археологи открыли бесценное сокровище. Эта яркая своеобразная летопись рассказала о людях древней Согдианы даже

больше, чем потрясшие учёный мир документы из архива Деваштича.

Не все росписи одинаково хорошо сохранились. Но и то, что дошло до нас, необычайно ярко, красочно и значительно.

Вот превосходная картина, повествующая о том, как царь принимал в своём дворце иноземных гостей. Перед учёными предстал царь в золотой короне. Коленопреклонённый слуга подаёт ему золотую чашу. У царя правильные черты лица, видно, что это согдиец — предок таджиков. А рядом с ним, под золотистым балдахинном, на коврах, сидят иноземные гости из кочевников — возможно, это турки. Лица у них более тёмные, немножко скуластые, несколько суженные глаза. Весь облик их и одежда говорят о том, что они из кочевых народов, которые были тесно связаны с Согдом. Они не только торговали с согдийцами, но и вместе с ними воевали против общих врагов. Возможно, что на этой картине изображён момент сговора. А может быть, это просто богатые купцы, которых князь Деваштич угощает вином из золотых чаш.

На одной картине древний художник увековечил священный обряд оплакивания юного и прекрасного Сиявуша, который символизировал уходящее лето.

В древних восточных летописях описан обряд согдийцев, оплакивающих смерть божественного юноши. Здесь рассказывается о том, как люди предаются скорби и отчаянию, оплакивая умершего. Как они рвут на себе одежды и надрезают себе лица. Это описание совпадает с той картиной, которую раскрыли на стене согдийского храма. Юноша в богатой одежде лежит спокойно и недвижимо. Лицо его видно из-за арки, которая отделяет его от простых смертных плакальщиков. Здесь видны и согдийцы с правильными чертами лица, и люди из кочевых племён с краснова-

тыми лицами и чуть раскосыми глазами. Они скорбят и оплакивают умершего. По всей видимости, для этих людей юноша был священным.

Многочисленные росписи, показавшие обряды древних согдийцев, всегда рассматривались учёными с учётом тех легенд и сказаний, которые сохранились с давних времён и которые были когда-то записаны жрецами и дошли до наших дней такими же безыскусными, какими создал их народ. И когда строки летописи дополняли изображения, найденные среди развалин, учёные смогли обобщить всё это и построить стройную картину, рисующую обряды и верования согдийцев. Так мы смогли узнать о забытой религии зороастрийцев.

В священной книге зороастрийцев «Авесте», написанной за несколько веков до нашей эры, говорится о чудесной земле справедливости и благоденствия и о борьбе со злым змеем (злым духом, которого называли дэвом). Там есть такие строки:

«Когда всходит ячмень, дэвы содрогаются, когда тучнеют хлеба, сердца у дэвов замирают, когда мелют зерно, дэвы стонут, когда всходит пшеница, дэвам погибель. В доме том, где уродилась пшеница, им уже нет житья, от того дома они бегут, где хлеб в изобилии. Это равно тому, как если бы в глотке у них калёным железом ворочали».

Любимый герой древнего народа Рустам, прославленный своей битвой с дэвами, был воспет в сказаниях. На согдийском языке сохранился отрывок сказания о Рустаме:

«Рустам преследовал дэвов до самых ворот города. Многие пали под копытами его коня... Войдя в город, они заперли за собой ворота. Рустам покрыл себя здесь великой славой. На обратном пути пришёл он на прекрасный луг и расположился на нём, расседлав коня и пустив его пастись. Сам же снял своё

снаряжение, поел, насытился, расстелил одежду, лег и уснул. Дэвы собрались тогда толпой и сказали друг другу: «Великий позор, великое горе нам! Единственный всадник одолел нас, осадил город!..»

Позднее, более двухсот лет спустя, великий таджикский поэт Фирдоуси в своей исторической поэме «Шахнамэ» очень образно описал подвиги легендарного героя Согдианы:

Встал в стремях Рустам железотельный,
И ржанье Рахша степью полетело.
И вновь громадный над Харманд-рекой
Возник Рустам из темноты ночной.
А за рекою воины толпились,
Смотрели, восхищались и дивились.
И толковали: «Только древний Сам
Таким был прежде, как теперь Рустам.
Он, как утёс, огромен мощным станом...»

В 1955 году, во время раскопок одного из кварталов древнего Пенджикента, было открыто помещение с превосходными росписями, сделанными в четыре яруса. В этом большом квадратном зале, площадью более 60 квадратных метров, высотой около четырёх метров, сохранилась живопись, повествующая о подвигах легендарного Рустама.

К счастью, многие сцены, изображающие борьбу героев с чудовищами, хорошо сохранились. Здесь можно увидеть «аждахо» — дэва, или дракона, в виде сказочного существа с головой льва, человеческойловиной туловища и хвостом змеи.

Здесь много отважных воинов, но главное место в этих подвигах отводится предводителю. (Может быть, это и есть сказочный Рустам?) В четырёх эпизодах он один вступает в единоборство со своими противниками. Он отличается от других воинов своей одеждой, головным убором, богатым вооружением.

У него красная лошадь, и на ней превосходная сбруя. У него кафтан жёлтого цвета, украшенный мелкими чёрными пятнами. Может быть, герой одет в шкуру хищного животного? Трое из его спутников одеты в кольчуги и шлемы.

В одном из эпизодов сражения герой бросает лассо, в другом — настигает дракона. Опутав своим хвостом все четыре ноги лошади, чудовище схватило руками плечи всадника, разинув свою страшную пасть над его головой. Всадник оборонялся, он нанёс чудовищу раны, из которых вырываются языки пламени. Но уцелеет ли отважный герой? Глядя на эту картину, кажется, что человек бессилён перед страшным дэвом. Но уже в следующей сцене мы видим героя едущим во главе своих спутников, а у ног лошадей лежит поверженное чудовище.

Так перекликаются устные предания с художественным вымыслом древних согдийцев.

Яркие краски поблели, но всё же они удивительно хороши. И так страшно подумать, что это сокровище может погибнуть, что стена осыплется и навсегда исчезнет прекрасное творение. Этого нельзя допустить. Надо найти средство сохранить эту живопись. А пока художница экспедиции Гремячинская копирует ещё не снятые со стен росписи древнего Пенджикента. Она делает акварельные зарисовки, стараясь возможно более точно передать и рисунок и цвет. Ей надо торопиться, потому что яркое солнце портит эту красочную картину. Буквально на глазах она блёкнет и теряет яркость.

Мечта археологов — узнать о том, какими были древние согдийцы, — осуществилась. То, что рассказали картины, — об этом не смог бы написать самый талантливый летописец древности. Кому бы пришлось в голову дать описание лиц, одежды, убранства домов? Кто бы смог так подробно, так образно расска-

зять о том, какие были обряды, как происходили жертвоприношения, как веселились и как оплакивали умерших?



КАК СОХРАНИТЬ РОСПИСИ?

ы скажете, что современная фотография и цветное кино могут отлично запечатлеть и процесс раскопок, и найденные среди руин росписи... Нет, этого недостаточно. Для истории важно сохранить подлинники. Если вам доведётся прийти в музей, вы захотите увидеть именно ту хрупкую лёссовую стену, расписанную древним мастером, которая обрушилась на глиняный пол 1200 лет назад. Для того чтобы оценить великое искусство своих предков, вы должны увидеть подлинник. И когда вы увидите эту живопись, восставшую из праха и пепла, вы будете признательны не только древнему мастеру, но и современному реставратору. Ведь без него никто бы не смог этого увидеть, кроме археологов, которые раскопали бесценное сокровище.

Штукатурка среднеазиатских стен состоит из лёсса с примесью небольшого количества мелко нарубленной соломы. За долгие столетия солома истлела, и от этого штукатурка стала ещё менее прочной. Когда-то в давние времена художники использовали растительный клей, который примешивался к краскам и придавал прочность стене, не давал ей осыпаться. С тех пор прошли столетия, и то, что прежде было прочным, рассыпалось. К тому же засоленность почвы и вместе с ней стен разрушенных домов портила яркие естественные краски, которыми пользова-

лись древние художники. Реставраторам пришлось разработать целую систему обработки стен, которая бы позволила сохранить росписи и перенести их из раскопов в музеи, где их могут увидеть многочисленные посетители.

Реставраторы Эрмитажа, во главе с П. И. Костровым, долго подбирали специальные химические смолы, разрабатывали способ удаления солей. Нужно было также очень хорошо подумать о том, как закрепить росписи, чтобы снять их со стены. И вот сейчас можно увидеть, как это делают реставраторы, ставшие непременно участниками археологической экспедиции в Пенджикенте.

Можно увидеть, как тщательно и бережно реставратор очищает скальпелем и кистью картину на стене. Как он вначале переносит рисунок на лист ватмана. Как делает зарисовки красками, тщательно повторяя всё, что есть на стене. А затем он начинает терпеливо закреплять очень хрупкий, осыпающийся грунт. 18—20 раз наносит он мягкой кистью специальный раствор прозрачной смолы, которая должна закрепить поверхность. Потом проходит 7—10 дней, когда стена сохнет и уже перестаёт осыпаться. Затем громадную роспись, которая иной раз покрывает площадь в несколько десятков метров, разрезают на квадраты, прикрепляют к каждому квадрату доску, обтянутую материей, и затем тихо и осторожно начинают надрезать стену так, чтобы к доске прикрепился слой толщиной в 5—6 миллиметров. Теперь уже нужно закрепить только тыльную сторону. Её тоже нужно пропитать этой чудодейственной смолой не менее 15—18 раз. И тогда роспись, прикреплённая к деревянному щиту, станет крепкой и нерушимой и даже выдержит очень сложный химический процесс удаления солей при помощи электролиза.

Прежде чем пенджикентские росписи попали в

залы среднеазиатского искусства Эрмитажа, прошли годы упорной и кропотливой работы в мастерских реставраторов. Небольшие куски росписи были собраны на стенах. Их можно увидеть. Стены рухнувших дворцов и храмов совершили путешествие к берегам Невы.

Они воскресили перед нами жизнь целого народа. Они рассказали о событиях, давно забытых и никому неведомых в наши дни. Они сохранили для нас творческое вдохновение художников. Эти поблёкшие картины ещё дороже и милее нам. И ещё нам дорого сознание, что все эти сокровища долго будут служить людям, рассказывая о великом прошлом одного из многочисленных народов нашей Родины, рассказывая о днях, забытых на многие столетия и так чудесно воскрешённых благодаря трудам археологов, востоковедов и реставраторов.

Огнём и мечом были уничтожены города и селения согдийцев. И если на стенах многие фрески повреждены мечами врагов, то здания — все деревянные перекрытия, все резные колонны, все скульптуры и фризы, которые дошли до нас, — сохранились только потому, что они были обуглены. В дыму пожара рухнули стены, но среди обвалившихся стен сохранились обугленные статуи, колонны и карнизы. Эти обломки археологи долго собирали среди осыпавшихся стен.

Трудно передать, каких трудов стоило археологам и реставраторам восстановить статуи танцовщиц, которые сейчас можно увидеть в Ленинграде в залах Государственного Эрмитажа. В первый момент можно подумать, что они сделаны из тёмной бронзы. А когда посмотришь внимательно, то кажется, что они доставлены из Хиросимы после трагической бомбардировки атомными бомбами. Но эти статуи сгорели в то время, когда был разрушен древний

Пенджикент. Обломки скульптур, бережно собранные археологами, а затем склеенные реставраторами специальными смолами, стали достоянием музея.

И мы видим изящных и красивых женщин, украшенных бусами и амулетами, в причудливых причёсках. Мы видим их словно в движении, в плавном и ритмичном танце. И несмотря на то что они очень повреждены, — они прекрасны. Они говорят нам не только о мастерстве резчика по дереву, который это сделал, но также и о том, как умели танцевать согдианки, как красиво они одевались. И ещё они говорят нам о жестокости врагов, стремящихся уничтожить древнюю культуру согдийцев.

Резьба по дереву, сохранившаяся в виде кусочков чёрного угля, дала историкам много интересных материалов. Вот барельеф — обломок деревянного фриза. Тут целая сцена: изображена семья богатого человека — муж, жена и дети. Мы видим их нарядную одежду, красивые лица. Причудливый орнамент вокруг этой сцены образует резную раму.

Все эти произведения искусства, дошедшие до нас через века в виде обгоревших кусков дерева и полустёртых росписей, — все они восстановлены и стали достоянием миллионов людей, посещающих музеи, только благодаря реставраторам Эрмитажа.

На протяжении долгих лет сотрудники реставрационных мастерских занимались восстановлением и укреплением фресок и скульптур древнего Пенджикента, чтобы не дать им погибнуть, сохранить их для людей. И эти драгоценные реликвии прошлого говорят нам о трудах, о живой мысли наших предков. Они рассказывают о мужестве и патриотизме древних согдийцев, показывают нам их таланты.

Теперь, когда вы многое увидели и многое узнали о забытом согдийском царстве, вы спросите: «Куда девались бесценные рукописи, извлечённые

из-под руин древней крепости на горе Муг? Нашлись ли учёные, которые прочли их? А если прочли, то о чём рассказали эти документы?»



**ПОЧТА ПРОЧИТАНА
ЧЕРЕЗ ДВЕНАДЦАТЬ
СТОЛЕТИЙ**

Документы прочитаны. За этими двумя короткими словами целая история научного подвига лингвистов и востоковедов. Бесконечные поиски, размышления, догадки. Сколько трудов и терпения скрывается за этими двумя короткими словами!

Это особенный народ — востоковеды, умеющие читать мёртвые языки. Мёртвыми учёные называют те языки, которыми давно уже не пользуются. На этих языках никто не говорит и мало кто их понимает. Случайно найденные письма — единственный источник знакомства с таким языком. Каждый лингвист-востоковед должен быть энциклопедистом. Ведь недостаточно прочесть непонятное слово, надо узнать, что оно означало. Он должен так много знать и так много понимать, что иной раз удивляешься его эрудиции.

Вы уже знакомы с человеком, который долгие годы был главным арабистом Советской страны. Это покойный академик И. Ю. Крачковский. Вы знаете, какой вклад он внёс в открытие Согдийского царства.

Вы помните и профессора А. А. Фреймана, который с таким увлечением начал раскопки крепости на горе Муг в 1933 году, а затем отдал много труда и терпения делу расшифровки документов из этого архива.

Но самая большая работа по расшифровке этой древней почты выпала на долю востоковеда лингвиста В. А. Лившица, который впервые ознакомился с мугскими документами в 1957 году.

В. А. Лившиц поставил перед собой задачу — во что бы то ни стало расшифровать загадочную почту.

И вот в 1962 году, через пять лет после первого знакомства, учёный издал целую книгу с переводами и комментариями. В ней опубликовано 45 документов. Это юридические документы — договоры и расписки, письма, денежные документы, донесения лазутчиков.

Эти материалы оказали неоценимую услугу историкам. Они дают представление о политической и военной обстановке Согда между 711 и 722 годами нашей эры. Они рисуют картину общественного строя, показывают экономику феодального княжества.

Таинственные знаки, сохранившиеся на палках, на кожах и на полуистлевших обрывках бумаги, помогли историкам ещё лучше понять и узнать трагедию гибели древнего Пенджикента, одного из последних оплотов Согдийского царства.

Бесчисленные находки археологов, вся обстановка внезапной гибели согдийского города, его культуры и его людей говорили о том, что согдийцы не сдавались, что они защищались до последней капли крови, что они отстаивали свою свободу ценою жизни.

И ещё они говорили о том, что Пенджикент, который находится в семидесяти километрах от Самарканда, был взят врагом спустя много лет после того, как в столице Согдианы уже сидел наместник арабского халифа.

Учёные знали, что Пенджикент пал спустя десять лет после того, как врагам подчинилась Бухара, один из прекраснейших городов Средней Азии. Зна-

чит, правитель Пенджикента сумел сохранить свободу и независимость своего княжества. Некоторые письма князя Деваштича говорят о том, как он старался дипломатией и хитростью удержать свой город и подвластные ему горные селения от врагов, которые были совсем рядом.

Обо всём этом знали, но не так подробно, как хотелось бы знать историкам. А без подробностей невозможно восстановить картину жизни и борьбы мужественного народа, который страдал, мучился, боролся и не покорялся.

Документы помогли дополнить эти страницы.

Перед учёным письмо на тонкой китайской бумаге. Оно адресовано согдийскому князю самаркандскому государю Деваштичу. Автор письма — гонец, по имени Фатуфарн, — был послан Деваштичем в Чач (Ташкент) и в соседние районы со специальной миссией — вручить письмо правителю, а затем встретиться или установить связь с ферганским царём. Очевидно, Деваштич просил помощи в предстоящей борьбе.

Выполнив часть поручения, Фатуфарн писал своему князю:

«Господину, государю, великому оплоту, согдийскому царю, самаркандскому государю Деваштичу от его ничтожнейшего раба Фатуфарна... а Уструшанская область вся сдана и, господин, я один-одинёшенек, без спутников, и, господин, не осмелюсь я идти... из-за этого тебя я страшно боюсь... Тудун в соответствии с перемирием с арабами отступил...»

Эти строки, написанные гонцом согдийского царя в трагические дни вражеского нашествия, и сейчас, через двенадцать веков, вселяют тревогу, рисуют картину безысходности.

И мы вспоминаем строки арабского историка ат-Табари, который писал:

«...и увёл Дивасти людей Бунджикента в крепость Абаргар».

Письмо Фатуфарна было найдено среди развалин крепости на горе Муг. Видимо, сюда ушёл согдийский царь, правитель Пенджикента. Видимо, это и была крепость Абаргар.

Гонец князя Деваштича не вернулся, а письмо его, посланное великому господину, рассказало нам сейчас о пенджикентской трагедии.

Прекрасная Согдиана — под пятой врага. В огне пожарищ гибнут города, и мы представляем себе, как рухнул раненный и истерзанный врагами город.

Гордые и свободные люди Согдианы не хотели покоряться врагу. Они оставили город. Бросили свои очаги оружейники, ткачи и художники. Одни успели уйти в горы, надеясь на спасение, но враг настиг их там. Других уничтожили у стен города.

Вот как один небольшой документ — послание гонца — дополнил нам картину забытой жизни и как много он нам рассказал.

На стене большого парадного зала в Пенджикенте хорошо сохранилась роспись, которую невозможно забыть, если согласишься на неё хотя бы раз. Сейчас её можно увидеть в Эрмитаже. И хоть она потускнела, всё равно она очень хороша.

На ней два всадника. Молодая, красивая женщина с чёрными косами изящным жестом взялась за поводья коня, а рядом с ней очень красивый и мужественный всадник в одежде богатого человека.

Куда мчится эта юная пара, оставив позади себя зубчатые стены крепости? Кто они? Как хотелось бы узнать что-либо об этих людях.

К сожалению, о тех, кого мы видим на этой росписи, мы никогда уже ничего не узнаем.

Их тайну унёс с собой безвестный художник. Но один документ, расшифрованный В. А. Лив-

шицем, рассказывает нам о судьбе такой же богатой и красивой пары, которая, вероятно, также имела быстрых коней и побывала за зубчатыми стенами крепости, изображение этих стен сохранилось на росписи.

Мы узнали об этих людях из одного любопытного документа.

Это брачный контракт, заключённый между женихом и невестой, которые давали обязательство выполнять всё то, что положено каждому благородному согдийцу.

В этом документе сказано о том, как должен заботиться муж о своей жене и как она должна отвечать ему своим вниманием:

«...и пусть имеет Ут-тегин эту Чату женой любимой, почитаемой, давая ей пропитание, одежду, украшения, с почётом и любовью в своём доме...»

Мы приводим всего две строки этого замечательного документа, но и эти скупые строки говорят нам об очень хороших обычаях, которым были верны древние согдийцы.

Вполне возможно, что Ут-тегин был одним из богатых наследников какого-нибудь согдийского феодала. А может быть, он был сыном тюркского владельца? Известно, что его свадьба состоялась 25 марта 710 года, до трагической гибели города Пенджикента. Возможно, что он расстался с молодой женой в страшный день, когда были охвачены пламенем целые улицы города. Вероятно, он сменил свой парчовый кафтан на железную кольчугу, взял меч и лук, чтобы разить врага. А свою любимую жену Чату посадил на коня и, отдав ей ларчик с драгоценностями и этот брачный контракт, отправил на гору Муг, туда, куда ушли люди Пенджикента вместе с князем Деваштичем. Ведь найден ларчик для драгоценностей и нитяные сетки для волос.

Иначе почему бы должен был храниться в архиве

Деваштича этот брачный контракт? Конечно, наш домысел может быть и неточен, но он, вероятно, близок к истине.

Но договор Ут-тегина с Чатой, женой любимой, рассказал не только о том, как строилась семья в древней Согдиане.

Он поведал нам не только об обязанностях мужа и жены, но рассказал ещё многое об их материальном обеспечении и ещё поведал нам о законах древней Согдианы, о долговом рабстве.

В брачном контракте есть такие строки:

«...И если Ут-тегин совершит преступление, то он за него пусть будет сам в ответе, сам выплачивает. И если он (в качестве раба какого-либо лица, или долгового раба, или пленного, или отданного под покровительство) будет взят, то Чата... без каких-либо обязательств должна быть освобождена. И если она совершит преступление, то за него пусть будет она сама в ответе, сама выплачивает...»

А рядом с этим документом, говорящим о надежде на прекрасное будущее, лежит хозяйственный документ — кусок кожи, на котором сохранился договор об аренде мельниц.

Вскоре после того как этот документ был написан, когда тушь ещё не просохла, он был свёрнут в трубку, так что на лицевой стороне между строчками имеются многочисленные отпечатки знаков.

К нижнему краю оборотной стороны была прикреплена на кожаном ремешке печать овальной формы — оттиск геммы на белой глине. На печати изображена голова в профиль. С правой стороны, против лица, видны пять знаков согдийского письма, идущих сверху вниз. Судя по расположению надписи на оттиске, она состояла из двух слов. Но от слова, идущего слева от изображения, сохранился лишь один знак. И вот учёному нужно догадаться, что за

слово было написано здесь. Может быть, это было имя, а может быть, титул, либо?.. Нужно догадаться, чья была эта гемма. Трудно предположить, что она принадлежала арендатору мельниц Махйану, хотя сам текст договора явно написан по приказу Махйана.

Учёный строит много предположений и даёт обстоятельные пояснения, которые должны помочь историку разобраться в этом сложном вопросе. А сам документ говорит о том, что «этот год, год согдийского царя, самаркандского государя Деваштича, месяц такой-то и день такой-то... и получил Махйан, сын Дапатшира, от царя Деваштича, сына Иодшетака, в местности (?) три мельницы со всеми каналами, строения, жернова, на следующем условии, пусть имеет Махйан эти мельницы в течение одного года в аренде и пусть Махйан отдаст в течение одного года царю Деваштичу с этих трёх мельниц в качестве арендной платы за один год 460 кафчей муки...».

Задача переводчика-востоковеда не только в том, чтобы точно перевести каждое слово, но и в том, чтобы его понять правильно, не допустить ошибки, растолковать так, чтобы оно стало достоянием науки. Всё не просто в этом маленьком, казалось бы, незначительном тексте. Даже первая строка, где сказано «...этот год... согдийского царя...».

Как узнать, какой это год, какой это день? Но учёный узнаёт, что это 310-й день согдийского года. Теперь установить дату составления документа можно, лишь определив, когда правитель Пенджикента Деваштич принял титул «согдийского царя, самаркандского государя». Среди датированных документов с горы Муг тексты, где Деваштич носит такой титул, помечены только первым и вторым годами его правления.

Это могут быть любые два года в период между 711 и 723-м. 711-й — это год смерти царя Тархуна, а 723-й — последний год жизни Деваштича...

Учёный делает сложнейшие вычисления, проверяет по древним текстам все данные, говорящие о годах правления Тархуна, о годах правления Деваштича. Проверяет древние согдийские календари, сличает с другими документами согдийского архива. И так, чтобы прочесть несколько строк, нужно трудиться очень долго, очень упорно и с большим увлечением.

А вы спросите, что за мера кафч? Чтобы узнать это, тоже ушло много времени. Учёный узнал, что величина кафча в Согде в начале VIII века может быть установлена лишь приблизительно, потому что данные арабских источников очень разноречивы. Он обращается к другим хозяйственным текстам, которые говорят о поступлении вина и пшеницы. И он видит, что количество продуктов, доставленных одним лицом, не превышает пяти кафчей. На этом основании можно предположить, что один кафч составляет около 8 килограммов зерна или 10 литров вина (предполагается, что ноша одного человека не превышает 40—50 килограммов). Придя к такому выводу, переводчик сличает эти цифры с тем, что ему известно о хорезмийских мерах, и он видит, что его догадки близки к истине.

А что же мы узнали из этих нескольких строк? Мы узнали, что за аренду трёх мельниц в течение одного года Махйан должен был отдать князю Деваштичу свыше трёх с половиной тонн муки.

Вы можете сказать, что это не так важно. Какое имеет значение, сколько муки получил князь Деваштич от арендатора трёх мельниц? Но учёный ответит вам, что всё это очень важно. Повествуя о таких незначительных вещах, историк раскрывает нам карти-

ну устройства хозяйства. Такой документ помогает узнать подробности об экономике древнего царства, говорит о взаимоотношениях феодала с земледельцами и ремесленниками.

Каждый документ помогает дополнить находки археологов.

И рядом с росписями, рядом с найденными вещами, рядом с сожжёнными домами короткие строки звучат ещё более убедительно.

А всё вместе создаёт страницу древней истории.

«...И взял один яхонт...»

Документ за номером В-9 на коже. На лицевой стороне его тщательно и красиво написано письмо от рустского государя Афаруна «...господину, государю любимому, почитаемому...».

Афарун послал почитаемому господину людей и просит поскорее отослать их обратно. И ещё он пишет: «...А что касается того осла, которого нельзя доставить, то ты его отправь на крепкой лошади...»

А на оборотной стороне этого письма восемь строк другого письма — запись о продаже шести яхонтов. Вот как выглядит это письмо:

«И взял один яхонт, прокалённый в сере... Куртшиш, и один — Турак, и один — начальник конюшни, и один — Фтарч, и один — Ерак, и один — Фратанч. Каждый яхонт — за 80 драхм, всего 480 драхм».

В комментариях В. А. Лившиц пишет:

«О поверьях, связанных с драгоценными камнями у согдийцев, свидетельствуют как арабские, так и собственно согдийские источники. Аль-Бируни пишет: «Согдийцы питают фанатическую веру в изделия из драгоценных камней и в цвета, получающиеся при их шлифовке.»

В книге, составленной одним согдийским магом

и называемой... говорится, что камень, который оставляет жёлтый след при шлифовке, оберегает от неприятностей и радует сердце; красный даёт успех в делах; цвет порея вызывает волнение, беспокойство, любовь; чёрный отравляет, и его избегают...»

Как и во многих областях, яхонтом в Согде именовали, по-видимому, целую группу драгоценных и полудрагоценных камней. Аль-Бируни говорит о красных, жёлтых, шафранно-жёлтых и других яхонтах, подробно описывает их свойства и поверья, связанные с ними.

В документе В-9 речь идёт о камнях довольно высокого качества: на это указывает стоимость одного яхонта — 80 драхм. (О реальной величине этой суммы можно судить прежде всего по немногим конкретным данным мугских документов, характеризующим курс согдийской драхмы этого времени. Так, в документе А-5 говорится о покупке коровы за 11 драхм; лошадь стоила 200 драхм).

Автор перевода даёт ещё много обстоятельных объяснений, которые помогают историку лучше понять документ и как бы прочесть то, что находится за пределами этих восьми строк. Разобрав каждое слово и смысл каждой фразы, он вникает в суть происхождения слов и приводит параллели на арабском, персидском, парфянском языках.

Перед нами восемь строк. Коротенькая запись. А сколько важных и интересных сведений она дала нам, когда востоковед составил подробный комментарий!

Мы узнали, какие драгоценные камни любили согдийцы, какие поверья были связаны с ношением драгоценных камней.

Мы узнали методы обработки яхонтов и какие камни назывались яхонтами.

Наконец мы узнали, как дорого они стоили, и, следовательно, смогли сделать вывод, что этими драгоценностями владели только очень богатые люди.

Документы особенно много говорят тогда, когда они читаются рядом с находками.

Эта коротенькая запись о продаже шести яхонтов особенно привлекательна, потому что фрески сохранили нам множество изображений людей в богатых одеждах с драгоценными украшениями. Учёные увидели изображение за двадцать лет до того, как был прочитан этот документ.

Но как ожили эти картины, как засверкали рядом со скупыми строками согдийского купца и рядом с превосходными строками великого хорезмийского учёного аль-Бируни!

Взгляните снова на строки, оставленные нам гонцом Деваштича:

«...господину, государю, великому оплоту...»

И если после этого вы посмотрите на превосходное серебряное блюдо, на котором искусный чеканщик сделал барельеф, изображающий крепость, в дыму пожара и воинов, повешенных вниз головой, перед вами живо встанут события тех дней, которые арабский летописец ат-Табари увековечил в скупых строках.

Он рассказал лишь о том, как был обманут князь Деваштич, который поверил арабскому наместнику Саиду ал-Хараши, пообещавшему самаркандскому государю свободу, если он сдаст свою крепость.

Ат-Табари приводит строки другого арабского летописца, ал-Мадаини, который писал о том, как Деваштич долго не соглашался сдать крепость. Как он просил пощады для своих людей и как, получив обещание от арабского наместника, сдался, был милостиво принят, обласкан, обнадёжен, а затем вероломно был распят на древней могиле.

Развалины Пенджикента с его очень интересной и своеобразной архитектурой, с остатками водопровода, с улицами ремесленников и прочитанные востоковедами документы — всё, вместе взятое, позволило учёным снова найти забытое царство и ощутить дыхание жизни древней Согдианы.



АРХИТЕКТОР НА РАЗВАЛИНАХ

ы спросите: для чего нужен архитектор на развалинах? Ведь не станут же восстанавливать этот древний город, построенный когда-то из такого непрочного материала, как плиты из лёсса. Архитектор нужен для того, чтобы изучить этот город, чтобы понять искусство строителей и зодчих, чтобы узнать, как благоустроены были дома в древности, и ещё для того, чтобы прочесть эту глиняную летопись, таящую так много загадок.

На протяжении долгих лет архитектор В. Л. Воронина выезжала с археологической экспедицией на раскопки.

Она вместе с археологами раскрывала погребённые под толщей земли помещения. Тщательно вымеряла каждую стену, каждый проём, каждую арку. И с величайшим вниманием изучались все те остатки строительного материала, которые удалось подобрать среди руин.

Вместе с археологами она стала свидетельницей трагедии Пенджикента, когда увидела остатки обугленных деревянных колонн, куски обугленных фризов, деревянных статуй, стоящих в нишах, причудливо вырезанных деревянных карнизов.

Как ни странно, но именно пожар помог архитектору сделать реконструкцию древних сооружений. Вы спросите: каким образом? Ей помогли обугленные куски дерева, избежавшие тления.

Архитектор-историк отлично знает, как строили в те далёкие времена, какими пользовались материалами, каким способом достигали необычайной прочности и гармонии. Эта красота понятна не только специалисту архитектору, но и каждому человеку, который с интересом посмотрит на остатки древнего сооружения и попытается мысленно дорисовать его и увидеть его таким, каким оно было до разрушения.

Но архитектору стало уже привычным мысленно дорисовывать эти руины.

И это знание истории и тщательное изучение каждой находки позволило ей воссоздать и жилище князя с просторным айваном, украшенным резными колоннами, карнизами и фризами. Она смогла воссоздать на куске ватмана древнюю крепость и храм.

Рабочий день архитектора на раскопках полон нескончаемых забот и волнений. Ведь дело не только в том, чтобы обмерить высоту стен и сводчатых потолков. Для того чтобы сделать реконструкцию, нужно сохранить каждую деталь, которая случайно уцелела под толщей земли.

И вот, когда была найдена первая обугленная колонна, когда упаковывали в вату и укладывали в ящики каждый кусок угля, архитектор вдруг обратила внимание на то, что некоторые кусочки угля как бы отшлифованы, имеют какие-то закругления. И она стала складывать мозаику, не ведая, какой она будет выглядеть.

С величайшим терпением она очищала обугленные остатки дерева, заливала их парафином, чтобы не рассыпались хрупкие обломки чего-то пока ещё непонятного.

Но когда парафин сковал воедино уже готовые рассыпаться угольки, архитектор увидела обломок деревянной капители, на которой были вырезаны кисти винограда с листьями.

Теперь уже надо было закрепить это дерево воском и смолами. Когда дерево было пропитано смолами, которые сделали его таким же крепким, каким оно было до пожара, и когда были склеены все обугленные кусочки, этот обломок капители, хранящийся теперь в Эрмитаже, уже говорит каждому, кто смотрит на него, об искусстве резчика.

Точно так же были собраны обуглившиеся наличники арки дверного проёма, куски деревянной плахи с резным орнаментом. Но самым удивительным были деревянные скульптуры.

Деревянные статуи танцовщиц, которые когда-то украшали просторные залы княжеского дворца, поразительно хороши.

Было невероятно трудно собрать воедино куски обугленного дерева, чтобы воссоздать статую изящной танцовщицы, украшенную амулетами, бусами, в одежде из тонкой, прозрачной ткани.

Сохранилась вычурная причёска с украшениями, хорошо виден стройный стан, но лицо уничтожено огнём, его нет.

Письменные источники тех далёких дней сообщают о громкой славе, которой пользовались среднеазиатские танцовщицы далеко за пределами своей страны. Они чем-то напоминают скульптуры Северной Индии. Однако учёные утверждают, что скульптуры пенджикентских танцовщиц, так же как и остальное резное дерево, являются произведениями местных художников. Может быть, не случайно лучшие современные резчики по дереву в Таджикистане происходят из местности, расположенной по соседству с Пенджикентом, которая называется Ура-Тюбе.

Архитектор В. Л. Воронина за годы работы в археологической экспедиции Пенджикента создала бесценные страницы истории архитектуры древней Согдианы. И сейчас, глядя на крепости, дворцы и храмы, воскресшие на бумаге и в то же время обогатившие историю, мы можем ещё лучше нарисовать себе картину жизни этого древнего царства.



СОГДИЙСКИЕ МОНЕТЫ

Чём могут рассказать медные монеты? О многом! Прежде всего это самый ценный материал для историков, которые хотят определить время. Дело в том, что многие находки долго не открывают тайны своего времени. И в Пенджикенте было так, что раскрытые археологами помещения с большим количеством вещей не могли всё же рассказать о времени гибели этого города, хотя видно было, что погиб он при трагических обстоятельствах, сожжённый врагами.

Сотни монет, найденных среди руин, на очищенных от слоя заносов дорогах, среди развалин храмов и дворцов, помогли учёным датировать события далёкого времени.

В этом большая заслуга О. И. Смирновой, положившей начало изучению согдийских монет.

Самых разнообразных. Здесь и согдийские — круглые, с квадратным отверстием. Когда вы смотрите на них, вам так и кажется, что они только что сняты с верёвочки, на которую были нанизаны. Вы словно видите их в руке юноши или старика, идущих на базар за покупками.

Тут и монеты, сделанные значительно раньше того времени, когда были построены улицы Пенджикента, и принадлежащие разным царям.

Большая коллекция монет, найденных среди руин древнего Пенджикента, рассказала учёным о многих сторонах жизни страны на протяжении двух столетий. Изучая монеты, удалось установить ранее неизвестные имена правителей и правительниц Пенджикентского княжества и Самарканда. Об этом рассказали надписи на монетах.

Найденные на раскопках арабские монеты рассказали о приходе арабов.

Многие монеты говорят не только о торговых связях. Они раскрывают экономику страны, рассказывая нам о том, что давно прошло время, когда люди обменивались товарами и за те вещи, которые они хотели приобрести, отдавали взамен то, что было у них для этого приготовлено. Настало время, когда всё можно купить за деньги. И не обязательно пригнать верблюда и притащить целую корзину птицы для того, чтобы обменять всё это на резвого жеребца.

В одном из документов согдийского архива, найденного на горе Муг, сказано:

«...И выдал из этих денег (драхм) луку за лошадь — двести драхм. Кожманаку — тридцать две, Махру — двенадцать, Вану за пастьбу скота — шесть драхм, бухарцу — пять, кушанийцу — десять, составителю документов — восемь, палачу — пять... и государю Деваштичу за две драхмы шлем и за одну драхму башмаки... И главному лекарю — пятнадцать драхм...»

За всё платили деньгами — составителю документов, пастуху, палачу и лекарю. Всё можно было купить, за всё можно было уплатить. И эти деньги были действительны не только в городах Согдианы. Как свидетельствуют документы — они имели хождение и

в других соседних царствах. Иначе почему же здесь упоминается житель Бухары, житель Кушании (нынешний район Катта-Курган) ?

И в Согдиане нередко находили кушанские монеты.

Эти монеты рассказывали не только о торговых связях Кушании. Нередко они рассказывали учёным различные факты истории.

Так одна монета с изображением божества, сидящего на льве, с надписью «Нано», относится ко II веку нашей эры. Эта кушанская монета дала повод учёным представить себе трон сидящего на льве царя Хувишки. Лев как раз и был троном для кушанского царя II века. А какими были троны у различных царей? Какие символы власти они изображали?

Сотни монет, найденных среди руин древнего Пенджикента, рассказали историкам о том времени, когда древний город процветал, и о том времени, когда он погиб.

Археологи находили монеты почти в каждом помещении, в каждом завале. В большинстве случаев это были согдийские монеты VII—VIII веков. Самые ранние из них принадлежали царю Вахшуману (вторая половина VII века). Самые поздние из согдийских монет относятся к последнему согдийскому правителю Тургаку, сыну умершего в 737 году Гурека. Сотни согдийских монет и множество арабских — династии омейядов и династии аббасидов.

Все эти находки позволили нумизматам сделать вывод, что расцвет города приходится на VII и начало VIII веков нашей эры.



еперь мы уже совершенно уверены, что знаем, как выглядела одежда.

Мы знаем, что мужской костюм имел золотой пояс. И был ли то длинный кафтан из гладкого атласа или такой же кафтан из золототканой парчи — золотой пояс на талии был обязательным украшением. Но не подумайте, что эта мода служила только красоте и изяществу костюма, она прежде всего служила знатности. А золотой пояс был признаком знатности древних согдийцев. Об этом упоминается в летописях. Об этом говорят и фрески.

Живопись древнего Пенджикента сохранила до наших дней поразительную коллекцию согдийских костюмов.

Тут и богатая одежда царей, и превосходные кольчуги знатных воинов. Тут одежда танцовщицы, арфистки и простолюдинки. Вот перед нами узорчатые длинные кафтаны, перепоясанные золотыми поясами, — и мы уже знаем, что это владельцы Пенджикентского княжества.

А вот стоят двое в скромных костюмах. Мужчина и женщина, возможно, иноземцы, из другой азиатской страны. На мужчине длинная просторная рубашка с длинными рукавами, собранными у кистей поперечными складками. Руки спрятаны в этих складках. Талия туго затянута поясом, и на нём висит сумочка. В руках у мужчины веер.

На женщине — узкое в талии и широкое внизу, собранное в мелкую складку платье, с расшитым лифом и расшитыми длинными манжетами.

В альбомах, составленных археологами и художниками, можно увидеть наряды молоденьких красавиц древней Согдианы и одежду пожилых женщин. Костюмы не могли сохраниться среди развалин под землёй. Однако учёные увидели их во всех красках не только потому, что о них рассказали росписи, но и потому, что время пощадило обрывки шёлковых и хлопчатых тканей, которые можно было увидеть почти такими же, какими их создали древние ткачи и шелкоделы.

Ещё на горе Муг были найдены девять видов шёлковых тканей. Синий шёлк с золотыми звёздами. Кусок золотисто-зелёного шёлка с кругами и перлами. Шёлковая ткань пурпурного цвета с орнаментом более тёмного тона. Светло-синий шёлк, почти голубой, с орнаментом такого же цвета. Тёмно-фисташковый шёлк с фрагментом, вытканым золотистыми нитками.

Обрывки ватного стёганого халата дали понять учёным, какой была одежда ремесленника и земледельца, а яркие красивые шелка, похожие на те шелка, которые были изображены на картинах, рассказали об одежде богатых людей. Теперь уже не трудно представить себе господина в парчовом халате, совершающего жертвоприношение. Мы уже лучше видим одежду царя в золотой короне. Ведь перед нами куски тканей, из которых так искусно шил одежду портной древней Согдианы. Мы даже видели ножницы, которыми он пользовался. Многообразные одежды, сохранившиеся на ярких картинах, рассказали о том, что портных было много, и самых разнообразных, возможно мужчин и женщин.

Мужчины шили кафтаны, а женщины делали изящные длинные платья с юбкой в складку, с узким лифом, обхватывающим тонкую талию красавицы, и расшитым воротом.

Костюм танцовщицы, которая словно плывёт в танце, приподняв руки в браслетах, с изящным поворотом головы, выглядит совсем иначе. Он явно сделан из тонкого шёлка и был дополнен амулетами и всевозможными украшениями. Он сильно пострадал. Перед нами только остатки некогда богатого наряда, но мы можем дополнить его мысленно. Это не трудно сделать, глядя на обугленную скульптуру танцовщицы.

Если бы понадобилось сделать театральную постановку из быта древней Согдианы, художнику по костюмам было бы легко воспроизвести всю одежду согдийцев, пользуясь альбомами учёных. Он смог бы заказать отличную кольчугу, сделанную когда-то из железных колец, он смог бы одеть музыкантшу в длинное нарядное платье и покрыть её голову с чёрными косами прозрачным покрывалом, а голые руки украсить браслетами.

Откуда же брали шелка? Их привозили из дальних стран или согдийцы сами умели ткать?

Известно, что ещё в VI веке нашей эры согдийские купцы вели торговлю шелками с Ираном.

Хроники сохранили сведения о том, что правители Персии боялись этих торговых связей, так как в это время в самом Иране хорошо развивалось шелководство и надо было бояться соперников. В это время согдийцы вели торговлю с Византией, им было удобно добираться туда через территорию Ирана.

Когда при Хосрове Ануширване, который правил Ираном в конце 60-х годов VI века, появился торговый караван из Согда во главе с купцом Манпахом, правитель Ирана долго не давал никакого ответа на торговые предложения согдийцев, а затем, закупив товары у согдийских купцов, публично сжёг шелка, желая тем показать, что Иран не нуждается в согдийском шёлке. Однако согдийские купцы не теряли

надежды договориться с правителем Ирана. Они были настойчивы, но второй караван потерпел ещё большую неудачу. Согдийские купцы были отравлены.

Древние летописи рассказали учёным о том, что согдийские шелкоделы умели ткать такие красивые и добротные шелка, которые шли не только для согдийской знати, но и были предметом оживлённой торговли.

Короткие строки древних историков, дополненные находками археологов, нарисовали нам яркую картину.



КАКИМ БЫЛ ЦАРСКИЙ ТРОН?

Был ли это князь Деваштич — правитель Пенджикента, был ли это царь из старинной легенды — каждый из них имел золотую корону и трон.

Это мы увидели на картине.

А вот каким был трон? Просто удобное кресло? Нет.

Древние художники всячески изощрялись, чтобы угодить великому господину, которому были подвластны земли, воды, растения, животные и люди.

Когда учёным удаётся вдруг увидеть, что у многих народов сходны представления о величии и знатности и что даже художественные изображения тех или иных атрибутов власти имеют много общего, они стараются проследить эту закономерность и сделать какие-то обобщения.

Так случилось в 1960 году, когда во время раскопок одного помещения в древнем Пенджикенте была

найдена обугленная деревянная плаха, на которой сохранилась очень интересная резьба.

На ней был изображён трон, имеющий форму сросшихся спинами двух фантастических рогатых львиноподобных животных с головами в профиль, обращёнными в противоположные стороны.

Здесь же сохранилась фигура сидящего на троне человека.

Тут вспомнили о терракотовой плитке, найденной в Пенджикенте за два года до этого, на которой изображён трон в виде фигуры животного.

Точно такие же изображения тронов в виде животных встречались и на росписях.

Учёные стали сопоставлять находки с описаниями, сохранившимися в хрониках.

В одной из хроник было написано о владельце Кучи, который «сидит на диване, представляющем вид золотого льва». О владельце Ань (Бухара) сообщалось, что его трон имел вид верблюда. Престол владельца Бохань (Фергана) представлял собой золотого барана. О владельце Цао (Кабул) говорится, что его престол представлял золотого коня.

Вот так, шаг за шагом, изучая находки и древние летописи, учёные разгадывают непонятное и таинственное.

О троне, подаренном Рустаму¹ Кейкаусом, в старинной легенде говорится, что это был «бирюзовый трон (тахт) в виде барана». В другом месте при описании траурных церемоний по поводу смерти Сухраба² говорится, что среди других предметов в огонь был брошен

«трон (тахт) на ножках
(в виде) золотого леопарда».

¹ Герой согдийской легенды.

² Герой согдийской легенды.

Об этом писал великий поэт Фирдоуси в своей поэме «Шахнамэ».

Эта поэма была написана более двухсот лет спустя после гибели древнего Пенджикента. И тогда великий поэт, посвятивший свои произведения богатой истории Средней Азии, упомянул об этом, считая, что это придаёт величие и доказывает богатство и знатность правителя.

А сейчас учёные, собрав все данные воедино, могут представить себе, как богаты были среднеазиатские правители.

Цари могли себе позволить делать такие драгоценные вещи из золота и серебра.

К тому же они имели превосходных художников, которым не трудно было осуществить столь сложные замыслы — сделать из драгоценного металла трон в виде животного, символизирующего богатство и силу.



**МОЖЕТ БЫТЬ,
ЭТО
АМАЗОНКИ?**

ту роспись археологи увидели в 1958 году, когда уже было открыто много прекрасных картин, рассказавших нам о жизни, о быте, о нравах и вкусах согдийцев. Казалось, что уже ничем не удивишь искушённых исследователей. И всё же новые картины открывали ещё более удивительные страницы. Одна из них, сюжет которой не так сложен и уже не раз встречался археологам, поразила их. Они увидели сцену поединка двух тяжело вооружённых воинов, одетых в кольчужные и пластинчатые панцири. Самое удивительное было в том,

что один из сражающихся воинов был молодой женщиной. К счастью, лицо этой отважной женщины хорошо сохранилось, и можно было увидеть, что с головы девушки-воина спускаются на грудь две длинные косы. Вооружённая мечом, она обнажённым клинком наносит удар противнику.

Кто она? Может быть, амазонка?

Учёные начинают вспоминать самые ранние греческие письменные источники, которые ещё в середине первого тысячелетия до нашей эры приводят сведения о народах Средней Азии и говорят о женщинах-воительницах. Знаменитые историки древности Ктесий и Геродот приводят очень любопытные легенды об отважных женщинах, владеющих луком и стрелами. Персидский историк Ктесий, рассказывая о сакском царе Аморге и его супруге Спаретре, сообщает, что, когда царь Аморг попал в плен к царю персов Киру, его жена Спаретра собрала многочисленное войско из мужчин и женщин и, возглавив его, разбила персидское войско и освободила мужа из плена.

Геродот сообщает о среднеазиатской царице из племени массагетов — Томирис, которая разгромила войско персидского царя Кира, захватила в плен самого Кира и, желая отомстить за погибшего сына, велела отрубить Киру голову и бросить в мешок с кровью.

Женщина-воин, изображённая на пенджикентской фреске, очевидно, легендарная женщина. Вполне возможно, что сцена, нарисованная на стенах дворца, передаёт согдийскую легенду, впоследствии записанную поэтом Фирдоуси. У него есть строки, посвящённые девушке-витаю:

Это была девушка видом витязь-всадник,
Прославленная своими воинскими подвигами.

.....

Подобной ей в битвах никто не видел.
.....
Надела она доспехи всадника для сражения...
.....
Спрятав косы под кольчугой,
На голову надела румейский шлем...

С давних пор в легендах и сказаниях народов Средней Азии воспеты отважные женщины-воины, которые не уступали мужчинам и сражались наравне с ними, защищая свободу. Позднее среди руин древнего Пенджикента ещё не раз встречались чудесные изображения мужественных женщин-всадниц в богатом вооружении. Но легенды и быль всегда переплетались.

В древних сказаниях несомненно отразились подлинные события. И если среди алтайских курганов найдены захоронения, говорящие о том, что действительно существовали воинственные женщины сакского племени, то почему же они не могли быть и здесь, в долинах Зеравшана, где жили многочисленные племена кочевников, пришедших сюда из среднеазиатских степей?

Живопись, поэзия и короткие строки древних летописей — всё, вместе взятое, помогает историкам воссоздать страницы прошлого.

И эти забытые страницы вдруг оживают.



ГАРДОНИ ХИСОР— ШЕЯ КРЕПОСТИ

Как называется то место в горах Зеравшана, вблизи селения Мадм, где сохранились остатки древней крепости. Почему таджики называли её

Шеей крепости — трудно сказать. Но точно известно, что дорога из селения Мадм ведёт в такое же древнее селение Кум, где во времена правления царя Деваштича произошла встреча согдийских воинов с воинами арабского халифата. По всей вероятности, Мадм был тогда последним оплотом пенджикентского княжества, и потому всё, что находится поблизости от этой дороги, уже много лет привлекает внимание археологов.

Вблизи селения Кум каждый холмик воспринимается, как нечто таинственное, хранящее память о тех далёких днях, когда здесь сражались и гибли, защищая свою Согдиану, воины пенджикентского князя.

С большого плато здесь открывается вид на громадную зелёную долину, на пастбища, на склоны гор. Здесь, где высились стены мощной крепости, открывается прекрасный вид на земли, некогда подвластные богатому князю. В те времена, когда Деваштич восседал на троне в своём Пенджикенте, в этой крепости, по всей вероятности, жил наместник — фрамандар. Вполне возможно, что это был тюркский царевич и ему подчинялись пастухи, землепашцы и виноградари этих селений. Они доставляли фрамандару вино, пшеницу, хлопок, птицу и виноград, а он распоряжался достоянием князя согласно указаниям повелителя. Может быть, этим фрамандаром и был Ут-тегин, который подписал брачный контракт с дочерью Виуса, по прозвищу Чата? Может быть... Но если это был не Ут-тегин, то человек, исполняющий обязанности фрамандара, был несомненно таким же богатым и знатным и, возможно, имел красавицу жену и так же, как Ут-тегин, боялся, что может оказаться долговым рабом или пленником, и потому оговорил это в своём брачном контракте, боясь за судьбу любимой, если она окажется покинутой...

Когда учёные обнаружили высокие холмы на

открытой красивой террасе вблизи Мадма, когда они увидели, как хорошо проглядываются узенькие горные тропы и ущелья и как въётся дорога по берегу Зеравшана, они решили, что на этом плато должна быть крепость, где жил наместник князя Деваштича.

И тогда молодой таджикский учёный Юсуф Якубов, аспирант Института истории Таджикской Академии наук, принялся изучать этот горный район, где люди жили с давних пор, где история оставила свои таинственные следы. Их нелегко найти, но если поискать, то...

Далеко простёрлись горы Верхнего Зеравшана. Дорога через перевал вела на север — в Фергану. Дорога на юг вела в княжество Хутталь. Там жили потомки бактрийцев, которых во времена Деваштича называли тохарами.

С вершины Мадма видны долина и ущелья. «Прекрасное место для горной крепости», — думали учёные. Начались раскопки. И была открыта громадная, превосходная крепость.

Крепость была воздвигнута на двух естественных террасах. На верхней террасе был большой парадный двор с каменной лестницей, ведущей в просторный коридор, по обе стороны которого были устроены помещения. Отсюда можно было видеть дальние тропы и заранее узнать, кто спешит к стенам крепости.

Весь дворец погиб в огне пожарища, и потому всё обугленное дерево, сохранившееся в виде кусочков угля, позволило учёным сделать реконструкцию, попытаться представить себе здание в том виде, каким оно было когда-то. Так узнали, что роскошные залы были украшены резными колоннами, нарядными фризами, а широкие суфы вдоль стен были покрыты коврами. Резьбой были украшены деревянные потолки, капители колонн, арки и дверные проёмы.

Пожар был настолько сильным, что сохранилось очень немного, что способно рассказать о богатстве и пышности этого дворца. Было раскрыто около двадцати просторных комнат, каждая из них высотой в четыре метра... Парадный зал, где было особенно много резного дерева, с суфами вдоль стен, с парадным сиденьем для князя, с четырьмя колоннами, которые поддерживали кровлю, устланный коврами, был, вероятно, очень красив. Но сейчас перед учёными обугленные остатки.

Большая терраса с входами в центральные комнаты имела узенький пандус, который вёл из двора во дворец. На этой террасе найдены остатки святилища с алтарём. Здесь была площадка для огня. Может быть, на протяжении многих лет на этом алтаре поддерживался вечный огонь. Ведь в древней Согдиане огонь был священным и ему поклонялись так же, как поклонялись источнику жизни на земле — солнцу.

Повсюду обугленные остатки дерева и ковров, обломки керамики. Среди обломков пышного зала сохранился глиняный сосуд, а в нём пятьдесят бараньих косточек — астрагалов. Тут же кость горного козла, схваченная железным обручем. Это игра. У тюрков эти косточки назывались альчиками. Тысячу двести лет тому назад кто-то играл здесь в кости. Это было так давно. Но эта находка сближает ушедших с живущими на этой земле.

И сейчас в горах Таджикистана есть любители этой игры, и в любой горной деревеньке можно увидеть такой же набор костей. Как давно научились этой игре люди горной страны!

На нижней террасе были расположены конюшни, амбары, погреб. Сейчас можно себе представить, какие громадные запасы продовольствия хранились в этих хозяйственных помещениях, если фрамандар

собирал подати со всех окрестных селений, где было много землепашцев, скотоводов и виноградарей.

Дворец наместника дал богатейший материал учёным. Глиняные сосуды, медные монеты, металлические пряжки от пояса древнего воина, наконечники стрел и украшения — каждый предмет говорит об ушедшей жизни, а все вместе они позволяют дописать строки согдийской истории, начатые на горе Муг.

Среди документов, переведённых В. А. Лившицем, есть ивовая палка, рассечённая пополам. На ней согдийское письмо.

«Господину, государю, великому оплоту, фрамандару от его слуги Спа́дака — обращение. И вам, господин, великославному, многопочтение...

И, господин, от государя Деваштича доставлен такой приказ:

«...найди овец». И, господин, сколько я здесь овец ни искал, ничего не нахожу...

...кроме фруктов другого ничего прикажи не выдавать...

...здесь у меня имеются хорошие одежды, и их вот я послал тебе... Сюда ко мне почта доставлена, почтовых лошадей куда мне послать?..»

В согдийском архиве найдено много ивовых палок с такими хозяйственными документами. И все они возрождают страничку ушедшей жизни. Многие из них, по всей вероятности, связаны с этой крепостью в горах Зеравшана.

Таджикский учёный Юсуф Якубов, изучая эти документы и находки, сделанные в Мадме, старается представить себе живых людей того времени. И когда ему хочется представить себе лицо фрамандара, он смотрит на картину, где изображены всадники. Он и она на фоне стен крепости. И учёный спрашивает себя — не Ут-тегин ли это с женой Чатой, любимой?



1964 году дорожные строители Самарканда прокладывали трассу к предместью города. Афрасиаб давно уже был известен учёным по раскопкам, которые говорили о том, что в давние времена здесь была столица Согдианы, которая также называлась Самаркандом. В различных книгах, связанных с отчётами археологов, можно увидеть фотографии превосходных фризмов из Афрасиаба, всевозможных сосудов, можно было найти описания раскрытых помещений.

Учёные не считали, что вся столица уже раскрыта, но не ожидали, что им предстоит ещё самое удивительное открытие, которое поразит их даже после того, как уже стали известными пенджикентские росписи.

Когда дорожные строители подогнали бульдозер к Афрасиабу и железная черпалка вдруг стала выплёвывать алую землю, рабочие испугались, остановили машину и побежали за прорабом. Прораб позвал археологов, и через несколько дней на том месте, где прокладывалась дорога, начались раскопки. Вскоре стало известно, почему бульдозер зачерпнул алую глину. Он зацепил часть стены древнего дворца, где сохранилась удивительно яркая и красочная картина. Бульдозер оторвал голову принцессе, которая возглавляла караван, идущий к жениху в другое княжество, — караван большой, с богатыми дарами, со служанками и знатными дамами.

Бульдозер повредил роспись, но помог сделать новое открытие — раскрыты руины царского дворца,

стены которого украшала превосходная живопись. На этот раз было не страшно поднимать обвалившиеся стены, потому что археологи уже имели многолетний опыт раскрытия росписей в древнем Пенджикенте.

Очень бережно и очень тщательно раскрывали высоченные стены залов, расписанные так ярко и красочно, так интересно и необычно, что уже выдавшие виды археологи Пенджикента и те были потрясены.

Громадная картина, сохранившаяся на южной стене парадного зала, повествует о знатных путешественниках, идущих с богатым караваном. Впереди каравана — белый слон в узорчатой попоне с колокольцем на шее и в сбруе с кистями. Судя по остаткам росписи, на слоне был нарядный паланкин, а в нём, вероятно, сидела принцесса.

Теперь мы уже никогда не узнаем, какой была эта знатная женщина, но зато мы видим её спутницу, которая сидела позади. Верней, мы догадываемся о ней по остаткам одежды и изящной женской руке, которая держится за стойку паланкина.

За слоном следовали три женщины на конях. Одна из них сохранилась. Можно рассмотреть её пышные локоны, короткое красное платье, жёлтые шаровары и чёрные сапожки. Через плечо перекинут серебристый шарф, на руках браслеты.

На руке одной всадницы сохранилась строка согдийской надписи: «приближённая царевны» — вот мы и узнали о том, что в паланкине на белом слоне сидела принцесса, а за ней следовали приближённые.

Двое мужчин на верблюдах следуют за знатными всадницами. Один из них белолицый, с небольшой чёрной бородкой и маленькими тонкими усиками, другой — смуглый старик с белыми волосами, с бородой, усами и густыми бровями.

Оба всадника вооружены длинными прямыми мечами и короткими кинжалами, висящими на поясе. В руках они держат жезлы. Может быть, это знаки достоинства или придворной должности. Далее сохранилось изображение больших белых птиц, напоминающих гусей или лебедей. Их сопровождают двое мужчин в белой одежде с мечами и кинжалами. Нижняя часть лица у каждого из них закрыта белой повязкой. Эти повязки говорят о том, что птицы священны, а рядом с ними — жрецы. У согдийцев жрецы завязывали рот, чтобы не осквернить своим дыханием священного огня.

За птицами изображена огромная, по сравнению с другими, фигура всадника на жёлтой лошади. Она плохо сохранилась, но видно, что всадник был одет в красный кафтан, расшитый изображениями белых птиц. К его поясу подвешены меч, футляр для лука и колчан. Верхняя часть изображения не сохранилась. Она находилась выше уцелевшей части стены. А стена сохранилась лишь на высоту два метра, тогда как изображение всадника вместе с лошастью занимало не меньше четырёх метров. Фигура этого всадника возвышалась над всеми остальными изображениями. Это говорило о величии повелителя. В данном случае это мог быть царь, а может быть, принц — жених принцессы, которая сидела на белом слоне.

На западной стене помещения сохранилось изображение людей в длинных одеждах, украшенных затейливыми узорами. Здесь можно увидеть и птиц с жемчужными ожерельями в клювах, и фантастическое животное в виде крылатой собаки, и головы диких свиней. Одежда подпоясана золотыми поясами, к которым подвешены длинные мечи и кинжалы, платки в виде бантов, кошельки. Головы этих людей повязаны лентами. На одном из мужчин корона. Каждый из спутников имеет богатые украшения —

золотые браслеты на руках, серьги, ожерелья. В руках одного — жемчужное ожерелье, другой несёт какой-то прямоугольный предмет, завёрнутый в узорчатую ткань. Может быть, это дары?

На полах белой одежды одного из персонажей этой красочной картины сохранилась согдийская надпись. Она повествует о посольстве чаганианского царя к царю Самарканда. (Чаганиан, или Саганиан, — небольшое владение, находившееся в долине реки Сурхандарья.) Учёные предполагают, что эти росписи относятся к VII веку нашей эры.



СОГДИЙЦЫ НЕ СДАВАЛИСЬ!

Воины арабского халифата начали свои походы в тридцатых годах седьмого века. Государство, основанное Мухаммедом за десять лет до этого, имело свою новую религию — ислам. После смерти Мухаммеда — в 632 году новой эры — государство арабов получило наименование халифата. Воины халифата завоевали Сирию, Палестину, Египет, Иран, а затем начали своё нашествие на Среднюю Азию. Всюду, куда они приходили, они приносили религию ислама, требуя, чтобы покорённые ими народы отказались от своих верований и поклонялись аллаху.

Когда воины халифата пришли на земли Пенджикента, правителем Самарканда был Гурек (710—737 гг.). Это был человек, жаждущий власти и потому готовый на любое предательство. Чтобы сохранить власть в своих руках, он всеми способами доказывал

свою верность халифату, а когда он видел, что согдийцы готовы к борьбе за независимость, он вдруг менял свою политику и переходил на сторону народа.

Гурек не сочувствовал самаркандцам, которые готовы были покинуть город и уйти в горы, чтобы не подчиниться воинам халифата. Он отговаривал, обещал поддержку. Однако люди не поверили ему и покинули Самарканд. К ним присоединились жители соседних владений, расположенных в долине Зеравшана. Все эти отряды направились к городу Ходжен-ту. Правитель Ходжента ат-Тар обещал предоставить ущелье Исама, где можно было спрятаться от врагов. Ат-Тар обещал, но предал согдийцев. Он послал своего сына к арабскому наместнику ал-Хараши с предложением захватить самаркандцев в Ходжен-те. Никто не подозревал о подлом предательстве ходжентского царя. Ал-Хараши начал осаду Ходжента, и, так как правитель Ходжента не помог своим согдийцам, согдийцы решили запросить мира. Им были предложены условия вполне приемлемые, но вскоре, после того как они сдали оружие, их всех почти поголовно истребили. Летописи говорят о том, что остались в живых только четыреста согдийских купцов, незадолго перед этим вернувшихся с товарами из Китая.

В многотомной истории арабских завоеваний, написанной ат-Табари, где приводится этот рассказ, говорится также о том, как люди Пенджикента, во главе с владетелем Деваштичем, ушли в горы вверх по Зеравшану, в надежде спрятаться в крепости Абаргар, развалины которой были раскрыты археологами.

Сейчас трудно сказать, хотел ли Деваштич вместе с пенджикентцами укрыться в Ходжен-те, пройдя через Шарихстанский перевал. А может быть, они

думали уйти куда-либо в дальние горные селения? Известно лишь, что последствия этого похода были так же печальны, как печальны были последствия ухода самаркандцев.

Против Деваштича был направлен отряд во главе с Сулейманом-ибн-Асу-с-Сари. Это был человек из Мэрва, принявший ислам и перешедший на службу к арабам. Он был начальником почтовой службы и, желая обогатиться, не пощадил жизни согдийцев. Этот предатель своей жестокостью доказал верность халифату. Когда пенджикентцы встретились с воинами халифата недалеко от крепости, в теснине у селения Кум, Деваштич и его отряд были разбиты, и правитель Пенджикента вместе с небольшим отрядом вернулся в крепость. Видя бесполезность борьбы, Деваштич решил сдаться при условии, что его отправят к ал-Харашу. Он надеялся договориться с ним о перемирии.

Саид ал-Харашу принял Деваштича с почётом, обещал сохранить ему жизнь и сохранить жизнь людям, оставшимся в крепости. Но обещание своё ал-Харашу не выполнил. Правитель Пенджикента — Деваштич был коварно убит. Его распяли на наружной стене гробницы и, согласно зверскому обычаю кочевых арабов, голову согдийского князя отослали в Ирак, а левую руку отправили наместнику арабского халифата, который находился в Тохаристане (на юге Таджикистана).

Когда в крепости на горе Муг стало известно, что Деваштич сдался, пенджикентцы открыли ворота крепости и пустили арабских воинов. Они предложили взять всё, что у них есть, но только сохранить жизнь ста семьям. Однако люди были убиты, а богатства их, оставшиеся в крепости Абаргар, были поделены.

Согласно рассказу ат-Табари, одну пятую часть

добычи отдали Сулейману-ибн-Абу-с-Сари, остальное поделили между воинами.

Так закончилась неравная борьба между мирными жителями Пенджикента и многочисленными воинами арабского халифата. Следы этой борьбы сохранились среди развалин разграбленной крепости, а следы пожарищ и грабежей, оставшиеся под толщей земли древнего Пенджикента, рассказали учёным о великой трагедии свободолюбивых согдийцев, которые не хотели покориться врагу и боролись, отдав за свободу свои жизни.



О ЧЁМ РАССКАЗАЛИ РУИНЫ?

ни рассказали о том, что было когда-то древнее царство. Были когда-то красивые города. Роскошные дворцы знатных правителей и хижины ремесленников, храмы и крепости — всё это было. Руины сохранили следы жизни, внезапно прерванной, а потом забытой, потому что пески столетий занесли остатки разрушенных и сожжённых городов. Это царство было забыто, потому что в огне пожарищ погибли летописи, а в памяти людей не сохранилось ни легенд, ни сказаний. Ведь в то жестокое время многие согдийцы погибли, а те, кто остался, покинули насиженные места, ушли в горы, ушли в другие страны, смешались с другими племенами. И всё то, что было дорого и свято их предкам, всё то, что составляло смысл их жизни, их труды и искания, их искусство и фантазия — всё было забыто. Всё исчезло. И новые люди, живущие на этой древней

земле, словно потеряли связь с прошлым и ничего не знали о древнем народе, о забытом царстве.

Но вот случай помог начать раскопки древних городов и селений, и перед археологами открылась картина прошлого, удивительно яркая и значительная. Все археологические находки дополняли эту картину, и каждый день работы археологической экспедиции приносил что-то новое и удивительное.

Но сами археологи без помощи реставраторов, этнографов, востоковедов, художников и архитекторов никогда не смогли бы восстановить картину прошлого. Найти какой-нибудь предмет. Раскопать из-под вековой толщи земли дом, целую улицу или даже целый город недостаточно для того, чтобы вдохнуть жизнь в эти руины. Всё это надо изучить.

В начале книги мы могли смело сказать о том, что было когда-то на землях Таджикистана богатое и красивое царство, потому что за изучение этих руин принялся целый отряд учёных. Люди искали забытое царство, и они его нашли. А когда они нашли его, всем нам, читателям, представилась возможность перенестись в это ушедшее, забытое царство, увидеть его воинов, вооружённых луками, знатных согдийских правителей в парчовых кафтанах, пирующих царей с золотыми чашами в руках, ремесленников, создающих вещи, которые служили не только их современникам, но и служат теперь нам как участники истории.

Находки и открытия учёных позволили нам увидеть жизнь людей, которые, так же как и мы, трудились, искали, творили, сражались. Мы поняли их мысли, их чувства, их идеалы. Мы увидели их во время молитв и жертвоприношений, в труде и на отдыхе. Мы увидели их в последней битве, когда они не пожалели своих жизней для защиты своей родной земли. Они любили свою отчизну и своих детей так

же, как и мы, и потому наше знакомство с ними обогащает и сближает нас. Оно рассказывает нам о подлинной жизни, полной добрых надежд и разочарований.

Вы с чувством признательности думаете обо всех тех людях, которые с величайшей любовью и терпением открывали это прошлое и показали его вам во всей красоте и величии.

Вы спросите — какое же тут величие? В чём оно?

Тут величие человеческого труда, которое видно во всём и повсюду. Оно видно и на картинах, где показаны воины в кольчугах — мужчины и женщины, гибнущие в сражениях. Оно и среди обугленных домов, где найдены остатки утвари и внезапно брошенного оружия. Оно и в творческом созидании людей, которые сумели воздвигнуть в те давние времена красивые города, украсить дома чудесными росписями, сделать так много полезных и нужных вещей. Ведь каждая вещь говорит нам об искусстве ремесленника, о талантах художника, резчика, ваятеля, архитектора.

Учёные открыли тайну Согдийского царства, историю целого народа и сделали её достоянием всех людей. И эта тайна обогатила нас, она раскрыла нам глаза на прошлое таджикского народа, сохранившего прекрасные традиции своих далёких предков.

Возможно, что каждый из читателей, кто узнал о трагической гибели согдийцев, ушедших вслед за Князем Деваштичем в горы, чтобы не покориться врагу, чтобы сохранить свой язык, свои обычаи, свои верования, — каждый вспомнил что-либо связанное с трагическими днями Великой Отечественной войны. Одни вспомнили поле битвы, участником которой был дед или отец. Другие вспомнили партизанские отряды, которые защищали родную землю.

Так, через многие столетия события и поступки

людей словно перекликаются. Иной раз кажется, что они повторяются. И это естественно. Ведь все мы учимся у наших предков и идём вперёд в надежде, что наши потомки подхватят всё то хорошее, чего достигли мы своими трудами и исканиями. Помните, кем бы вы ни были, — ваш труд не исчезнет.

Призадумайтесь над этим, дорогие читатели, и вы поймёте тогда, как много может дать история и как она нужна каждому из нас. И может быть, юный друг, прочитав эти страницы, ты призадумашься над тем, что дали тебе все эти люди, которые трудились в поисках забытого царства. И ты проникнешься уважением к трудам археологов, художников, реставраторов и филологов. Ты проникнешься к ним чувством уважения, а может быть, и сам пожелаешь стать одним из участников таких поисков.

Однако не все могут стать участниками таких поисков, а прочесть, понять и по достоинству оценить историю забытого царства может каждый, кто умеет читать. И если это свершится, то автор будет считать, что он выполнил свою сложную задачу, что он понятно рассказал тебе о том, как рождаются новые страницы истории.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПОИСКИ И НАХОДКИ

* Поиски легендарной Трои	7
* Древнее царство Урарту	16
* Царство кочевников-скифов	27
* Помпеи	42

ЛЮДИ ИЩУТ ЗАБЫТОЕ ЦАРСТВО

поиски согдианы

Это было давно	55
Таинственное письмо	58
Нужна экспедиция	61
Крепость на горе Муг	63
Самое большое сокровище	67
Арабское письмо на коже	70
Дивасти — ключ к открытию	73
Где этот город?	77
Пенджикент найден	79
День на раскопках	82
Перед нами согдийцы	89
Живопись	93
Как сохранить росписи?	98

Почта прочитана через двенадцать столетий	102
Архитектор на развалинах	113
Согдийские монеты	116
В моде золотые пояса	119
Каким был царский трон?	122
Может быть, это амазонки?	124
Гордони Хисор — Шея крепости	126
Принцесса без головы	131
Согдийцы не сдавались!	134
О чём рассказали руины?	137

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Моисеева Клара Моисеевна

ЛЮДИ ИЩУТ ЗАБЫТОЕ ЦАРСТВО

ИБ № 3350

Ответственный редактор *И. В. Омельк*

Художественный редактор *С. И. Нижняя*

Технический редактор *Т. Д. Юрханова*

Корректоры *Л. Г. Петроченко* и *А. П. Саркисян*

Сдано в набор 15.02.79. Подписано к печати 2.11.79. Формат 60x84¹/₁₆.
Бум. типогр. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л.
10,23. Уч.-изд. л. 5,97+16 вкл.=7,9. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4427.
Цена 65 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская
литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1
Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополномерных форм «Целлофот»

К читателям

Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Моисеева К. М.

М74 Люди ищут забытое царство: Рассказы об археологических открытиях/ Художник Б. Кыштым. 2-е изд. доп. — М.: Дет. лит., 1979. — 142 е., ил.

В пер.: 65 к.

Книга рассказов о том, как открытия, сделанные учёными, позволили нам узнать о жизни наших далёких предков. О работе археологов, востоковедов, архитекторов, реставраторов узнают ребята из этой книги.

М 70802 - 524 323 - 79
М101 (03)79

Р2



Люди ищут забытое царство.
Кто эти люди? Археологи, востоковеды,
художники, архитекторы, этнографы,
историки, реставраторы.
Эта книга расскажет вам
о том, как был открыт древний
город Троя, воспетый Гомером.
Вы узнаете, как погиб город
Тейшебаини в древнем царстве Урарту,
побываете в шатрах кочевников-
скифов, живших на нашей земле
двадцать пять веков назад,
окажетесь в Помпеях,
засыпанных пеплом Везувия.
Вы завершите своё путешествие
на раскопках древнего Пенджикента,
среди памятников согдийского царства,
рассказавших о далёком прошлом
Таджикистана.
Автор этой книги детская
писательница Клара Моисеева
написала десять исторических
повестей о далёком прошлом челове-
чества. Герои её книг жили
в древней Сахаре, у берегов Нила
и в степях Алтая. Были среди них
отважные согдийцы, воины царства
Урарту, учёные древнего Хорезма,
рабы из Помпей и купцы древ-
него Кушанского царства.